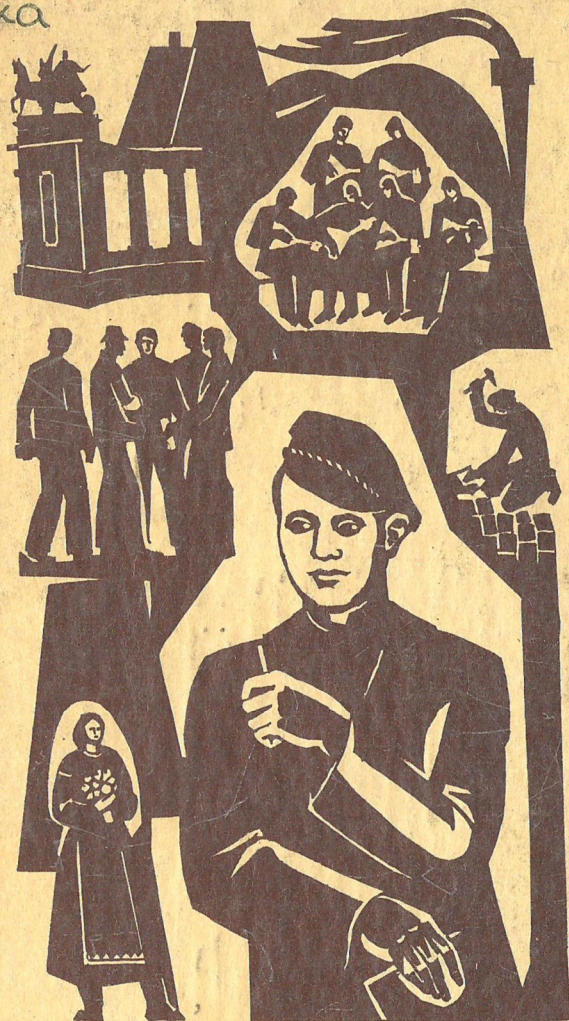

8 рт
Вака

Дмитрий
Вакаров

СОЧИНЕНИЯ

Dei Berapoh

Дмитрий Вакаров

СОЧИНЕНИЯ

Художник В. С. Олашин

Наукова бібліотека
ім. М. Максимовича
КНУ
ім. ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

1219809

Ужгородська
бібліотека

Ужгородська
Ордена Дружбы народів
издательство «Карпати»
1986

«Сочинения» — наиболее полное издание произведений закарпатского поэта-антифашиста Дмитрия Вакарова (1920—1945), замученного в фашистском концлагере. Два раздела составили поэтические и прозаические произведения, раздел «Дополнения» объединяет материалы, расширяющие представление о творческом и человеческом облике писателя, более полно представляющие авторское наследие.

Редакционная коллегия:

В. И. Данканич, А. И. Дей, П. К. Добрянский,
И. И. Дорошенко, К. Г. Зозуляк, В. М. Лесин,
Р. М. Лубкивский, Ю. В. Мейгеш, В. Л. Микитась,
А. В. Мипанич, В. С. Поп

Редакционная комиссия:

В. И. Данканич, Е. Д. Довганич,
А. О. Олексик-Вакарова, Д. В. Павлычко,
В. С. Поп (председатель), М. В. Симулик,
П. Н. Скупец, В. А. Сочка, И. Л. Хоменко

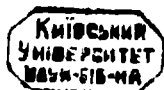
Составители:

Е. Д. Довганич, В. С. Поп, М. В. Симулик,
В. А. Сочка, И. Л. Хоменко

Вступительная статья В. С. Попа

Рецензент Д. В. Павлычко

1219809

В 4702010200-005 37-85
М215(04)-86

© Издательство «Карпати», 1986.

УСТРЕМЛЕННЫЙ В ГРЯДУЩЕЕ

Закарпатский поэт Дмитрий Вакаров прожил неполных двадцать пять лет. И те — в неволе, под кованым сапогом тысячелетнего иностранного владычества, сурового полицейско-жандармского надзора, террора. Последний год — в фашистских казематах.

Созданное Вакаровым в литературе привлекает все большее внимание высоким эмоциональным накалом, поэтическим своеобразием. И этого достаточно было бы для нашего духовного приобщения к автору. А то, что жизнь Дмитрия Вакарова — подвиг, озаряет его художественное наследие высокой звездой истинно человеческой, бескорыстной и жертвенной любви к правде и свободе.

Поэтому каждое слово поэта-борца, все созданное его светлым талантом, даже просто записанное его рукой заслуживает непреходящего интереса. Каждая строчка Д. Вакарова укрупняет черты его внутреннего мира, цельной человеческой натуры, характеризует формирование и сущность его духовности, широту и весомость мыслей, увлечений, воззрений и революционно-гуманистических устремлений. Мы не только воспринимаем его, но и осознаем, с чего он начинался, чем жил, что преодолевал, чему радовался и чем печалился, что питало его талант, волю, мужество.

С расстояния лет мы отчетливо видим, что для Д. Вакарова не было мелочей ни в быту, ни во взаимоотношениях с близкими, друзьями, ни в общественных заботах, ни в творчестве. Всему он придавал особую значимость. Полнее и ярче видны многогранность дарования Д. Вакарова, многомерность его человеческой личности и творческого мира, органическое единство жизни и творчества. Не хочется вдаваться в неоправданные аналогии, но будет кстати вспомнить судьбу Шевченко: как и у бессмертного Кобзаря, у юного Вакарова жизнь и творчество были неразделимы: жил — как творил, творил — как жил. Одинаково бескомпромиссный в своей любви к родному угнетенному народу и в ненависти к угнетателям, верховинский поэт-бунтарь все подчинял высокому, общественно важному, поэтому сделанное им духовно неистребимо, как человеческая совесть и честь.

Как всякий истинный писатель, Дмитрий Вакаров врос корнями в свое время и его проблемы, в родную землю — Закарпатье, которое наполняло его слово певедомой «безбатченкам» силой, впитанными с колыбели мотивами, настроениями, образами, хотя пафосом, художественными обобщениями он поднимался неизмеримо выше.

Мгновенная, как молния, и такая же огненно-яркая жизнь Дмитрия Вакарова каждой искоркой отдана родному народу, его извечной мечте о свободе. Биография поэта — в мужественной борьбе и бесстрашных произведениях, в которых он предвещал новый день Карпат, когда между братьями не будет границы-межи.

Сколько раз у костра с овчарами и лесорубами сидел! А сколько раз и сам становился рядом с верховинцами — на каникулах брал в руки молот и шел долбить камень, мостить пути-дороги.

Пройдет время, уроженец Изы, что на Хустчине, Дмитрий Вакаров и сам начнет сплетать свои думы-боли. В венок для потомков, в неуязвимый узор поэзии нашего края 40-х годов, когда во весь голос прозвучало слово поэта-бунтаря.

Дмитрий Онуфриевич Вакаров родился 3 ноября 1920 года, и его лирическому голосу суждено было стать отзвуком дум и настроений трудящихся Закарпаття, потому что и личная его судьба созвучна их судьбе. Отец поэта, крестьянин-бедняк, как и тысячи других тружеников края, тщетно пытался устоять на родной земле в вечной борьбе с нуждой. Он трижды отправлялся в поисках куска хлеба за океан. Надломившись в тяжелой работе, преждевременно умер, — осиротели жена и трое детей, для которых он искал счастья.

А Дмитрий рос. Влюбленный в жизнь, пытливо-мечтательный, впитывающий в себя все, чем богато было село, откуда ему открывался широкий мир. А богато оно было непокорностью папскому произволу и святым порывом к братьям на Востоке: еще в 1904—1906 годах, да и позднее, в 1914-м, прогремели в австро-венгерской монархии мараморошские процессы над изьянами. Об этом злодеянии властей и патриотическом духе крестьян будет вещать мировая печать, с глубоким душевным соучастием напишет пламенный украинский писатель Я. Галан в памфлете «Довольно!» («Годі!»).

В 20—30-е годы нашего века все громче и влиятельнее в крае звучал голос коммунистической организации. Она имела в Изе крепкое ядро активистов, которые революционизировали сознание трудящихся, подымали их на борьбу, вели за собой. Вакаров хорошо знал многих коммунистов, общался с ними, прислушивался к их зову, читал подпольную литературу. Вместе с учительницей М. Качалой — дочерью известного деятеля Закарпатского крайкома КПЧ И. Локоты организовывал культмассовые вечера молодежи, театральные представления, был свидетелем и участником проводимых коммунистами маевки, голодных походов крестьян, демонстраций и забастовок рабочих, которые под красным флагом боролись за свои права, за волю, за жизнь.

А в черные времена фашистского режима немало изьян перешло в Советский Союз, притягательная сила которого для народных масс Закарпаття все более возрастала. Д. Вакаров помнил: взгляд сюда, на Восток, завещали известные его земляки — писатель-поле-

мист М. Андрелла и культурный деятель И. Раковский (оба похоронены в Изе). В его мир властно входило все то, что происходило не только в Закарпатье, но и далеко за его пределами, все, что обогащало, вдохновляло и — мучило, терзало, а в Великую Отечественную войну сердце Димы (так с теплотой и сегодня называют его друзья) любовью прикипало к Советской Отчизне, клокотало гневом к ее врагу, полнилось верой в победу над фашизмом.

Социально-экономические и политические процессы (вблизи и вдали от родного порога) оставляли на сердце юного поэта зарубки: ничто не проходило мимо его тонкого восприятия. Все это формировало революционное сознание поэта-бунтаря, борца против тьмы и несправедливости, определяло дух мужественного слова, способность трезво, критически разбираться в сложных вопросах.

Каждый день привносил новое в понимание общественной роли поэтического слова (к которому так тянуло!) во время учебы в Хустской гимназии. В нее записали мальчика в 1933 году. Со временем, в 1936-м, Дмитрия, как одного из беднейших и одаренных учащихся, переводят на бесплатную учебу в Прагу. «Милость» господ! Понял ее Дмитрий, но как ни бунтовало все его существо, шел, должен был идти дорогой науки. А тут, в Праге, выплеснутая волной Великого Октября эмигрантщина стремилась воспитать парня в духе ненависти к Советской власти, к Стране Ленина. Но пожала ненависть к себе. В юноше все явственнее зреет интерес к советской культуре. С большой радостью он воспринял возможность побывать в Праге на концерте хора, руководимого Александровым, посмотреть советские кинофильмы «Бронепоезд Потемкин», «Веселые ребята», произведшие на него неизгладимое впечатление. А в свой «Песенник» (1936—1938) с увлечением записывает услышанные «Широка страна моя родная» («Песня о Родине»), «Полюшко-поле» («Полюшко»), «По долям...» («По долинам и по взгорьям»), «На закате ходит царень» («И кто его знает...»).

После расчленения фашистами Чехословацкой буржуазной республики Дмитрий в 1939 году возвращается в Хустскую гимназию. И снова — десять километров ежедневно пешком. Новые живые впечатления о бедствиях, нищете трудящихся, об их борьбе за право на жизнь. Одаренность, отличная память, склонность к аналитическому мышлению способствуют успешному усвоению программного материала, обогащают кругозор, эрудицию Дмитрия. В гимназии он целенаправленнее углубляет свои познания и интерес к художественному слову, который все более склоняется к русской и особенно советской литературе. Благодаря учителю русской словесности П. В. Линтуру, который сплачивал прогрессивную молодежь и с энтузиазмом прививал ей патриотические чувства, заботливо формировал ее духовный мир (по доносу за это он был уволен с педагогической работы как неблагонадежный), Д. Вакаров читает

«Мать» М. Горького (восхищенный романом, он неоднократно рекомендовал его своим друзьям), «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятую целину» М. Шолохова, поэму «Двенадцать» А. Блока, поэзию А. Жарова, С. Есенина. Именно в этот период формируются его художественно-эстетические вкусы. А свое увлечение литературой Дмитрий развивает в самообразовательном кружке гимназии — он входил в его руководящее ядро. Энергичность, душевная открытость, эмоциональность натуры, дар организатора привлекали к нему молодежь. Дмитрий организывает в гимназии и в селе Изе струнные оркестры, которые с большим успехом выступали на школьных и сельских вечерах, пропагандируя мелодии украинских, русских народных и советских песен. В гимназический период, в феврале 1940 года, Дима дебютирует в печати стихотворениями, вслед за которыми появятся новые, которые все чаще будут открывать читателю его думы, настроения, переживания.

Сблизившись с прогрессивной молодежью края и активно воспринимая настроения и устремления трудящихся, Д. Вакаров понял, что путь к свободе — в борьбе, в воссоединении с Советской Отчиной. Этот патриотический дух ширится среди ученической молодежи. На стенах гимназии появляются надписи «Vivat SSSR!». Полиция рыщет, преследует гимназистов, допрашивает, пытает. Среди этих смельчаков, умеющих хранить тайну, — и Д. Вакаров. Не здесь ли первые уроки мужества, испытания патриотических чувств проходили его соклассники по гимназии Виктор Орос, Гавриил и Георгий Логойды — они, как и Дмитрий, вольются в антифашистскую борьбу, которой и отдадут свои жизни! Не этот ли патриотический дух будет сопутствовать в пламени огненных лет первому закарпатскому Герою Советского Союза Степану Вайде и многим отважным добровольцам Советской Армии!

Идейное возмужание юного Вакарова стало еще ощутимее во время его учебы на философском факультете (отделение славянской филологии по специальности русская словесность) Будапештского университета, куда он поступил осенью 1941 года. Прожиточный минимум обеспечивает себе репетиторством, уроками русского языка (частными и в школе Берлица), тяжелым физическим трудом во время каникул. Здесь уже более осмысленно и основательно осваивает он философию и литературу народов мира. Как свидетельствует «Записная книжка» студента Вакарова, круг его чтения был широк. Кстати, записи он ведет, кроме русского, на украинском, чешском, словацком, венгерском, немецком, сербохорватском языках, которыми хорошо владел. Здесь, как и в школьных сочинениях, начинающий поэт обнаруживает большие способности к усвоению иностранных языков. Особенно жадно углубляет и расширяет Д. Вакаров знакомство с русской классической, а тайком и с советской литературой, в частности с произведениями революционных

и пролетарских писателей М. Горького, Н. Островского, В. Маяковского, Я. Купалы, Л. Первомайского. Судя по тщательно сделанным выпискам, особенно живой интерес вызвали у него статьи А. Жданова по вопросам советской литературы, где внимание заострено на ее новаторской сущности, идейности, гражданственности, партийности.

Благодаря своим способностям и душевным качествам, Дима завоевывает доверие молодежи. Статья на путь борьбы за свободу помогли решительность, его гражданское самосознание, революционный гуманизм. В письме к товарищу от 14 ноября 1942 года он признается: «Живу я, как истинный пролетарий, который теперь совершенно проникнут желанием бороться за права и честь каждого человека или погибнуть. Это не громкие слова, а твердое решение... Согласен воевать до последнего — будет польза или нет. Хотя я знаю, что — будет...»

Именно в Будапеште, как подтверждают некоторые материалы, Д. Вакаров становится участником антифашистского подполья, возглавляемого испытанным коммунистом-интернационалистом Ференцем Патаки. Друзья Димы по учебе вспоминают и серба Петара Врбашки, словака Яна Бачика и других борцов, которые вместе с Вакаровым создали студенческую ячейку подпольной группы. На квартирах этих товарищей собирались тогда самые смелые, вели оживленные беседы на политические темы, узнавали о делах на Восточном фронте, получали новые и новые задания. В найденном письме от 17 января 1944 года, написанном сразу после приезда Вакарова на зимние каникулы в Изу, он завуалированно сообщает связанному товарищу-подпольщику о важности, целях и задачах активизации действий. Чувствуется, что Вакаров был посвящен в стратегические планы подполья и имел полномочия как организатор определенного звена. Действовал он от имени подпольной группы. Присущие ему решительность, пристрастность сочетаются в этом важном деле с бдительностью, строгой конспиративностью. Методам подпольной работы Вакаров был хорошо обучен.

Письмо Д. Вакарова проливает свет на наименее изученную страницу жизни и борьбы поэта-антифашиста, характер и сама судьба которого определили его место на передовой в общем строю. Не случайно Советское правительство наградило поэта медалью «За боевые заслуги».

В марте 1944 года в Будапеште Д. Вакаров был арестован. А потом — судебный процесс в Мараморош-Сигете, на котором осужден к пожизненной каторге. И были еще казематы смерти с их изуверскими палачами — Дахау, Нацвейлер, Шемберг. Но не иссякали вера и любовь, доверенные дахауской тетради (вряд ли она дойдет до нас, затерявшись в фашистских застенках), что и решило окончательную судьбу поэта. Чтобы продолжить борьбу, Дима входит в

интернациональный комитет освобождения, который был раскрыт, и снова нечеловеческие истязания, пытки...

7 марта 1945 года его не стало.

Но живет он в памяти благодарных сердец. Для нас и ныне звучит его мужественная песня — неподвластная смерти. Новые и новые свидетельства мужества и оптимизма, покоряющей душевности, человеческого благородства и высоты духа освещают образ Вакарова.

Дмитрий Вакаров начал свой творческий путь в Праге, в конце 30-х годов. Но особенно острым становится его творчество в 40-е годы. Со своими стихами, очерками, фельетонами, чаще всего подписанными псевдонимом «Дима», он все активнее выступает в газетах, коллективных сборниках, альманахах.

Немалая часть произведений Вакарова до сих пор не найдена, а кое-что, по-видимому, безвозвратно затерялось в судебных учреждениях, казематах тюрем, многое уничтожено фашистами. Но даже то, что известно, поражает широтой интересов и мотивов, богатством стилевых тональностей. Дима мог быть нежным, откровенно-ласковым, даже сентиментальным, когда воспевал любимую, которая вновь и вновь воскрешала в нем думы о родной Отчизне с ее гордой красотой. Поэт становился решительным, беспощадным, когда сатирически бичевал угнетателей народа, клеймил пропическим словом предателей, был страстным в призывах к борьбе. К слову вспомнить и побратимов Вакарова поэтов Ю. Гойду, М. Шпицера, Н. Сокача, К. Галаса, П. Продана, И. Керчу, В. Сочку, С. Панько, В. Диянича, Д. Лазаря, Ю. Керекеша, И. Архия, Н. Меленича и других, чья лирика вдохновлялась гражданским пафосом, исполнена остросоциальных и освободительных мотивов.

Безусловно, не все в творческой жизни Д. Вакарова было оригинальным. Поэту приходилось преодолевать различные литературные влияния, выразившиеся в некоторых стихах минутными разочарованиями, интимными сомнениями юноши, — особенно в сложной социально-политической атмосфере Европы конца 30-х — начала 40-х годов. Но четко прослеживается, что Д. Вакаров заявлял о себе как поэт, активно ищущий более полного самовыражения, и утверждался в строго реалистическом письме, в определяющей для всей литературной жизни досоветского Закарпатья гражданской тональности. Минутные упадочнические настроения не были характерными для Вакарова, но и они многое говорят о сложности литературного процесса края тех лет и формирования в нем реалистических тенденций. Ранние стихи поэта помогают лучше уяснить его столь непродолжительную творческую эволюцию.

Первое слово любви Д. Вакарова обращено к родному краю и его труженикам. Поэт переживает за извечные обиды, эксилуата-

цию и бесправие простого верховица. Он с болью видит: «Все тут собственность магната, кроме синевы небес» («Над лесами гомон птичий»); «Лесоруб в родных Карпатах — чужеземной силы раб» («Леса»); «В каждом взоре столько горя — море-океан» («Кинешь взором...»); «Чадом смерти и проклятьем веет от Карпат» («Строит...»).

Здесь ярко проявилась все более усиливавшаяся гуманистическая струя лирики Д. Вакарова, в которую властно врываются эпические начала. Особенно чувствуется это в самом объемном поэтическом произведении Д. Вакарова «Бокораши», рассказывающем о духовной и физической силе тружеников гор. Хотя оно и не закончено, но по жанру напоминает лироэпическую поэму с элементами баллады.

Изображая картины ужасающего бедствия трудящихся Закарпатья, Д. Вакаров исполнен оптимизма, чувствует силы, способные завоевать счастье. Лирический герой его поэзии — бунтарь. Он воплощает народную устремленность в новый день, убежденность в неистребимости духа народа, выстоявшего перед веками лихолетья.

Революционно-патриотический пафос, прометеизм Д. Вакарова своеобразно художественно трансформирует голос «Бунтарей»:

Хватит молитвы,
юность, гори!
Жизнь наша битва,
мы — бунтари!

Автор этих страстных призывов был далек от писаний тех закарпатских литераторов — и предшественников, и современников своих, которые лишь оплакивали судьбу своего народа, но уходили от борьбы.

Мотивами революционной героики, призывом завоевать счастье-долою, твердой верой в торжество справедливости пронизано большинство стихотворений Д. Вакарова, в частности «Все сами возьмем», «Из хат выходят на просторы», «Мой товарищ», «Голодный поход», «Наш путь», «Будет день!».

Вакаров отстаивает в своих произведениях высокие общественно-эстетические идеалы. Революционная борьба трудящихся является для него мерилом красоты и бессмертия человеческого духа. Он стремится к неустанному деянию во имя счастья человеческого, к утверждению в человеке высокого, гордого и вечного. И лейтмотивные образы борьбы и труда, песни и любви, взаимодополняясь, становятся в произведениях Вакарова символами настоящей жизни. Вспомним хотя бы стихи «Мечта», «Консонанс», «Певцы», «Так трудно», «Друзьям-поэтам». Автор конденсирует свои идеалы в следующих строках:

Люблю я правду светлую,
песни ей пою.
Люблю я жизнь бессмертную,
жизнь люблю, люблю!

Так мог сказать только большой жизнелюб, одухотворенный богатым ощущением «Весьмира», светлым порывом сделать его лучше. Очарованный полетом, песней или солнцем как поэтическими символами борьбы, горения и свободы, лирический герой Вакарова просто задыхается в «мире крошечном». Ему хочется вырваться из пут земного притяжения и ощутить пространство, «владеть Вселенной». Космическое чувство широты и глубины мира — один из аспектов проявления его действенного мышления, направленного на преобразование жизни. Это не отрешение, а желание почувствовать себя хозяином земли, жажда наибольшего творческого самораскрытия и самоотдачи. Такова философская концепция свособразного цикла стихотворений — «Мечты», «Смотряшь...», «В мире звезд и бездн», «Звезды и очи» и т. д.

Свое высшее назначение Д. Вакаров видит в служении народу, Отчизне. Именно это придавало ему силы, выводило на стезю бесстрашных социальных битв, призывало к мужеству:

С мечтой о воле
не расстанусь,
Огнем душа моя полна.
Я за народ свой биться стану,
Не зная отдыха и сна.

Вакаров, может быть, как никто из тогдашних молодых поэтов Закарпатья, сумел отобразить красоту и стойкость творца новой жизни — революционного народа, возглавляемого пролетариатом. Он верил в пролетариев, которые в революционно-освободительных боях «победу куют» («Песня»), радовался, что «крепнет рабочая сила» («Встанем, карпатские братья!..»). В гневном стихотворении «Отдает уже гнилью могильною...» поэт и сам становится в один ряд с пролетариями: «Мы — рабочих товарищей класс». Д. Вакаров поднялся до понимания исторической роли пролетариата. Он был первым последовательно революционным пролетарским поэтом Закарпатья.

Счастливого будущее родного края поэт не мыслил без его воссоединения с Советской матерью-Родиной. Эта тема стала одной из определяющих в его творчестве. Развивая лучшие литературные традиции, прежде всего народно-революционной поэзии, художественно воплощая идеи, которые питали широкие массы и которые горячо пропагандировала Коммунистическая партия, Д. Вакаров на новом историческом этапе поэтизирует самые заветные чаяния трудящихся,

обращавших свои взоры на Восток («Сентябрь 1939 года», «Чайка», «Бунтари»).

Дмитрий Вакаров жил думой о великой Отчизне. Характерно, что и письма к друзьям он нередко заканчивал призывом: «За Родину!», причем в заглавной букве «Р» он соединял «С» и «Р», и друзья понимали, что призыв означает: «За Советскую Родину!». Высокие патриотические, гражданские чувства пронизывают, в частности, стихотворение «Незваный гость» (1941). Силой веры в непобедимость советского народа, смелостью выражения исторического оптимизма оно созвучно произведениям советских писателей периода Великой Отечественной войны, а также лучшим стихотворениям земляков-антифашистов. Поэт-патриот Д. Вакаров, убежденный и гордый тем, что «Русь не сдастся в боях никогда, никому», в завершающих строках дает широкое обобщение:

Найдут на Руси все тевтопы
И смерть,
и могилу,
и гроб.

Эти вещие слова и сегодня звучат предостережением всем завоевательским намерениям агрессоров.

В образной системе, ритмике и стилиевой структуре таких стихотворений особенно ярко проявляется революционная романтика Д. Вакарова. Если добавить к этому веру поэта в новый день, показ действительности в революционной перспективе, воспевание могучей силы пролетариата, то становится очевидной подоснова социалистического реализма в его творчестве. А это было качественно новой чертой всего литературного процесса досоветского Закарпатья.

Призыв к активному действию в революционном преобразовании жизни Д. Вакаров противопоставляет проповедям пассивности, рабской покорности, рупорами которых, затуманивая сознание народных масс и отвлекая их внимание от насущных нужд социальной борьбы, выступали и сами хортисты, и их прислужники.

Разоблачительная тенденция в творчестве Д. Вакарова тоже ошутима. Она исполнена сатирической тональности. Тревожась за свой народ, переживая его страшную трагедию, поэт с поистине классовой ненавистью клеймит разноликих врагов — магнатов, баронов, церковнослужителей, жандармов, отступников, изменников, господских слуг-холуев с их рабской моралью. В этих стихах поэт особенно остро ставит морально-этические вопросы, которые занимали в его творчестве тоже важное место.

Даже интимная лирика Д. Вакарова, в основе которой искренние и глубокие чувства юноши, влюбленного в жизнь, молодость, красоту, насыщена нередко гражданским пафосом.

Основные мотивы лирики Д. Вакарова ярко воссоздают образ поэта-патриота, поэта-борца. Поэзия для него — это исповедь души, это голос и зов его гражданской совести. Его стихотворения вобрали в себя чувства и думы всех простых людей, они близки трудящимся разных национальностей. Д. Вакаров оставил грядущим поколениям свои пламенные произведения — «искры среди ночи», чтобы они вдохновляли нас на подвиг во имя солнечного дня. Поэтому выдающийся украинский писатель, лауреат Ленинской премии Михаил Стельмах имел все основания сказать, что Дмитрий Вакаров «истинно народный поэт... поэт человеческой правды и надежды, юноша кристальной чистоты и верный сын Родины... Его короткая жизнь была мужественной песней, и песня его была самой жизнью».

О широте творческих интересов Д. Вакарова говорит нам и его внимание к прозаическому жанру, фольклору и этнографии. Они были для него близкой творческой стихией. Поэт основательно готовился к работе в жанре прозы, с первых литературных шагов вынашивал замыслы многих произведений, о чем свидетельствуют записанные в тетрадь названия одиннадцати тем, из которых реализованной дошла до нас одна — «Большая перемена». В другой тетради записано пять позже опубликованных произведений.

Из рукописей и заметок видно, что Д. Вакаров небезуспешно включался в жанр прозы. Пробы поэта в этом жанре — преимущественно этюды, очерки, рассказы, фельетоны, философские раздумья. Судя по заметкам, его привлекали социально-бытовые темы, фольклорно-этнографические, фантастические, героико-исторические сюжеты, морально-этические проблемы. Большинство из написанного — неоконченные произведения, но они заметно выявляли потенциальные возможности молодого автора (писались рано, главным образом в 1940 году) в реалистическом отображении действительности, психологии и характеров людей. В лучших из них — «Иван Прокуп», «Богатыри», «Любовь гимназиста», «В Карнатах», «Где счастье?» — Д. Вакаров, как и в своих поэтических произведениях, ставит остро-социальные проблемы, активизирует патриотические настроения. Автор показывает картины горемычной жизни верховинцев с их бедностью, запуганностью и ненавистью к мироедам, ко всем, кто не может «похвалиться чистой совестью». Вместе с тем Вакаров влюблен в красоту природы, его увлекают простые, гордые духом, богатые душой, волевые люди — выходцы из народа. Вспомним хотя бы героя рассказа «Иван Прокуп», через восприятие которого то в драматическом, то в горько-ироническом плане просвечивается внутренний мир, взгляд на жизнь в буржуазном обществе вечно бедствующего труженика, его гневное осуждение мироедов, которые лишь «знавуг дерги та исти». В произведении художественно сильно прозвучал вакаровский пафос (известный уже по стихотворению

«Инвалиды») изобличения антинародной сущности империалистических войн, милитаризма, пафос, раскрытый через активное мировоззрение забитого еще вчера крестьянина, в котором империалистическая война отзывается тяжким проклятием, падающим и на разного рода господ, сливающихся с ней в его восприятии.

Реализм рассказа усиливается тонкой индивидуализацией духовного мира, образа мышления и восприятия героя-крестьянина — униженного бедствиями, но с высоким человеческим достоинством, мыслящего, острого на социальную оценку событий и фактов, в чем он выражает свой своеобразный протест против всяческого зла. Усиливает народное звучание рассказа своеобразный язык, часто насыщенный колоритными диалектизмами, на наш взгляд, и здесь, и в других рассказах целиком оправданными художественной задачей.

Приметным для творческой манеры и концепции героя Д. Вакарова является рассказ «Богатыри». Судя по зачину, сюжетному движению, он задуман как цикл социально-бытовых зарисовок из народной жизни, о карпатских богатырях. Почти завершены главы «Иван Задильский» и «Иван Михайлину». Писателя увлекали народные характеры. «Богатыри» — одно из произведений, в котором Д. Вакаров обращается к народно-поэтическим сюжетам и образам, в частности преданиям о земляках-горянах. Молодой автор восхищается богатырской силой своих предков, что определенным образом символизировало мощь и неистребимость той частицы великого народа, которая оказалась в неволе и боролась за свое освобождение. Основная идея произведения исходит из общей направленности революционного творчества Д. Вакарова. Характерно, что фольклорные образы писатель стремится осмыслить социально, с философской озвученностью. В верховинских богатырях он воплощает символ родного народа, в котором желал видеть богатыря-борца.

В композиционно и идейно обобщающей концовке рассказа выявляется характерное для Д. Вакарова стремление к познанию на научной основе мира, к аналитическим обобщениям фактов и явлений. Рассказчик осуждает буржуазное общество, в котором прогресс оборачивается отрицательными явлениями, в частности физическим вырождением людей. Молодой литератор в несколько иронической форме старается если не осмыслить эти явления, то хотя бы заставить читателя задуматься над ними.

Как видим, Д. Вакарова занимали герои, через которых просматривались широкие эпические темы.

Ощутимо стремление Д. Вакарова овладеть художественными принципами композиции, психологического анализа героев. Интерес автора к психологическим темам и его возможности в этом довольно удачно явил рассказ «Любовь гимназиста» — проба художественного постижения чувства первой юношеской любви.

При доминирующей в рассказах лирико-драматической тональности ощутима струя иронического («Большая перемена») и остросатирического дарования Д. Вакарова. Последняя — особенно в фельетоне «О литературе и о Кобыле», смысл которого значительно шире, чем воспринял его один из «героев» — буржуазный журналист Левицкий, грубо обрушившийся на автора в печати. Острие фельетона Д. Вакарова направлено прежде всего против распространенной в Закарпатье псевдонимомании молодых литераторов и изоляции их от общественных тем, против надуманности, безжизненности отдельных произведений.

Увлечение Д. Вакарова фольклором и этнографией выявилось и в его обстоятельных очерках — «Свадебные обычаи», «Зимние рассказы об упырях», этюдах «Цыган в анекдотах», а также записях популярных в народе песен фольклорного и литературного происхождения («Песенник»). Он с любовью собирал в народе (прежде всего в родном селе) живое поэтическое слово, записывал песни, обряды, баллады, легенды, сказки, анекдоты, пословицы и поговорки, и все это нашло отзвук в его собственных произведениях.

Поэтическое мировоззрение героев Д. Вакарова (стихотворений и прозы), их оптимизм, влюбленность в родную природу, сила духа генетически связаны с фольклорно-этнографическими истоками.

Отметим интернационализм и патриотизм Д. Вакарова, проявившийся в подборе песен — украинских, русских, грузинских, словацких, чешских, сербохорватских. Особенно интересовали его тексты песен советских поэтов и композиторов (об этом свидетельствуют редкостные записи), интонационный и образный лад, которых тоже приникал в его творчество.

Высота общественно-эстетических идеалов Д. Вакарова определялась, конечно, его политическими убеждениями и эстетическими принципами. Поэт жил будущим, верил в него и боролся за его приближение. Литературу и искусство он воспринимал не как развлечение, а признавал за ними общественно-преобразующую роль. Так, наставляя в письме девушек-изянок, как формировать в себе полноценную человеческую личность, Д. Вакаров писал о значении художественного слова: «И читать побольше. Я и в прошлом письме, и всегда буду повторять: читайте как можно больше, но, читая, старайтесь понять, а поняв, проводите в жизнь».

И в поэтических произведениях, и в прозе, и в письмах Д. Вакаров утверждал мысль, что литература должна вдохновляться гражданскими, социальными и революционными мотивами (в этом, в частности, убеждают и его выписки из прочитанных книг). Отстаивая гражданственное пристрастие, высокую идейность как душу, как истинную цену литературы, Д. Вакаров остро выступал против литературной бездумности, фальши. В письме к Д. Лазарю он уничтожающе бичует одного из редакторов буржуазной газеты, который

глушил голоса прогрессивных литераторов, искажал их произведения, зато популяризовал реакционного стихоплета с его виршами «без ритма, без идеи, наполненными сюсюканьем об улетевшем помещицьем рае царской России... однообразностью, пустой описательщиной» престарелого эмигранта, «который никак не может примириться с ходом истории» (23. XI. 1942).

Подобные выражения Д. Вакарова помогают глубже понять идейно-художественные устремления поэта-революционера, прочувствовать его идейную бескомпромиссность и высокий эстетический вкус.

И не случайно произведения Д. Вакарова часто застревали между рогаток цензуры. Вот несколько сообщений «Почтового ящика» буржуазной газеты «Карпаторусский голос»: «Карпаты» не пролезли сквозь игольное ушко» (21. III. 1942), «Весенняя тоска» не прошло цензурой» (7. I. 1942), «Мы» не прошло через цензуру (29. IV. 1942), «И ты — Родина моя» не прошло цензурой (26. VII. 1941), «В рассказе «В Карпатах» из-за цензуры вынуждены были иное резкое слово заменить более мягким, которое может пройти...» (4. X. 1940), «Одно из Ваших стихотворений не прошло цензурой» («Русская правда», 1940 от 11 мая) и т. д.

В письмах к друзьям Дмитрий и сам писал: «Как видно, цензор съел мои стихи, которые Лазарь обещал выпустить» (1. II. 1943), «В ответ на его (литературного редактора реакционера Левицкого. — В. П.) глупые исправления я ему писал письма, от которых у него желчь разливалась по внутреню» (17. III. 1942), «Стоило бы перепечатать моих «Опырей», «Цыгана в анекдотах», которые были прежними редакторами изувечены» (8. X. 1942).

Письма Д. Вакарова — необычайно богатый источник познания духовной сущности его как творческой личности, настроений, переживаний. Какой огромный и сложный мир мыслей, забот, чувств, переживаний вмещал он в своей человеческой душе, пропускал через свое чуткое сердце! И как страстно горел желанием служить народу! Письма хорошо раскрывают натуру Д. Вакарова — человека прямого, бескомпромиссного в важных общественных вопросах, с друзьями душевно открытого, внимательно заботливого, охотно делившегося своими житейскими горестями-радостями и не упускавшего возможности помочь, дать ценные советы-напутствия. Вместе с тем видим цельную натуру, человека глубоких суждений, всецело преданного общественным интересам, бросившего вызов нечеловеческой действительности и своим поэтическим словом, и скрытой от посторонних глаз подпольной борьбой. В письме к другу он сообщал из Будапешта (видно, не столь для предупреждения и намек на осторожность в действиях, сколь для поддержания духа, бодрости): «Тут дела ничего. Виктора (подразумевается Виктор Орос, друг Вакарова по подполью. — В. П.) взяли. Я жив, здоров, работаю... Пускай

вас не пугает происшедшее... Ни трусов, ни пустоголовых нам не нужно» (7. III. 1944).

Хортистская полиция сурово преследовала молодого поэта, выискивала его произведения, на что он неоднократно сетует в письмах. Так, в письме к другу от 23 марта 1942 года Д. Вакаров писал: «Недавно украл кто-то все мои стихотворения. Напрасно я искал их. Кто мне их вернет! Между ними было много таких, за которые можно за решетку...».

Но ничто не пугало поэта-борца, и он «бился с врагом силой правды, своим великим сердцем и страстным словом» (М. Стельмах). Он, наоборот, еще более оттачивал свое поэтическое слово, которое все явственнее приобретало общественно-эстетическую значимость, что впоследствии было достойно отмечено в «Истории украинской литературы»: «Творчество Вакарова в закарпатской поэзии знаменовало качественно новый этап. Оно ставило перед литературой новые эстетические проблемы, поднимало роль художника в освободительной борьбе. Поэт художественно открыл образ героя-борца, которого до этого не знала закарпатская литература. Как никто до него в Закарпатье, Вакаров пристрастно поднял голос против тирании, создал образ революционного рабочего, который преобразует мир... и построит свободную, справедливую жизнь на земле»¹.

Порожденное конкретно-историческим временем творчество Д. Вакарова — яркая страница общеукраинского литературного процесса. Органически прописанное в литературной жизни Закарпатья, куда поэт внес качественно новые идейно-художественные черты, творчество Д. Вакарова, как и его антифашистская деятельность, выходит за пределы локального, сугубо местного значения. Пафосом борьбы против всяческого зла, революционным гуманизмом, антифашистской направленностью и историческим оптимизмом, отстаиванием свободы, правды и добра, как основополагающих начал грядущего, прославлением народа как творца истории лирика Д. Вакарова, углубленная в традиции революционной поэзии прошлого, сродни творчеству писателей Спротивления, литераторов-антифашистов, особенно советских — периода Великой Отечественной войны. Не случайно она представлена в антологических изданиях советских писателей-воинов.

По словам Дмитра Павлычко, известного советского поэта, интерпретатора Д. Вакарова на украинском языке, «героическая жизнь, революционная поэзия, мученическая смерть ставят Вакарова в один ряд с такими личностями, как Муса Джалиль, Юлиус Фучик, Робер Деснос, Анна Франк, Никола Вапцаров, Кшиштоф-Камиль Бачинский, Антуан де Сент-Экзюпери... Вакаров принадлежит к людям,

¹ Історія української літератури: В 8-ми т. Т. 7.— К.: Наукова думка, 1971, с. 372.

которые из своего сердца выковывают последующую и более высокую ступеньку для истории...». Не будет лишним здесь вспомнить также всемирно известные имена Федерико Гарсиа Лорки и Виктора Хары.

Дмитрий Вакаров живет в памяти народа. Писатель еще мучился в фашистских застенках, а свободные изыне уже заочно избрали его первым председателем сельского Народного комитета. Друзья и поклонники таланта поэта сохранили и с любовью собрали его произведения, и они уже пять раз печатались отдельными изданиями.

Лучшие стихи Д. Вакарова вдохновенно зазвучали в поэтическом украинском слове — переводах Д. Павлычко («Вибрані поезії», 1957; «Удар за ударом», 1980), П. Скунца (сб. «Віщий вогонь», 1974), Л. Тендюка, В. Лучука, М. Петренко, В. Фелинишинца, появлялись на венгерском, словацком, чешском языках.

В 1961 году Дмитрий Онуфриевич Вакаров был посмертно принят в Союз писателей СССР, а его имя высечено в Киеве на мемориальной плите героям-литераторам, погибшим в борьбе с фашизмом. В 1966 году Закарпатский обком ЛКСМУ учредил премию имени Дмитрия Вакарова, лауреатами которой стали лучшие молодые писатели, скульпторы, архитекторы, артисты, композиторы. В июне 1967 года в Хусте, а в июне 1983 года в родном селе поэта Изе открыты памятники. Бюст Д. Вакарова выставлен в Областном краеведческом музее. Из года в год обогащаются экспонатами Мемориальный музей в Изе и районный Историко-краеведческий музей в Хусте, носящие его имя. В честь Д. Вакарова названы улицы городов, в том числе и в областном центре, библиотеки, литобъединения, пионерские дружины. Посвященные Д. Вакарову вечера (особенно повсеместные и массовые в связи с его 50- и 60-летием), ежегодные Вакаровские литературные чтения, зачисление поэта-борца в многочисленные трудовые коллективы, комсомольские трудовые вахты его имени — эти и другие формы чествования Д. Вакарова, наряду с изданием и изучением литературного наследия, — поистине его шаги в бессмертие. Это вхождение в нашу жизнь не просто дань уважения к борцам, любимым писателям, а проявление морально-психологического возвышения нашего современника в духе героико-патриотических и революционно-гуманистических традиций, обогащенных и Вакаровым.

О жизни, творчестве Д. Вакарова немало сказано в исследованиях ученых, в статьях-раздумьях писателей, в воспоминаниях его друзей. Появились и первые книги о нем. В частности, сборник воспоминаний о Д. Вакарове его современников «Я в жизнь пришел навечно» («Я навіки прийшов у життя», Ужгород: Карпати, 1975), литературно-публицистический очерк И. Чендея «Когда занималась заря» («Коли на ранок благословлялося», Ужгород: Карпати, 1967).

Жизненный и литературный подвиг Дмитрия Вакарова опозитизи-

рван в художественных произведениях многих писателей — в рассказах И. Жупана «Дима» («Недопетая песня»), И. Чендея «Жернов», «На заре», Б. Харчука «Мужество», в повестях В. Полищука «Встретимся на Менчуле», М. Лялько «Зарница надежды», в романе С. Скляр-енко «Карпаты», в поэмах П. Скунца «На границе эпох», Т. Севернюк «Сущность», в поэтическом цикле В. Вовчка «Венок Вакарову», в стихотворениях В. Боржавина (Сочки), В. Панчепко, М. Рипко, В. Матива, Д. Креминя, В. Фединишина, В. Вароди, В. Густи, И. Петровция, П. Мидянки, Г. Фодора, М. Неймети и др.

Образ закарпатского поэта-борца оживает в творениях художников — в скульптурных работах И. Гарапко, М. Поповича, К. Лозового, М. Беленя, на полотнах П. Баллы, Л. Гайду, в линогравюрах В. Скакандия, в интарсиях Н. Толстой и др., в произведениях народных умельцев, его голос — в песнях композиторов. О Д. Вакарове созданы и киноленты.

Мужественная жизнь и поэзия закарпатского патриота-борца вдохновляют творчество писателей и работников искусств гражданским пафосом, нацеливают их на осмысление своего времени, на раскрытие героического народного характера.

Так входит Д. Вакаров в грядущее, о котором он мечтал и за которое боролся, — входит неотступно в нашу жизнь. И ныне его поэзия побуждает к раздумьям о сущности «Весьмира», наших моральных принципах. Потому-то в поэме «На границе эпох», посвященной Д. Вакарову, словно на переключке поколений, П. Скупец сказал от имени современника-созидателя, живущего болями и радостями Земли:

Розумієш, Митре, —
я будую,
Розумієш? — сонцю навздогін...
Я будую —
значить, і бунтую.
Проти пустовщини і руїн.

Дмитрий Вакаров живет в духовных высотах своего народа. Он погиб за народ и в нем обретает бессмертие.

Мечты, за которые погиб Д. Вакаров и которые он доверил своей песне, сбылись. «Сегодня я смотрю на простых людей, которые нашли свое большое счастье, и думаю: это ради них отдал свою жизнь мой сын. Это за счастье рабочих людей, за их труд, за счастливую молодость сложил голову мой сын. Смелый, гордый, добрый сын», — вспоминала, объятая седою думою, мать Дмитрия.

...Расцвел в свободном братстве советских народов родной край поэта. И в этом разноцветии красной гвоздикой пылает имя Дмитрия Вакарова — вечно живого, юного, как и его песня.

ВАСИЛИЙ ПОП

ПОЭЗИЯ

ОТЧИЗНЕ

*Ты — моя вера,
я — слово твое.
Счастье мы ищем —
твое и мое.*

*В радости, в горе —
с тобой я всегда.
Не брошу, не кину
тебя никогда.*

*Ты — моя песня,
я — эхо твое.
Счастье найдем мы —
твое и мое.*

*В правде вся сила —
твоя и моя.
Правду найдем мы,
Отчизна моя.*

МЕЧТЫ...

Тебя когда вспомню —
Приятно так вдруг!..
Луч дум и мечтаний
Играет вокруг...

Тебя, лес, Карпаты,
Ручей, небо, луг...
Зовут удалиться
В вечерний досуг...

Мечты прилетают,
Становятся в круг...
Кружась, воспевают —
Тебя, милый друг.

Дышать вольной грудью...
С тобой, милый друг,
В любви коротать бы
Счастливый досуг...

Иза, 25. VI. 1938

МАРИАННА

Когда тоска терзает душу,
Когда клокочет гнев в груди,
Одна ты для меня отрада,
Звезда на жизненном пути.

Твой образ боль души снимает,
Надежду к счастью подает,
Туман и горе разгоняет,
Снимает с сердца злобы гнет.

Тебя лишь вспомню — все проходит,
В душе сияет горный свет,
Не стало скорби, ни печали,
Не стало скуки, злобы нет.

Когда я счастлив и доволен
И раем жизнь сдается мне,
Вновь о тебе я вспоминаю,
И жизнь проходит, как во сне.

Фантазии даю я волю,
Мечты взлетают далеко...
Я знаю счастье лишь с тобою,
С тобой все ясно, все легко.

Я счастлив. Жизнь ко мне любезна.
В душе лелею я любовь,
Не надо славы бесполезной,
Лишь быть с тобой во век веков.

Прага, 8. X. 1938

ВЕСЕННЯЯ ТОСКА

Посв. Марианне

Не знаешь ты,
Как я тебя люблю,
Как я, любя, страдаю,
Как сердце я сомнением гублю,
Как душу я сомнением терзаю.

Идет весна,
Природа вся
Весны полна.
Для всех она
Мила, ясна,
Волшебница весна...

Лишь я стою
Один, печален и угрюм,
И много дум,
Мучительных и страстных,
Волнует грудь мою.
Кругом с волнением смотрю,
Очей не вижу серых и прекрасных.

Не плачу я...
Что слезы? В них
Уж нет ни страсти, ни огня,
Они как дождь, когда гроза прошла
И разъяренный вихрь затих.

Прага, 26. IV. 1939

* * *

Люблю гулять в глухих местах,
Бродить напрасно и без цели
И проводить в пустых местах
Весь свой досуг, забыв о деле.

Брожу я сам, все об одном мечтая,
Все та же грусть волнует грудь мою.

Нет, не мечтаю я о вечной жизни рая,
Нет, не о райском счастье я пою.

Земная грусть мне душу давит,
Земным томленьям предан я.
Увы!.. Судьба со мной лукавит,
Как и лукавила всегда.

Прага, май 1939 г.

И ТЫ — РОДИНА МОЯ

Посв. Марианне

Люблю в тебе родные горы
И шум карпатских быстрых вод,
Прелестной Родины просторы
И бедный, бедный наш народ.

Люблю родных Карпат я темя,
Люблю Бескидов я гранит:
Ведь там живет родное племя,
Там песня русская гремит!

Там Тиса мчится грозным валом,
Леса там чудные, как май,
Цветов волшебным покрывалом
Укрыт наш весь любимый край.

Мужик наш бедный, но проворный,
Умеет речь хранить свою,
Он горд, он смел, как сокол горный,
И льву подобен он в бою.

...И ты, прелестная Мария,
Отчасти Родина моя:
В тебе мне дороги родные
Леса, и горы, и поля.

Прага, 1. VI. 1939

СЕНТЯБРЬ 1939 ГОДА

Мы этот час так долго ждали,
Так много, много лет...
И он идет в броне и стали —
Привет тебе, привет!

Пишу я новую страницу,
И на душе легко,—
Приходят братья на границу,
Они недалеко.

Я верю: скоро день настанет,
Исчезнут рубежи,
И между братьями не станет
На севере межи.

(1939)

ПЕСНИ ЛЬЮТСЯ

Песни льются,
Вдаль несутся.
Отзвук их летит,
Людам говорит:
И в Карпатах
В сонных хатах,
В дебрях и лощинах,
В селах и долинах,
От Попрада
До Говерлы,
Встав от сна,
Народ
Двинулся вперед.

(1939)

Песни льются,
Вширь несутся,
Словно звон-набат,
Всем они гласят:
От Попрада
До Говерлы,
В дебрях и лощинах,
В селах и долинах
Встали люди,
Праздник будет!
Кончится недоля,
В дверь стучится воля!

ИЗА

Иза русская,
Православная,
Превосходно ты
Расположена:
Словно в сердце ты,
Средь котловины
Развернулась
Черепахою.
Церковь белая
И высокая
Средь села стоит,
Видна издали.

Воды чистые,
Темно-синие
В Тису-матушку
Отправляючи.
Ох, страшна Рика
В повинь лютую,
Разлилась вокруг,
Словно озеро,
Залила поля,
Затекла в село.
Все тут в зелени
В пору летнюю —

Крыши сельских хат
Или темные,
Драницовые,
Или красные,
Черепичные,
Или серые,
Этернитовы.
Справа Дил-гора,
А под ней Рика
Серебристая,
По полю эмеей
Извивается,
Воды чистые,
Темно-синие
В Тису-матушку
Отправляючи.
Ох, страшна Рика
В повинь лютую...
Ольга здесь живет
Синеокая,
Незабвенная,
Ненаглядная.
А поля вокруг
Зелень-зеленью,
Летом желтые,
Колосистые.

Иза, 1939

Среди яблонь, груш,
Средь орехов, слив,
Средь акаций, лип,
Среди ясеней,
Среди тополей.
Справа Дил-гора
Цепью тянется,
А под ней Рика
Серебристая
Разветвляется,
Эмеей по полю
Извивается,
Дальше на восток,
За дубровою,
Лесом-дубьями,
Дальше бук густой —
Буковиной лес
Называется.
Здесь Раковский жил
И народ учил,
Семена бросал
В почву добрую.
Семена выросли
Буйным деревом,
А плоды пожнет
Лишь грядущее.

ЗВЕЗДЫ

Почему я днем расстроен,
Зол, насмешлив и угрюм,
А под вечер так спокоен,
Полон тихих ясных дум?
Днем живу земною жизнью,
То кипучей, то пустой,
То страдаю за Отчизну,
То бреду сквозь мрак густой.
А как вечер наступает,
Открывая небосклон,
Мир нездешний оживает,
Погруженный в сон.
В этом звездном трепетанье
Непонятная тоска,

В нем созвездий упованье,
В нем сливаются века.
А душа моя неясно
Помнит каждую звезду,
Среди них жила прекрасно,
Созерцая мир внизу.
В этом звездном трепетанье
Беспредельная тоска,
В нем любви очарованье,
В нем сливаются века.

Иза, 1940

К МИЛОЙ

В твоей улыбке столько ласки
И столько милой простоты,
О, я б желал, чтоб эти глазки
Мирской не знали суеты!
Чтобы была среди разврата
Одна хоть чистая душа,
Я б к ней прильнул — и без возврата,
Любовью пламенной дыша.
Твои задумчивые очи
Волнуют душу, мутят кровь...
Твоя улыбка мне пророчит
Страданья, грезы и любовь.
Страданье для меня не новость,
В мечтах проходит жизнь моя,
И сквозь грядущего суровость
Мечты к любви манят меня.
К тебе... чтоб отдохнуть немного
И вновь в мир сказок улететь,
Мне дан такой удел судьбою,
Чтоб о любви и дружбе петь!

(1940)

* * *

Ну, куда же ты рвешься, безумное сердце?
Отчего ты стучишь так в груди?
Иль тесно тебе там, вольно жить захотело?
Не стучи же ты так, погоди!..

Надоела тебе одинокая жизнь?
Хочешь ты поделиться с другим,
Таким нежным и милым, как ты, мое сердце?
Поделиться с ним счастьем своим?..

(1940)

* * *

Взирая на стихов своих помятые листы,
Былые дни теперь я вспоминаю вновь;
Мои давно уже угасшие мечты,
Мою давно тобой презренную любовь.

О, если б знала ты, как я тебя любил!
(А ты? Тебе все это было так смешно!)
Как именем твоим я свято дорожил!
Нет! Так любить теперь и мне уж не дано.

Но все давно уже прошло. Отвергла ты
Тогда мою безумную любовь;
И молодые прежние мечты
Едва ль во мне воскреснут вновь.

Но мне милы воспоминанья;
Они встревожили в крови
Давно потухшие страданья
Давно отвергнутой любви...

(1940)

ТЕБЕ

Ты прелестная подруга,
Ты мечта души моей.
Гений с высшего ты круга,
Ангел, образ юных дней.

Жизни мрачное ты время
Заменяла мне весной,
Полной счастья, вдохновенья,
Полной неги с красотой.

Ты, быть может, лишь на время
Вдруг мне руку подала,

Чтоб красой своей, как пламя,
Жизнь и душу обожгла.

Ты сегодня, как бывало,
Слово мне скажи одно,
Чтоб душа в нем услышала,
Что хотелось ей давно.

(1940)

БУРЯ

Пляшет дикая стихия,
Содрогается земля;
Гнуты сосны вековые,
Ветками хрустя.

Буря в даях утонула,
В поле вышла тишина.
На пригорке вновь заснула
Старая сосна.

(1940)

* * *

...Звучат как-то грустно
Сердечные струны,
Тоскуя, наводят
Угрюмые думы.
О счастье тоскуя,
Тебя вспоминают,
Любовью и Верой,
Судьбой называют.
Дождутся ли струны
Любви и признанья...

(1940)

Иль будут все время
Певцами изгнанья?
Изгнанья из жизни
Счастливой, веселой...
Страданья, мечтанья
О прелести милой...
Иль буду я жизни
Певец одинокий,
Томясь и страдая
От милой жестокой?!

* * *

... я плачу слезами страдания,
Но напрасно, ах, счастьем не быть.

Русская песня

Сжался ты надо мной, не гони, а прости,
Для тебя я готов в жертву все принести.
Ты молчишь, но твой взгляд мне надежду дает,
Позови ж, и унынье мое пропадет.

(1940)

* * *

Я видел сон, прелестный сон:
Передо мной предстала ты.
Я был безмерно поражен
Сияньем дивной красоты!

(1940)

К В-ой

Когда я, гуляя по шумным лесам,
Внимал чудным звукам любимой гитары,
И песням природы, и шуму лесов,
Дремучих, зеленых, то чары,
То прелесть-тоску приносящим
Мелодиям сладким крылатых певцов,
Ударам ли грома, журчанью ль ручья
Иль песням дубравы, полей и лугов,
Вдруг вспомнил тебя я, и облик твой ясный,
И стройный, и милый предстал предо мной...
Почувствовал вдруг я, что мир весь прекрасный,
Исполненный страсти, любви неземной!..
Тогда отрекался от мелочей жизни
И мыслью летал я превыше небес
Лазурных, и чистое сердце и ясность души
Не смог бы разрушить завистливый бес...

(1940)

* * *

Вот совет тебе сердечный:
Живи честно, без обмана;
Правда — это лозунг вечный,
Ты поверь словам бояна.

(1940)

* * *

...Я вчера так безумно желал,
Чтоб была ты моею по собственной воле;
На твоей бы груди я пылал,
Умирая от сладостной боли.

Твое тело так ловко и стройно,
И так женственно-нежно оно!
Эта грудь и овалы достойны
Поцелуев, объятий давно.

Эта талия, стройные ножки,
Этот взгляд синеокий и ясный!
Я не раз тебя видел в окошке
В синем платье, воздушном, прекрасном...

(1940)

МАТЬ

П. м. б. ж.

Дитя в колыбели лежит,
Лицо от горячки сгорело;
А грудь от движенья дрожит,
В агонии мечется тело.
 Как будто затеяло с кем-то игру,
 Ручонками ловит кого-то,
 Все мечется, бредит в жару,
 Глаза в одну точку уперты.

Над ним стоит юная мать,
Лицо похудело от горя,
Не в силах, несчастная, слез удержать —
Надежда теплится во взоре.

Глаза обрамленные черной каймой,
Все горе во взоре излито,
Но в гору направлен взор ясный, немой —
В нем вера еще не убита.
О, сколько величия в строгих чертах!..
И море любви в этом взоре,
И горе безбрежное в серых глазах —
Надежду не отняло горе..
Тс... тише... ребенок уснул,
Лицо наклонив к изголовью;
Взор матери нежно прильнул
К малютке с двойною любовью.
Глаза благодарно горят,
И клятвы проносятся вслух...
И мир, и любовь там царят,
Где жизни огонь не потух...

Иза, 20. I. 1940

ПРЕЛЮДИИ

Посв. Лизе

Шепот, робкое дыханье,
Трепи соловья...

А. А. Фет

Вечер тихий,
Вечер майский,
Ночь-волшебница ясна...
Пляшут блики —
Трепет райский,
Впечатлений грудь полна.

Звезда ясна,
Трепет яркий,
Вот красавица луна...
Шепот страстный,
Губки жарки,
А глаза — моря без дна...

Все так мило.
Как-то грустно,
Сердце пьяное в груди.
Лепет милой,
Месяц тусклый,
Шум деревьев, песнь вдали...

Иза, 10. II. 1940

ИСПОВЕДЬ

Ох, помню, как ты трепетала,
Склонив мне головку на грудь,
И мило стыдясь, лепетала:
«Мой милый, меня не забудь!»

И было так чисто признание,
И голос так нежно дрожал,
Вдали было слышно журчанье,
Напев соловья нас ласкал.

И грудь надрывалась от счастья,
Я кудри твои целовал,—
И бурный порыв сладострастья
Мне душу глубоко пронзал...

Но карие детские очи
Чистейшую душу являли,
И я покраснел во тьме ночи,
Стыдясь за порыв небывалый.

11. II. 1940

К МАРИИ Ш.

Чиста ты, как неба лазурь,
Как слезы малютки, как капли росы,
Живешь ты без страсти, без бурь,
Как образ спокойной и вечной красы.
Мила ты, как грезы поэту,
Как юность, как воля, как запах весны,
Гордыни в душе твоей нету,
Глаза твои грустно-ясны.
Твой образ припомнишь в забвенье —
И сразу воспрянешь душой.
Глаза проясняют в мгновенье,
Взирая на облик святой.

11 февраля 1940 г.

БУРЯ

Разыгралася стихия,
Заревела, завывала,
Гнутся дубы вековые,
Содрогается земля.

В дикой пляске ветер свищет,
Все ломает, все несет,
Будто демон в буре рыщет,
Будто страшный суд идет.

Но полился дождь росистый —
Наступила тишина,
Солнце светит, воздух чистый,
И природа вновь ясна.

...Так в душе людской порою
Страсти бурные кипят:
Злостью, ревностью немою
Давят, режут и палят.

Сердце рвется в страшной муке,
Задышается в груди;
Очи — пламень, и в разлуке
Вся душа, как ад, гудит.

Но с очей полились слезы;
Вмиг настала тишина,
Позабыты гнев, угрозы,
Остается грусть одна.

11 февраля 1940 г.

СОН

Посвящено Соне

Я видел сон, как ты со мною
Сидела рядом на скамье,
Как грациозно ты порою
Склоняла голову ко мне!

Пред нами чудная картина:
Вдали видны верхи Карпат,
Вблизи широкая равнина,
Вокруг леса как будто спят...

Ручей с хрустальной водицей
Журчит и пляшет среди скал;
Вверху летал орел с орлицей,
И взор его ее ласкал.

Твой взор прельщался дивной птицей,
Признанья у меня искал,
А я сидел с моей орлицей,
Губами кудри ей ласкал.
Но я поднялся вдруг спросонья,
И милый призрак миновал;
Тебя уж не было тут, Соня,
А я все воздух целовал.

11. II. 1940

ПЕВЦЫ

Посв. карпатским поэтам

Поют они,
Певцы Карпат,
Певцы долин,
Попрада, Тисы
И Ужа,—
Поют они,
Им вторят в лад
Леса вдали,
Поют березы,
Чуть дрожа...
Певцы поют,
Они зовут
Сынов Карпат,
Шагая твердо
Вперед.
А те встают,
А те идут,
Сердца стучат

Бесстрашно, гордо
В их груди...
Уж нет цепей,
Уж нет оков,
Народ проснулся
И восстал...
Гремит сильнее
Могучий зов!
Враг пошатнулся.
И упал.
Они поют,
Они зовут,
И раны лечат
И манят...
Сердца живут,
Сердца стучат,
Певцам навстречу
Вдаль летят...

Иза, 14. II. 1940

КРУГОВОРОТ

Люблю,
Страдаю
И пою,
Гублю,
Терзаю
Жизнь
свою.

Пою,
Мечтаю
И скорблю.
Люблю,
Рыдаю
И бурлю.

Призвал,
Ласкаю,
Говорю,
Обнял,
Лобзаю,
Весь горю...

Пою,
Летаю,
И — паду.
Горю,
Сгораю,
Я — в бреду.

Иза, 5. III. 1940

ПРОБУЖДЕНИЕ

Утро пламенеет,
Ночь смелó, как дым,
И заря алеет
Над Верхом седым.
Встал и я с рассветом,
Но какой рассвет,
Если счастья нету —
И отрады нет.
Был я весел, помню,
Песнь лилась моя.

А сегодня поднят
На смех горем я!
У! Как грустно, душно,
Тесно в мире зла!
Ходишь, как бездушный,
Очи режет мгла!
Вся душа разбита,
Счастье — сон иль бред,
Горечью облитый
Прожитого след...

7. III. 1940

ПРОКЛЯТЬЕ

Я проклял тот вечер свиданья,
Когда мы сидели вдвоем
И, давши свободу лобзаньям,
О всем позабыли кругом.
Обнявшись, мы молча сидели,
Уста прикасались к устам,
И, слушая трели свирели,
Отдали бы вечность мечтам.
В тиши надвигавшейся ночи
Я взор к твоему приковал
И, глядя в бездонные очи,
Их так горячо целовал...
...И эту я проклял волшебную ночь,
Терзаясь ревнивой досадой.
И часто с тех пор я гуляю в полночь,
Ища не то муки, не то ли отрады.

Иза, 8 марта 1940 г.

ОЧИ КАРИЕ

Посв. Лизе

Глубокие карие очи
Тревожат меня и во сне;
От них нету силы и мочи
Спасть где-нибудь в тишине.
 Взгляд этот душевный и нежный
 Мне душу пронзил, как мечом,—
 То тихий, то страстно-мятежный,
 То греющий ласки лучом.
О, эти глаза, загораясь улыбкой,
Так чудно, так ясно глядят!
А алые, милые губки
Так жгуче горят и манят...
 Но очи гораздо милее
 И ножек, и кудрей, и уст,
 В глазах проступает сильнее
 Какая-то скрытая грусть.
Охотно бы я поделился
Той грустью, чтоб легче тебе!
На все для тебя бы решился,
А жизнь бы я отдал борьбе...
 Но грустные карие очи
 Ревниво скрывают печаль,
 И в душу проникнуть нет мочи
 Сквозь гордости твердую сталь.

9. III. 1940

ОТЧИЗНЕ

Посв. Д. Лазарю

Грустишь ли, я тяжко вздыхаю,
Смеешься — я весел с тобой,
Ты плачешь — я горько рыдаю,
Ты злишься — я будто больной...

Я жил вдали — тоска меня терзала,
Не мог никак забыть я голос твой,
И в день и в ночь душа моя летала
К тебе, чтоб отдохнуть в тиши родной.

Не долго жил без ласки я твоей,
Не долго мучился в болезненной разлуке,
Вновь чую взгляд таинственных очей,
А сердце пляшет в жгучей сладкой муке.

12 марта 1940 г.

К НЕЙ

Куда хочу,
Туда помчу,
Куда хочу,
Тебя умчу.
 Пределов нет
 Моим мечтам,
 Размеров нет
 Мелодиям.
То устремлюсь
Я в мир идей,

19 марта 1940 г.

То вновь вернусь
К груди твоей.
 И сокрушу
 Я твой покой,
 И улечу
 С твоей душой.
В моих устах
К любви призыв:
То я — мечта,
То я — порыв.

ПЕСНЯ

Подожди, не спеши,
Мы так редко вдвоем!
Здесь так мило в тиши,
Мы здесь песню споем.
 Я гитару возьму,
 Шестиструнку свою,
 На ней вторить начну,
 О любви запою.
Я гитару люблю,
Шестиструнку свою,
Но и жизнь погублю
За улыбку твою!
 Твои очи — моря
 Без окраин, без дна,
 В них играет заря,
 Глубина в них видна.

Чудны кудри твои,
Словно были в смоле,
Вьются, как бы змеи,
На высоком челе.
 И уста так манят,
 Как малины в расцвет,
 Поцелуешь меня,
 Позабуду весь свет.
Как легонько порой
Танцевать мне с тобой!..
А в крови молодой
Кровь бурлит, как прибор!..
 Подожди, не спеши,
 Мы споем здесь вдвоем.
 Как приятно в тиши
 Распевать соловьем!

Иза, 20. III. 1940

Я ПРИШЕЛ

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор...

К. Бальмонт

Я пришел, чтоб Карпаты воспеть,
Великанов родных, там, вдали, в синеве...
Я пришел, чтобы душу излить
В песнопеньях о жгучей, но чистой любви.
Я пришел поклониться народу
И чувства живые в нем разжигать;
Я пришел, чтобы петь про Свободу,
Чтоб с народом любить и страдать.
И меня не забудут родные сердца, —
Я народу ведь сердце и душу отдал;
Я любил и люблю мой народ без конца, —
Уже в детстве я этой любовью страдал...

Иза, 7. IV. 1940

САЛЬДО

...Я всю жизнь свою размыкал...

В. Горемыка

...И в детстве ласки я не знал,
Вся жизнь моя была суровой,
Никто меня не понимал —
Все к жизни я стремился новой...
Свиданья и любовь?
Признанья ли в глуши немой?
Все, все одни лишь сновиденья,
Плоды души моей больной;
Все это бурные стремленья,
Их бурная рождает кровь...
Любви я жаждал, как и смерти,
Но горечь лишь одну я знал...
Бывал любим я, но, поверьте,
В любви спасенья не сыскал...

Иза, 11. IV. 1940

УНЫНИЕ

Я к прошлому стремлюсь,
Прошедшего так жаль,
Грядущего боюсь:
Грядущее — печаль.
 Что будет — то темно,
 Затянуто фатой —
 И ясно мне одно,
 Что нет любви святой.
Лишь временная страсть
Бушует и бурлит;
И прихотная сласть
Нас всех теперь томит.
 Любовь нам нипочем,
 Нам надо наслаждений;

Не тужим ни о чем,
Не знаем потрясений.
Ни неги, ни стыда
У наших троглодитов.
Нет счастья и следа
В эпоху паразитов.
 И ритма нет для нас,
 Спешим удобно жить;
 Влюбленный взор погас,
 Нам некогда любить.
...Я к прошлому стремлюсь,
Прошедшее светло,
Грядущего боюсь:
В нем верховодит зло...

16. IV. 1940

МАРАМОРОШСКАЯ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Посв. Ю.К.

Ах, эта ночь!.. Волшебная царица,
Так тихо дышит в томном полусне...
И душу мне, как нежная девица,
Очаровала прелестью вполне.
 Все тишь и нега... тишь и сон...
 А звезды ярко светят в небесах...
 В груди звучит нездешний перезвон,
 И ум невольно верит в чудеса...
И как тиха... и как она ласкает,
Играя нежно на струнах души...
Неслышная гармония витает
В обворожительной тиши...
 Деревья и луна, и звучный соловей
 В божественной заснули тишине...
 Лишь там вдали восторженный ручей
 Журчит и распевает песни в полусне...
И счастье мне дыханье захватило,
И грусть сдавила больно грудь мою...
Смесь чувств различных душу оцепявила,
Теперь я стал подобен соловью:
 Я песней грустной тишину нарушил
 И душу всю вложил в слова ее;

Вначале голос был мой как-то сдушен,
Затем слова полились ручьем.
Так много чувства в слове полнозвучном!
Звенит, как серебро, в чарующей тиши...
Восторг и грусть все как-то неразлучны
И вместе создают мелодию души...

20. IV. 1940

ЗВЕЗДЫ И ОЧИ

Моей ненаглядной Ольге

Звезды ночью весенней нежнее...

И. Б у н и н

Я очи знал,— о, эти очи!..

Ф. Т ю т ч е в

Звезды небесные,
Звезды вечерние,
Звезды далекие
Ввысь нас манят...
 Очи прелестные,
 Очи безмерные,
 Очи глубокие
 Душу палят...
Неугомонные,
Вечно дрожащие,
Ярко мерцают
Синью весны...

Очи бездонные,
В душу глядящие,
Мир обещают,
Счастье и сны...
Звезды безвестные,
Очи прелестные
Я беззаветно люблю;
В ночь одинокую
Я синеокою
Вспомню... и тихо скорблю...

Иза, 9. IV. 1940

В МИРЕ ЗВЕЗД И БЕЗДН

Я люблю так бессонные ночи,
В них я тайны любви узнаю,
В них встречаю бездонные очи,
В них я душу любви отдаю,

В них тоску с вдохновеньем сливаю,
И две бездны в одну я свожу,
Вспоминаю о них, забываю
И идеи свои нахожу.

Я люблю полутемные ночи,
В них я душу свою сознаю,
В них встречаю я томные очи,
В них всецело любовь узнаю.

Иза, 5. V. 1940

ЗАВЕТ

Люблю я таинственный шепот
Листвы, погруженной в сон,
Тиши, мной нарушенной, ропот
И звездный ночной небосклон.

И тайные звуки оттуда,
Куда ум проникнуть не смог,
Где нету ни горя, ни чуда,
Где нет ни страстей, ни тревог.

Люблю я ночные свиданья,
В них с тайной веду разговор,
В них целая бездна познания
Открыта мне с давних уж пор.

Люблю этот дар созерцанья
Всех бездн — и без мысли в уме,
Больших откровений мерцанья,
Как блудные искры во тьме...

Иза, 14. V. 1940

МЫ

Нам не страшны невзгоды, бури,
Мы столько их перенесли!..
С пути мы все же не свернули
И смело к правде шли и шли...
Чем больше стали куют, тем крепче,
И мускулы растут в борьбе;
Мы тверже стали, ветра легче,
Смелы, уверены в себе.
Наш путь и труден и ужасен,
Но ужасы для нас не новь;

Наш взор всегда и прям, и ясен —
Нас движет к Родине любовь.
И пусть препятствий миллионы,
И пусть врагов, что саранчи, —
Не дрогнут наши легионы,
Не отдадут свои мечи.
О нет! Мы выдержали много
И духом выше все летим;
Все выше, выше все дорога —
Добиться Правды мы хотим...

20. VII. 1940

КОСАРИ

Свистят отточенные косы,
Поют и косят косари;
Раскинуты валы покоса:
Их много, много от зари...

Все косы в такт звенят покосом,
И вал за валом вьется вдоль;
В плечах теснит глухая боль.
Уныло песни раздаются —
Косить чужое тяжело;
Уныло, тяжело думы льются:
«Если бы мое йсе было!
А вто коси, коси другому,
И пару грошей дасть тобі...
Косити тяжко, бо чужому,
Собі бы легко, бо — собі!».
...Уж солнце прямо над покосом,
Угрюмо косят косари;
Свистят отточенные косы,
Свистеть так будут до зари...

30. VII. 1940

* * *

Мне жалко напрасно потерянных лет,
Мне жалко всего, что минуло,
Что пышно цвело и чего уже нет,
Что быстро, как призрак, мелькнуло.

Как жалко всего, что навеки умчалось,
Оставив в душе лишь тоску и печаль!..
И мне ничего, ничего не осталось,
Как с грустью взирать на прошедшего светлую даль.

Что было, все было так мило, так нежно,
Без масок обманов, неискренних слов,
Все было так юно и так безмятежно,
Как синее небо, как шелест лесов...

И грусть безраздельная душу объемлет,
И так бы хотелось вернуться назад..
Вернись, мое детство!.. Но детство не внемлет..
Нельзя быть ребенком два раза подряд.

20. VIII. 1940

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ты помнишь ли вечер волшебный?
Я сказки тебе говорил,
И каждый твой взгляд задушевный
Мне так был приятен и мил?
Тогда ты иного любила,
Терзая жестоко меня.
А все же ко мне приходила,
Внезапной надеждой маня.
И в быль все ушло, утонуло,
Мой путь не сошелся с твоим,
А все же не раз промелькнуло
Былое пред взором моим.
Расставшись с тобою без слова,
Я часто страдал и любил —
Но первые грезы былого
Я в сердце навек сохранил.

20. IX. 1940

* * *

Кто знает судьбы предрешенье?
Кто видит грядущего даль?
Мы знаем лишь страх и сомненье,
Мы знаем лишь страсть и печаль.

Во мраке грядущих событий
Мерцает любовь, как заря,
И рай воскрешает забытый,
В крови трепеща и горя.
Весь мир ищет правды и счастья,
Веками сражаясь за них,
Но зависти лишь и ненастья
Он вместо согласия достиг...

20. X. 1940

КИНЕШЬ ВЗОРОМ

И вернулся я в русские горы опять,
Лишь они меня могут понять.

В. Горемыка

Кинешь взором
По просторам:
Жизнь — сплошной туман...

В каждом взоре
Столько горя —
Море, океан.

Наши горы
В наши взоры
Вдохновенье льют;
Там так ясно,
Так прекрасно,
Там не то, что тут...

Где ты доля?
Нету всполья —
Потому печаль,

Иза, 25. X. 1940

Что мне голод,
Что мне холод?
Мне народа жаль.

Этой жизнью
Для Отчизны,
Что ли, дорожить?!
Что мне счастье,
Коль ненастье
Будет здесь кружить?

Присягаю
Всем, что свято,
Не боюсь невзгод,
Жить для вас,
Мои Карпаты,
Для тебя, народ.

КОНСОНАНС

Кто жил без веры, упования,
Без страсти бурной, восхищенья,
Без слез, святого умиленья,
Не знал души очарованья —
О, тот не жил, а прозябал,
Тот счастья высшего не знал...

Хуст, 5. XI. 1940

ЕСТЬ ЛИ?

Есть ли на свете такая душа,
Чтоб душу мою поняла,
Чтоб, робость и страх пред судьбой заглуша,
Со мною к восходу пошла?

И встречу ли с женщиной, духом свободной,
Способной идее служить,
Способной увлечься грядущим народным,
За Родину жизнь положить?

О, я бы прославил ее, как богиню,
Открыл перед нею пути,
Чтоб смело и твердо, сомненья откинув,
С ней к высшему счастью идти.

Иза, 14. XI. 1940

Я БЫ ЖЕЛАЛ...

Лизе

Я бы желал, чтоб ты не знала
О вспыхнувшей во мне любви,
Ты б, может быть, ее признала,
Усилив жар в моей крови.

О, если б ты была мне вечно недоступной,
Тогда б я мучился страданием глухим,
Тогда бы я пылал, сгорая поминутно,—
И в этом пламени рождались бы стихи...

20. XI. 1940

* * *

...И душа моя неясно
Помнит каждую звезду;
Среди них жила прекрасно,
Созерцая мир внизу.
Потому я так раздвоен
И стремлюсь ввысь душой,
Потому я неспокоен,
Что я здесь совсем чужой.

В этом звездном трепетанье
Непонятная тоска,
В нем созвездий упование,
В нем сливаются века.

Иза, 25. XI. 1940

ДВЕ БЕЗДНЫ

Две бездны вечно воспевают
Моя восторженная лира:
Глаза — отверстия душевной бездны,
И звезды — как глаза бездонного
весьмира.

Иза, 26. XI. 1940

КОНСОНАНС

Посв. Ольге П.

Когда настроенной гитары
Коснется музыкант умелою рукой,
То тоны стройной потекут рекой,
Волшебный воскрешая рай и в сердце старом.
Так, если струн настроенной души
Рука умелая и нежная коснется,—
Божественная в ней гармония проснется
И ввысь умчится в голубой тиши.

Иза, 27. XI. 1940

ПРОБЛЕСКИ

Небосклон закрыли злые тучи,
На земле духовная чума;
Шар земной — страстей котел кипучий,
Мир беснуется, как будто без ума.

И для того, кто в суть вещей проник,
Вся жизнь становится реально невозможной;
Нет ничего, к чему бы он принял,
Во что б уверовал, где б путь нашел неложный.

Жизнь как будто порвалась на части,
Кажется, что зла не превозмочь...
Но я все же твердо верю в счастье,
Даже в эту сумрачную ночь!

Иза, 1. XII. 1940

ДИКАЯ РОЗА

(По Гете)

Мальчик розочку заметил в поле,
Розу полевую,
Раннесвежую, цветущую на воле;
Побежал он быстро, чтобы наглядеться
На нее вплотную,
На румянцем алым политую
Розу молодую.

Он сказал ей: «Я тебя сломаю,
Будешь ты моею, роза полевая».
Розочка ему: «Я уколю тебя,
Ты вечно будешь вспоминать меня...
О нет, страдать я не желаю!»
Роза алая, почти что развитая
Роза полевая...

Дикий мальчик вмиг ее сломал,
Розу полевую;
Розочка колола его руки,—
Не спасла ее борьба от муки:
Он ее ласкал и целовал,
А она, так ранне молодая,
Умирала, жестоко страдая.

Иза, 1. XII. 1940

К НЕИЗВЕСТНОЙ ПОДРУГЕ

Милая, милая девушка,
Где ты, мой ангел, живешь?
С кем свою жизнь коротаешь,
Ждешь ли меня или не ждешь?
Нежная, чудная, светлая,
Ты мне и жизни милей,

Все бы тебе я пожертвовал,
Кроме Отчизны своей!
Мать моя, дочь и соратница,
Фея, богиня, мольба,
Нежный мой друг, ненаглядная —
Родина, сила, судьба.
Все это ты, и ты для меня —
Вся моя жизнь и мечты!
Свет на два лагеря делится:
Все остальное и — ты...

Иза, декабрь 1940

ОЧИ

Очи, волшебные очи,
Сколько в вас силы и ласки!
Сколько в вас девственной неги,
Если смотрите без маски.

Иза, 22. XII. 1940

СИНЬ

Ясное, синее небо,
Даль, непроглядная даль...
В этой дали исчезает
Бездны небесной спираль.
Смотришь — и края не видишь,
Ум утопает вдали;
Только душа прикасается
К жизни миров вне земли.
Смотришь и чувствуешь тоны,
Что-то в них грустно дрожит,
Что-то в них животрепещет,
Отзыв в душе шевелит...
...Синие озера воды,
Ясная их глубина;
Смотрится в озеро солнце,
Смотрится ночью луна.
Тайному голосу внемлю,
Тонам живым в глубине...
Тайная сила земная

Силу рождает во мне.
Что-то родное трепещет
В сонной, глубокой воде;
Столько же в ней обаянья,
Что и в вечерней звезде...

...Синие чудные очи
Нежности робкой полны.
Шире небесной лазури,
Глубже морской глубины!
То же в них море познаний,
Та же в них тайна небес,
Та же в них сила земная,
Гордый титан, геркулес!
Сила земная сверкает
Только в минуты огня;
Чаще же нега и ласка
В них привлекает меня.
Сколько в них разных оттенков,
Сколько порывов живых,
Сколько страстей и страданий,
Сколько лучей золотых!
Очи, прелестные очи,
Окна в бездонную душу!
Вы отражаете небо,
Звезды, и море, и сушу!

Иза, 22. XII. 1940

* * *

Мне кажется, что я здесь жил когда-то
В эпоху рыцарства и рыцарем я был;
А может быть, я за свободу Спарты
На поле битвы голову сложил.

Моя душа неясно сохранила
Из тех времен мелодии и сны;

- Какая-то неведомая сила
Влечет меня к сказаньям старины.

Былое вижу в образах бессвязных,
Но ясно чувствую в мелодиях простых,
В которых льются все страдания несчастных
И прошлого величия черты.

Тона́м и то́нам я внимаю,
Неуловимым, но не скрытым для мира;
На что иной и смотрит, но не замечает,
Я чувствую в волнении эфи́ра.

(1940)

О ЖИЗНЬ! ТЫ — МИГ...

О жизнь! Ты — миг, но миг прекрасный,
Неповторимый, дорогой,
Равно счастливый и несчастный...
Расстаться нелегко с тобой...
Но не о том моя тревога.
Я не пришел, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И брэнность мира проклинать.
Живу, чтоб горю не сдаваться,
Живу, чтоб жизнью дорожить,
Перед судьбою не склоняться,
Работать, веровать, любить!

Иза, 1940

КАПЛЯ ЗА КАПЛЕЮ...

Капля за каплею в вечность стекает,
Века за веками бегут...
А горе людское предела не знает,
А слезы ручьями текут...

(1940)

* * *

Люблю бессмертный дух народа,
Он движет нас, он нас ведет,
Пока он жив — жива свобода,
Живы и мы, идем вперед.

(1940)

ЖИВОЙ ТРУП

Уныл, неряшлив и худой,
Бредет по улице, как тень,
С опущенною головой
И в серой шляпе набекрень.

Глаза без блеска, без огня,
Лицо иссохшее, в морщинах;
Его нимало не манят
Волшебные Карпат вершины...

(1941)

ИСПОВЕДЬ

В унынье пребывая черном,
Твой голос вдруг я уловил,
И с чувством тихим и покорным
Я этот миг благословил.

Мой ум, обожествив химеры,
С тобой все связи потерял;
И я, страдающий без меры,
Тебя в бессилье укорял.

Но в сердце жар любви всесильной
Под внешним холодом пылал,
Хоть ум в надменности могильной
Его постигнуть не желал.

О, как я счастлив и доволен,
Когда со мной твои глаза;
Мой ум, быть может, зол и болен,
Но сердце чисто, как слеза.

1941

* * *

О, возьми мою страстную душу
И умчи в голубые края,
Чтоб, покинув постыльную сушу,
Там парила, где песня моя.

Подари мне бездонное сердце,
Чтобы искры бросало смелей,
Чтоб проникнуть в земные глубины
И их тайны открыть для людей.

Иза, 1941

ЗВОН

Звучит... он, кажется, рыдает —
Печальный, тихий звон...
Он сердце кровью обливает,
Ведь он — предвестник похорон...
 Да нет!.. Уже ли это звон?
 Какой-то мрак рассудок затемняет...
 Все кажется, что кто-то молотком
 Мне прямо в мозг и кости ударяет...
Темно совсем... Уж солнце над закатом,
Не вижу ничего кругом,
А мерные, тяжелые раскаты
Гудят, как гром, в мозгу больном...
 В мозгу или в груди? Не знаю,
 Мне кажется, что все лишь сон,
 Но я старательней внимаю:
 Звучит прощальный грустный звон...
Ах, да!.. По ней уже трезвонят,
И хор поет неподалеку!..
Мое ведь сердце там хоронят,
Судьбой разбитое жестокой!..

(1941)

АЛАЯ РОЗА

Так ярко прелестная роза алеет
На женственной юной груди;
Мой взор от нее оторваться не смеет, —
Жестоко за это его не суди.

Он грудью любуется больше, чем розой,
И сходит, несчастный, с ума;
Тоска его мучит, он чувствует слезы,
Его заслоняет какая-то тьма...

А роза колышется тихо и плавно,
И пестрое платье колышется с ней.
Все это для глаза ужасно забавно
И тянет его все сильнее и сильнее.

Иза, 1941

МОЖЕТ БЫТЬ...

Может быть, скажешь ты:
— Для чего же полез он в альбом?
Ведь альбом для друзей,
Друзей жизни моей.
Ведь не друг же мне он!
На что мне комплименты его!
И что надо ему,
Я никак не пойму! —
Вырви лист из альбома тогда!
Брось его мне в лицо,
Когда встретишь меня...

Когда к тебе печаль заглянет,
Когда тебе боль сдавит грудь,
Когда сомнение нагрянет —
Про все печали позабудь.
И если все «друзья» тебя покинут
В беде, как и всегда бывало,—
Ты не печалься тем нимало,
Ты вспомни друга. Всегда он и везде
Тебе поможет и поймет.

Может быть, что тебе не понравится то,
Что без спроса полез я в альбом.

Иза, 1941

РАЗЛУКА

Ты ушла от меня,
Я опять одинок.
Как грозой от цветка
Унесенный листок.

Жизнь опостышела мне,
Я привык лишь страдать,
Не угодно судьбе,
Видно, счастья мне дать.

Как любил я тебя!
Как люблю до сих пор!
Как поднял бы меня
Один светлый твой взор!

Но напрасно я ждал —
Твоих глаз серых взор
Не любовь выражал!..
А упрек и укор...

Услыхав от тебя
Скорбный свой приговор,
Не свирепствовал я,
Проклиная раздор.

Молча принял удар,
Молча крест я несу,
В сердце жар я тушу —
Жар же вспыхнул в пожар.

Все пылает, горит,
Все горит да горит.
«Прощай!» — ум говорит,
«Люблю!» — сердце твердит.

Да, люблю, не забыл,
Но не знаешь ты то,

Иза, 1941

Как я сердцем изныл, —
Тебе важно не то.

Пусть моя уж любовь
Не тревожит тебя, —
Разыграется ль кровь,
Усмирю ее я.

Будь спокойна, пути
Наши уж разошлись;
Ты с другими шути,
Ты с другими любись.

Да, уж кончено все,
Но не в силах забыть,
Что когда-то цвело...
Как же сердцу не ныть?..

Поезд... летние... ты...
Приход ясной весны...
Все пустые мечты,
Все тревожные сны?..

Помню танцы, кино,
Твоей негу руки,
И... не все ли равно?
Уж они не мои.

В ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Почему к земле привыкнуть мне так трудно?
Все стремлюсь туда, где звездный Млечный Путь,
Где кометы бродят в беспределье чудном,
Где душа свободно бы могла вздохнуть.

Я б хотел, как сокол, средь созвездий реять

И окинуть взором все, что только б мог;

Я б хотел весь мир в своей душе лелеять,

Быть, как солнце, ясным, быть, как полубог.

Человек обязан весь переродиться,

Если хочет быть хозяином высот;

Нужно, главным делом, духом возродиться,

Чтоб молниеносный выдержать полет.

Чтобы мозг не треснул от Всемирной Мысли,
Грудь чтоб вынесла Всемирную Любовь
И чтоб Сокровенное умом осмыслить,
Чтоб не задохнуться выше облаков.
И тогда на тихих крыльях электронов
В правильных спиралях небосвод винтить!
Отдохнуть немного на Урана лоне,
Неизведанные выси посетить!

Иза, 1941

* * *

Как больно веровать в земное
и умирать...
Нет прежних сил уже со мною,
не нужно лгать.

Вечерний холод входит в душу,
как в темный лог...
Ничем тот холод не нарушу,
я — одинок.

Меня оставил мир надменный
в сей грозный час.
И вот один в тоске безумной
ищу я Вас.

(1941)

* * *

Если нету огня,
ты не пылай.
Если нету любви,
ты не вздыхай.
Если в сердце тоска,
песню ты спой.

Если радость в душе,
душу открой.
Если вспыхнет огонь,
ты не туши.
Если будет любовь,
песню пиши!

1941

ДРУГУ

Мы спор вели ненужный
С тобою обо всем.
Но шли с тобой мы дружно
Всегда одним путем.

У нас одна дорога,
У нас враги одни.

Но и друзей есть много —
Ты на друзей взгляни.

Мы оба с кривдой бьемся,
О правде мы поем.
И мы не разойдемся,
Мы вместе в бой пойдём.

1941

НЕБЕСНЫЕ ОЧИ

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна...
Ломоносов

О звезды, звезды! Что за сила
Мою к вам душу пригвоздила?
Какая тайна в вас мелькает,
Неясно в душу проникая?

Лишь только солнце удалилось,
Блеснув прощальными лучами,
Как вдруг все небо оживилось,
Сверкая чудными очами.

В необозримом небосклоне,
Туманно-синем и бездонном,
Блистают ярко миллионы
Спектральным светом многотонным.

Фигуры, как в калейдоскопе
Созвездий близких и далеких,
Яснеют в мощном телескопе,
Спускаясь с перспектив высоких.

...О звезды, чудные, родные,
Мою вы душу приковали!
В вас радости струны живые,
В вас тайна неземной печали...

Иза, 1941

СЛЕЗЫ

Слезы бессильные,
Слезы обильные
Льются в глуши.
С ними стекает,
С ними слетает
Горечь с души.
Слезы народные,
Слезы горючие
Льются-текут.

Слезы Отчизны
К мести-расплате
Всех нас зовут.
Злоба святая
В сердце моем.
Я призываю
Ночью и днем:
Бей чем попало,
Бей топором!

(1941)

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Алмаз мне нравится —
он очень тверд.
Орел мне нравится —
он смел и горд.
Мне лев бесстрашный нравится —
он полон сил.
Мне взор подруги нравится —
он ласков, мил.
Люблю я звезды беспокойные,
что ярче всех.
Люблю мелодии я стройные —
в них стон и смех.
Люблю я сердце непокорное —
свободный дух.
Люблю я счастье непритворное
влюбленных двух.
Люблю я все, что гармоничное,
что как Она,
Все, что простое,
вечное,
Чем жизнь полна.

Иза, 9. I. 1941

ВЕСНОЮ

(Из Гейне)

Тихо шевелит душою
Тихий, нежный звон...
Вейся, песенка, весною
Ввысь, под небосклон!

Радостно туда помчись ты,
Где цветов полно;
Если роза там случится—
Поцелуй ее.

Иза, 1941

МОЛЬБА

Пожалей ты меня, дорогая,
Освети мою темную жизнь.

Русская песня

Почему ты не любишь меня,
О, за что же меня ты не любишь?
Иль в душе моей мало огня,
Что ее ты холодностью губишь?

Ведь вся жизнь моя — рана открытая,
Ты ж терзаешь жестоко ее;
Вся душа вечным горем изрытая,
Кровью сердце вскипает мое.

О, хоть ты будь подругой моей,
Второй жизнью, спокойной и ясной,
Среди злых, вероломных людей
Будь звездой моею прекрасной!

И поэзию, музыку, сказку,
И все блага, всю душу свою
Я бы отдал за нежность и ласку,
За одну лишь улыбку твою!

Все отдам я тебе не жалея,
Сам же рыцарем буду твоим:
Будь моею, прелестная фея,
И мы в вечность с тобой улетим.

Иза, 1941

Зачем я без любви люблю,
Зачем пою без вдохновенья,
Зачем без пламени бурлю,
Сочувствуя без сожаленья?!

Зачем, скрывая в сердце лед,
Смеюсь, людей развеселяю,—
А сам дни-ночи напролет
В борьбе с отчаяньем страдаю?!

...Ох, жизнь! Прости меня, старуха,
Но в том виновна ты, поверь,
Что мы, утратив гордость духа,
По миру шлемся теперь!

(1941)

НЕИЗВЕСТНОЙ ПОДРУГЕ

Где ты, незнакомка?
Где же ты живешь?
Ты кому навстречу
Сердце понесешь?

Ждешь ты днем и ночью,
Ждешь меня давно...
Что тебе ответить?
Я скажу одно:

Ты в цветах приходишь,
И сама, как цвет.
Ты зовешь — зываешь,
А ответа нет.

Ты живешь мечтою,
Ищешь красоты...
Две мечты со мною:
Родина и ты.

(1941)

УДАР ЗА УДАРОМ

Удар за ударом,
Сужается круг,
Охвачен пожаром
И запад и юг.

На море, на суше
И в воздухе — стоп.
Фашисты все душат,
Все губит тевтон.

Померкли просторы,
Потух горизонт.
От моря до моря
Раскинулся фронт.

Полки их с угрозой
По трупам идут.
Следами их слезы
Ручьями текут.

Ограбив столицы
Двенадцати стран,
На север направил
Удар свой тиран.

(1941)

Все дальше могильщик
Катился вперед,
Но там его встретил
Бесстрашный народ.

* * *

Утром и в сумерки ясные
Свет заслоняется тьмой,
В том полусвете прекраснее
Очи и свод голубой.

День слишком ясный и яркий,
Ночь чересчур уж темна;
День чересчур уже жаркий,
Ночь чересчур холодна.

Вечер и утро прелестные —
Связь между Ночью и Днем,
Жизнью и Смертью безвестною,
Холодом и Огнем.

Солнце и Звезды лобзаются
В это священное время.
Тайна и явь сочетаются,
Жизни дав новое семя.

В вечер иль утро прелестное
Тише душа, но полней;
Облик любимой чудеснее,
Очи же глубже, светлей.

Иза, 3. II. 1941

КАРПАТСКОЕ УТРО

Утро, лазурь беспредельная,
Свежий и влажный туман,
Радость вокруг неподдельная,
Пестрых цветов океан...

Все здесь поет, улыбается,
Пляшет, играет, летит,
В росах лучистых купается,
Сонно вздыхает, грустит...

Реки, ручьи серебристые,
Поле, Карпаты, леса...
Солнца лучи золотистые,
Ранняя влага — роса...

Воздух дрожит и волнуется,
Грудь поднимает сильней;
Ветер березой любитесь,
Нежится, шепчется с ней.

Быстрый, свободный, стремительный,
Гордый орел в небесах...
Что за восторг умилительный
В звонких вокруг голосах!

Солнечный день просыпается,
Звезды отходят ко сну;
Сердце стучит, расширяется,
Благословляя весну.

11. III. 1941

БОКОРАШИ

I

Река бурлит... Бушуют волны,
О гребни шумно спотыкаясь;
А рыбаки, отвагой полны,
Плывут в челнах, перекликаясь...

Разлившись широко по полю,
Рика ревет и вдаль бежит...
А изский мост, попав в неволю,
Скрипит, и плачет, и дрожит...

И этот рев, и дикий шум,
И треск, и крик, и пенный вал
Сжимает сердце, давит ум
И душу страхом всю объял.

И всяк побегом жизнь спасает,
Кому спасенье суждено;
Стихия милости не знает,
Ей все равно, кого на дно...

II

Но что за точки возникают
На взбунтовавшейся Рике?
Средь буйных волн едва мелькают,
Все вырастая вдалеке.

Бокораши, не зная страха,
Держа опайчины в руках,
Свободным и могучим взмахом,
Оставив пенный след в волнах,
Дарабой ловко управляют
И путь свой зорко наблюдают.

III

На берегу стоят мальчишки
И на бокорашей кричат:
«Гей, верзьте колик, верзьте колик!» —
И, намочив себе штанишки,
За коликом они спешат,
Который с бокора был брошен,
Но не был к берегу доброшен
И вниз плыл по Рике бурливой.

IV

Вот едет длинный, мощный бокор
Из двух таблин соединенный;
И волны режет, словно штопор,
Несясь Рикую разъяренной;

На нем изяне два стоят:
Иван Чохняй и Юра Изай.
Уже их бокор перед Изой,
Гряды умело избегая,
Скользит на бешеной струе.

Опайчиною управляя,
Бокораши вперед глядят,
Чтобы на камень не наехать
И юные тела свои
Не дать пучине для потехи.

V

Иван, передний бокораш,
 Был мощного телосложения,
 Высокий, рослый и прямой;
 Известный всюду передаш,
 Он знал и в пору наводнения
 Реку получше, чем другой.

Лицо отважное, нос ровный,
 Взгляд серых глаз глубок и ясен;
 Густые кудри прикрывают
 Высокий лоб, всегда спокойный;
 Уста улыбкой открывают
 Зубов здоровых два ряда;
 На бокоре он был прекрасен,
 Когда, пронизывая даль,
 Марадиком он управлял,
 Не беспокоясь никогда.

VI

И Юра был хорош собой:
 Плечистый, ростом невысокий,
 Веселый, от беды далекий,
 Довольный собственной судьбой.
 Лицо широкое, простое,
 Типичный русский человек,
 Лет двадцати, еще легинь:
 В нем все широкое, прямое, —
 Он счастлив будет весь свой век.

VII

Иван — лет двадцати восьми,
 Крестьянский сын, но не богатый;
 Уже шесть лет живет женатым,
 Счастливейшим отцом семьи.

Его прекрасная подруга,
 Поланя, верная жена,
 Безмерно любящая друга,
 Ему душою отдана.
 В ее фигуре невысокой,
 Но стройной, крепкой и прямой,

В ее походке, плавной, легкой,
Скользит изящество, и нега,
И легкость женщины простой,
Но характерной и глубокой,
И чистой, как белизна снега.
Почти овальное лицо,
Нос тонкий, среднее чело;
Под черными, как смоль, бровями
Глаза печальные, с каймами;
Их взгляд то детски резвый, милый,
То вдруг задумчивый, глубокий,
Влечет неведомою силой.
На нежных розовых устах
Скользит приятная улыбка;
А нижняя немного губка
Полнее верхней и живей;
В густых заплетенных косах
Венчают голову Полани
Темнее ночи волоса.

VIII

Сидит Поланя у окна,
Мотив печальный напевая,
И вышивает рукава,
Иглой как будто бы играя.
Ширинка * на плече свернулась,
Сорочка вышита на ней;
Вот-вот чему-то улыбнулась
И стала в сто раз красивей.

IX

Работает и вспоминает
Свой досвадебные годы,
И времена ее свободы
В воспоминаньях пробегают.
Дочь газдюка, она не смела
Любить бокораша Ивана;
Но слышать тоже не хотела
О том, чтоб стать женой другого.
И вот отец, нахмурив брови,
В конце концов ей разрешил

* Платок (диалект.).

За того выйти, кто ей мил.
Ее ругал он непрестанно
И выдал замуж — не иначе —
С ничтожным приданым в придачу.

Х

Поланя счастливо родила
Троих детей, прелестных, милых:
Год после свадьбы — Ладомира,
Спустя два года — близнецов,
Ивана-малыша и Ольгу.
Счастливым стал Иван отцом.

.
.

Иза, март 1941

ВЕЧЕРНИЕ ДУМЫ

Вечер приходит, душа все грустней,—
Нету со мною царевны моей,
Нет синеокой русалки со мной,
Сердце объято глубокой тоской.

Если бы здесь моя Оля была,
Душу мою бы она поняла.
Я бы ей тихо о том говорил,
Как Монну Лизу да Винчи творил.

Ромео Юлию как полюбил,
Ромео жизнь свою как погубил.
После бы я ей о том рассказал,
Как полубог Достоевский страдал...

Жаль, ее нету. Кому расскажу,
Как свою жизнь я в борьбе провожу?
Кто, нежным взглядом меня одарив,

Скажет: «Я буду с тобой до зари»?
Нет синеокой русалки со мной,
Я б отдохнул у груди молодой...

Иза, 28. III. 1941

МОИ СИЛУЭТЫ

Они везде, всегда со мною
И мне послушны, как рабы,
Я создал их своей душою
И воплощу их — для борьбы.

Моя душа — весь мир закрытый,
Они же — жители его,
И вся их жизнь проходит скрыто,
Внутри, отдельно от всего.

Они творят из жизни сон,
Отводят от житейских трюков,
И эта жизнь — волшебный звон,
Она вся соткана из звуков.

И лишь порою эти звуки
И силуэты в мир идут,
И там они средь зла и муки
О душ сближении поют.

Иза, 4. IV. 1941

А. В. ДУХНОВИЧ

Духнович — будитель-герой,
Поэт, что страдал за свободу...
Кругом видя сон и застой,
Всю жизнь свою отдал народу.
Духнович — учитель, отец,
Опора в стремлениях бурных,
Народного горя певец,
Предвестник порывов культурных.
Средь бурных, жестоких времен
Взывал к молодежи карпатской,
Чтоб, сбросив бесчувственный сон,
Сомкнулась в согласия братском.
Чтоб русское слово гремело, как гром,
И жгло тьмоту вырожденья;
Чтоб в нашем отечестве, милом, родном,
Сверкнула заря возрожденья.
И этот последний горячий призыв
Не умер среди молодежи,

А вызвал всеобщий могучий порыв,
На грозную бурю похожий.
И мы — его дети, его соколята,
Заветы отца бережем;
За наши долины, за наши Карпаты
На смерть, если нужно пойдём.

Иза, 10. IV. 1941

НОВЫЕ ЛЮДИ

Посвящается изьянкам и изьянам

Народ мы вольный и веселый,
Самосознательный, прямой,
Прошли мы трудной жизни школой
В борьбе с нуждой и темнотою.

Раковского Ивана дети,
Носители его идей,
Мы выберем себе на свете
Почет и место средь людей.

Венки, оркестры, свадьбы, песни,
Коляды, вечерницы, хор,
Пасхальные игры — мы вместе
С народом делим с давних пор.

Легко «иксы иксов» решаем,
Неразрешимые для тех,
Кто свой народ совсем не знает,
Живя для похотных утех.

И гимназистки, гимназисты,
Селянки, как и легины,
Со взором ясным и лучистым
Грядущие встречаем дни.

Дни новой жизни, небывалой,
Дни солидарного труда
Встречаем с песней разудалой,
С душой открытою всегда.

...Держай, родная наша Иза,
Путем Раковского иди!

Какие б ни были сюрпризы,
Свои заветы береги!

Ты правильных идей опора,
Село героев и творцов;
Храни от вражьего упора
Заветы и дела отцов!

Иза, 14. IV. 1941

ИЗА В МАЙСКУЮ НОЧЬ

Ольга,
Как чудесно весеннею ночью у нас:
Иза забылася сном,
Вдруг раздается лягушечий бас
С тенором звонким вдвоем.

Ласково тополь кивает листвою,
Ясень немного притих...
Ворон, найдя в сонных кронах покой,
Бредит о днях золотых.

Ласточка крылья сложила в гнезде,
Дремлет летучаямышь.
Ночь расстилается всюду, везде,
С черных спускается крыш.

Так монотонно заводит Рика
Песню о славе морей...
Тайна ночная крутом велика:
Все подчиняется ей.

Синий, как очи твои, небосвод,
Звезды волшебнo блестят...
Феи устроили свой хоровод,
Пляшут, поют и грустят.

Ты же, русалка, объята тоской,
Слитой с восторгом немым,
Очи твои, расширяясь порой,
Светом блестят неземным.

Как необъятный восторг превозмочь,
Что этой ночью полней?
В эту бесшумную лунную ночь
Ты мне во сто раз милей.

Иза, 26. V. 1941

* * *

Россия, мать родная,
На бой зовет сынов,
И, трусости не зная,
Пойдем мы на врагов.

Вперед бесстрашно, львы,
Вперед за Родину свою.
Нам судьбою даны
Жизнь иль смерть лишь в бою.

(1941)

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

К Москве он отчаянно рвется,
Победа все снится ему.
Забыл он, что Русь не сдается
В боях

никогда
никому!

Идет он на праздник кровавый,
Позор его ждет впереди.
В России не встретит он славы, —
Такого

не будет,
не жди!

В безумном и диком порыве
Скрежещет зубами палач;
Доносятся звуки надрыва —
И стоны,

и вопли,
и плач.

Забыл он судьбу Бонапарта,
Не знает он русский народ,

И в пьяном, кошмарном азарте
Полки он
на гибель

ведет.

Он встретит героев с «Авроры»,
Героев без страха, без слез.
Ждет гадов на русских просторах
Лишь ненависть,
штык

и мороз.

Победу в Москве он не встретит,
Ни ключ от кремлевских дверей.
Русь гордо на вызов ответит:
Бей подлых

незванных

гостей!

На битву встают миллионы,
С сугроба идут на сугроб.
Найдут на Руси все тевтоны
И смерть,
и могилу,
и гроб.

(Осень 1941)

ТРИОЛЕТ

Когда я музыке внимаю,
Тогда люблю тебя безумно.
И снова без тебя страдаю,
Когда я музыке внимаю.
Хоть жизнь в борьбе проходит шумно,
Но это я наверно знаю,
Когда я музыке внимаю,
Тогда люблю тебя безумно.

Будапешт, 23. IX. 1941

СЛЕЗЫ

Слезы невинные, перлы бесценные,
Чудные перлы души!..
То ли тяжелые, то ли мгновенные,
Как вы порой хороши!

Скрытые, горькие, вечно обильные
Матери слезы родной...
Слезы бессильные, слезы всеильные,
Вы овладели душой...

Чудные слезы подруги тоскующей,
Вы мне весьмира ценней...
Страшную силой, палящей, чарующей
Тянете к милой моей.

Слезы, о слезы народа бездельного,
Слезы Отчизны моей!
Душу зажгли вы искрой невольною,
Чтобы пылала сильней...

Будапешт, 16. X. 1941 г.

ОЛЬГЕ

Оля, Оля, сколько горя
Ты мне принесла!
Я теперь — моряк среди моря
В лодке без весла.
 Как сквозь сон, припоминаю
 Я твои черты,
 Но одно я помню, знаю:
 Как жестока ты...

Вероятно, не умеешь
Ласковою быть.
Или же, стыдясь, не смеешь
Душу мне открыть?
 В отдаленье я, а все же
 На душе раздор,
 Все же мне всего дороже
 Ясно-синий взор.

О русалка дорогая,
Ты всегда со мной;
Меня всюду провожает
Взор твой голубой.

Будапешт, 20. X. 1941

РОДИНЕ

О Родина моя, народ мой горемычный,
Твоя судьба — жестокая судьба.
Другим служить считаешь ты привычным,
И жизнь твоя — слепая жизнь раба.

А все ж тебя люблю я беспредельно,
Души славянской всею глубиной,
И ненавижу страстно и смертельно
Поработителей страны родной.

Народ родной, лишь для тебя живу я,
Всю жизнь свою я посвятил тебе!
За твой Воскресный День с врагом воюя,
Я позабыл и о самом себе.

О, будет День, и ты восстанешь снова,
На путь свободы выйдешь сквозь бои.
Построим жизнь на новых мы основах,
И сбудутся тогда мечты твои.

Будапешт, 8. XI. 1941

СЕРДЦЕ

Струна оборвалась с пронзительным стоном,
И замерла песня, ушла в голубень...
Умчалось счастье крылатым циклоном,
Увяла надежда, исчезла, как тень...

Наполнили душу глухие рыданья,
Кругом потемнело, все стало пустым.
Удел человека — борьба и страданья,
Мечты, что умчались, исчезли, как дым.

И грудь в содроганьях и рвется и стонет,
И стонет и рвется, пылая, горя;
Секунда секунду сменяет и гонит:
То горе, то счастье, то ночь, то заря...

О, сердце людское, ты много страдаешь,
На путь свободы выйдешь сквозь бои.
И все же ты веришь и все уповаешь,
И сбудутся тогда мечты твои.

Будапешт, 9. XI. 1941

ОНИ НЕ ТАКИЕ...

Посвящается модным дамам

На них не надейтесь, они не такие:
Не празднословят, не курят, не пьют,
Не купят подарки для вас дорогие,
И с вами они никуда не пойдут.

В искусные кольца завитые кудри
Для них не проблема и не красота.
Не тянет их запах парфумов и пудры,
Ни алая краска на бледных устах.

И легкой беседой, чуть-чуть аморальной,
Они вас не станут никак забавлять,
Ни вам покоряться на вечере бальном,
Ни вами прельщаться, ни вас провожать.

Им не безразлично, как жизнь коротает
Наш бедный, бездольный, убогий народ,
Они нераздельно с народом страдают,
Его приближая к культуре приход.

Вам это — не важно! Для вас наслажденья
Важнее, чем вашей Отчизны судьба...
Поверхностно-мелки ваши сужденья —
Сужденья духовно слепого раба.
Они же —
О вас не заботясь, идут к своей цели
Сурово, и смело, и зная — зачем,
Им некогда нежиться с вами в постели,
Они не такие совсем!

Будапешт, 21 ноября 1941

ПОРЫВЫ

Порывы, порывы, порывы!
Трещит вековечная муть;
Удар, содроганья и взрывы,
Сквозь дебри очищенный путь.

Пожары прогнивших устоев,
Последние схватки борьбы;

Средь гордых, суровых героев
Вчерашние слуги-рабы.

Борьба и пожары, как море...
Предсказанный миг наступил;
И счастье, и ужас в напоре,
Стихийных, разнузданных сил...

И рабство, и ложь, и обманы
Исчезнут в пожаре огней;
И Новое Солнце проглянет
На Новых, на Вольных людей.

Будапешт, 27. XI. 1941

КОНСОНАНС

Из тонов и диссонансов
Я гармонию солью,
И прекрасным консонансом
Душу я развеселю.

Сколько грусти и веселья
В том же звуке в тот же миг!
Соловья подобен трелям,
Рабских грохоту вериг.

Горного ручья журчанью,
Стону жителей тюрьмы,
Любящей души страданью,
Росплеску морской волны.

Сколько счастья, сколько горя
Слито в звуке том родном!
Тайны неба, тайны моря
Чувствуешь и слышишь в нем...

Будапешт, 1. XII. 1941

* * *

В минуты ясного виденья
Века мелькают предо мной;
Эпохи славы и паденья
Идут, проходят чередой.

В сиянии времен грядущих
Предвижу правды торжество.
Я слышу клич, на бой зовущий
Сынов народа моего.

Оковы рабские исчезнут;
Моя славянская страна
Подарит людям безвозмездно
Любви и братства семена.

Тогда тому, кто пал безвестно
За счастье братьев и сестер,
Воздвигнут памятник чудесный
Среди родных Карпатских гор.

Будапешт, 7. XII. 1941

МОЯ СТОРОНА

Земля карпатская, родная,
Тебя мы любим всей душой;
Для нас
 красивее ты рая,
Милей лазури голубой.
 Наш край весеннею порою —
 Так просто океан цветов,
 Когда лазурью голубою
 Обвит и скрыт в венках лесов.
Твои могучие Карпаты,
Их полонины и леса,
Средь них разбросанные хаты —
Так это просто чудеса!
 Говерла, Стой, Менчул и Красна,
 Пикуй и Прислоп, Поп Иван
 Глядят спокойно и бесстрашно
 На лет бегущий караван.
А реки — дочки Верховины,
Гроза и друг для русинов,
Полетом мчатся соколиным
Под Тысы-матушки покров.
 Теребля, Лаборец, Боржава,
 Тересва, Турья, Уж, Рика
 Стремятся в Тису величаво,
 Уносят на спинах века...

А ты, двуглавая царица *
С серебрястою косой,
Ты словно дикая орлица
С орлят веселой чередой.
Ты расскажи седому морю
Про жизнь народа моего,
Ты русский дух носи с собою,
По всем морям носи его.

Будапешт, 7. XII. 1941

ДОВОЛЬНО СЛОВ!

О, не слова спасут от горя нас!
Нужны дела, нужны труда герои!
В такой суровый и надменный час
К борьбе стремленье нужно волевое.

Нужны нам люди вместо крикунов,
Чтоб мелкий труд осуществлять на деле,
Чтоб, не стыдясь бездельных бедняков,
Своей душой им сделать жизнь светлее.

Довольно слов! Веками наш народ
Кормил своею кровью паразитов
И мучился, страдал из года в год
Под жестким гнетом сволочи немой!

Придет пора — в Карпатах загремит
И лавой гнев ужасный заклоочет, —
Штаны окрасит пан, и поп, и жид **,
Когда его к расплате поволочат.

Пройдет гроза, и брызнет жизнь ключом,
Зазеленеют горы и долины;
И всяк, кто спину гнул пред богачом,
Страны свободной станет гражданином.

* Автор имел в виду два истока Тисы — Белую и Черную. — *Примеч. сост.*

** Д. Вакаров, большой друг еврейского юноши поэта М. Шпилера, употребляет слово, которым в народе в то время называли эксплуататоров-ростовщиков. — *Примеч. сост.*

И мы, друзья, приблизим этот час,
Ускорим время смелыми делами.
Ничто в пути не остановит нас,
Ведь дали новой жизни перед нами.

Будапешт, 8. XII. 1941 — 4. X. 1942

ПУСКАЙ...

Пускай туманы все покрыли,
Пускай все сумрачно, как ночь, —
Мы тайны счастья открыли,
Мы тьму и зло прогоним прочь.

Пускай нависшие туманы
Нам в небо не дают взглянуть,
Мы разорвем туман упрямый
И смелый озарим наш путь.

Мы счастье выкуем из горя,
И смехом очаруем жизнь.
Мы песни разольем, как море,
Чтоб по всемири разлились.

Пускай, убиты эгоизмом,
Глупцы поднимут нас на смех,
Мы рыцари Солидаризма,
Мы счастье выбором для всех!

Будапешт, 20. XII. 1941

СМОТРИ

Смотри, догорает закат,
Как чудны лиловые тучи,
Как чудны вершины Карпат
В блистающей лаве кипучей!
 Все небо краснеет, как кровь,
 Все небо в огне багровеет,
 Лишь дальние гущи лесов
 И дальнейшее поле синеет.
Минута — закат догорит,
Потухнет золотое сиянье,

И вечер повсюду лежит,
Повсюду ложится молчанье...
Смотрю и люблюсь красой,
Чудесной красою заката.
Прекрасен ты, край мой родной,
Прекрасны родные Карпаты...

(1941)

МОЯ РОДИНА

Моя Родина — неизмеримая,
Как беспредельная, так и бездонная,
Только с душою она совместимая,
Вечно прекрасная и полнозвонная...

(1941)

ВЬЮГА

Вьюга бушует, не унимается,
Холод и злобен, и лют.
Кто же там плачет, из сил выбивается? —
Нищий, измученный люд.

Мрачно в подвале... камора убогая,
Снегом забито окно.
Мебель — два стула да койка треногая,
Сыро, тоскливо, темно.

Двое малюток простуженно дышат,
Плачут, оставив игру.
Есть они просят. Мать их не слышит,
Бредит, бедняжка, в жару.

Боже всеведущий! Где ж сожаление?
Где же мирская любовь?
Ты ль принесешь от нужды избавление,
Ты ли спасешь бедняков?

(1942)

* * *

Немного лет пройдет,
и люди дружно, смело
Оковы сокрушат
и сбросят царство тьмы.
О, как бы мне
дожить до этого хотелось,
Чтобы не знать ни гнета,
ни тюрьмы!

Будапешт, 1942

БУДЕТ ДЕНЬ!

Над землею ходят тучи,
Дождь осенний моросит.
Старый дровосек на круче
Топором стучит.

Звук тревожный раздается,
Эхо носит звук...
Чей же голос отзовется
На призыв, на стук?

Над пригорками ненастье,
Над полянами туман...
Будет день — и будет счастье
У лесных полян!

(1942)

* * *

Хочу я звонко, полнозвучно
Воспеть отвагу и полет.
С народом буду неразлучно
Идти вперед,
Всегда вперед!

С мечтой о воле не расстанусь,
Огнем душа моя полна.
Я за народ свой биться стану,
Не зная отдыха и сна.

Хочу я звонко, полнозвучно
Воспеть Отчизну и народ.
Хочу с народом неразлучно
Встречать, свобода,
Твой приход.

Я это слово не забуду,
Лишь им душа моя горда.
И я с врагами биться буду —
Со всеми, всюду и всегда!

(1942)

ЛЕСА

Здесь леса растут густые, Без конца — леса, леса... Ой, леса мои родные — И богатство и краса.	Но леса в руках магнатов — И сосна, и бук, и граб... Лесоруб в родных Карпатах — Чужеземной силы раб.
---	--

(1942)

ПРИСЯГА

По полям, лесам, горам —
Всюду горе,
Горе нам,
Муки да нужда,
Слезы и беда.

На моих родных просторах
В каждом взгляде горе.
Горе, словно океан,
Скрыло все в туман.

Что мне безутешный голод?
Что мне лютый холод?
На душе одна печаль —
Мне народа жаль.

Если плачет Верховина
Над недолей сына,

(1942)

Чем я стану дорожить,
Как я буду жить?

Я люблю мои Карпаты,
Я люблю вас, хаты.
Я за вас на бой иду,
Счастье вам найду.

Для борьбы нужна отвага.
Я даю присягу:
Биться с горем и нуждой,
С рабскою судьбой.

Присягаю всем, что свято:
Будет день расплаты,
Будет воля и земля,
В это верю я!

МАЙ

Широкие, синие очи,
Глубокий, таинственный взгляд...
Весной разукрашенный сад,
Волшебные таинства ночи...

Тоска, и печаль, и волнение,
И радость, и счастья волна,
Грудь чем-то великим полна,
И здесь наяву сновиденья...

А сад, как невеста, одетый,
Таинственный шепот листвы...
И свежесть росистой травы,
И хор граммофонный разлитый...

Вверху сине-синее небо,
Бескрайняя ширь, глубина...
Такая кругом тишина...
И звезды, соперницы Феба.

А главное — ты, дорогая,
Царевна — русалка моя,
И нежная ласка твоя,
И это величие мая...

Будапешт, 24. I. 1942

ОЛЬГЕ

Олька,
Ты царевна моих сновидений,
Ты карпатская фея моя,
Ты мой верный, мой творческий гений,
Ты всегда провожаешь меня.

И в борьбе ежедневной, жестокой,
И в работе за будущий строй,
И в мечтах дерзновенно-глубоких,
И всегда и везде ты со мной.

Твои очи, как звезды, сияют
Таинственным светом своим
И собою мой путь озаряют,
На котором тоскою гоним.

Будапешт, февраль 1942

МЕЧТЫ

Всегда один, всегда я сам,
Орел, земному непокорный;
Стремлюсь взлететь я к небесам,
Владеть Вселенною просторной.
 Я широту люблю без края,
 И высь и глубину без дна;
 Мне стала тесной жизнь земная,
 Душа порывами полна.
Эх, если б из земного плена
Умчаться к Млечному Пути,
Туда, в объятия Вселенной,
Огонь любви перенести!
 И все космические тайны
 Для человечества открыть,
 И новый гимн, необычайный,
 Везде, по всем мирам разлить!
Могучим словом, полновзвучным
Воспеть отвагу и полет,
Свободу с братством неразлучным
И весь космический народ!
 Вот чем моя
 Душа полна,
 Вот почему
 Она сильна...

Будапешт, 10. II. 1942

СМОТРИШЬ...

Смотришь, смотришь, зачарованный,
В голубень без дна,
Духом носишься взволнованным
Дальше Нептуна...
 В этой круглой бесконечности,
 В этой глубине —
 Тайны жизни, тайны вечности
 Приоткрылись мне...
Без числа миров космических,
Спутников земли,
По законам динамическим
Двигутся они.

Эх, развехаться б стремительно,
Соколом метнуть,
Небу взлетом удивительным
Пробуравить грудь!
Оглянуться наудáлую
В пропасть за собой
И заметить точку малую —
Славный шар земной!
Взором острым, взором солнечным
Пронизать весьмир,
Распрощаться с миром крошечным,
С царством злых сатир...
Смотришь, смотришь, зачарованный,
В голубень без дна,
Духом носишься взволнованным
Выше Нептуна.

Будапешт, 12—15. II. 1942

МОЕЙ ИЗБРАННОЙ

Ты моя юная, алая роза,
Ты для меня небосвод голубой,
Бурное счастье и горькие слезы,
Звонкая песня и танец живой.

Стройная вишня в весеннем расцвете,
Майские чудные ночи и дни.
Все, что прекрасно и ценно на свете,—
Яркое солнце и звезды мои.

Ты моя вечная юность и воля,
Смелые страстные грезы и сны,
Радостный свет среди мрака и горя,
Ты мой бессмертный прообраз весны,
Сказочный остров средь бурного моря,—
Ты меня манишь в края новизны.

Будапешт, 22 февраля 1942

* * *

Озеро сонными плещет волнами,
Льет свои бледные блики луна,
Грустно кивает береза ветвями,
Арфой вокруг зазвучала весна...
Рослые сосны от ветра хмелеют,
Узким руслом недоволен ручей,
Серые тучи помалу темнеют,
А вдалеке слышен говор сычей.
Лес засыпает задумчиво, тихо,
Клонит несмело кроны свои...
Ахает где-то вдали медведиха,
Мышь на разведку спешит из земли.
Острые скалы закутались в тайну,
Яркие звезды шлют дальний привет,
Синее небо бездонно, бескрайно,
И необъятен космический свет.
Ночь-королева землей овладела.
Ели заснули, забылся весь бор...
Озеро плещет сонливо, несмело...
Кто же тревожит меня среди гор?
Алые губы и стройное тело,
Ясный, глубокий, таинственный взор.

Будапешт, 3. III. 1942

* * *

Гармония — моя стихия
И все, что музыкально;
Люблю я песни удалые,
Люблю я звук печальный.

Будапешт, 5. III. 1942

ВЕСНА

Сквозь остатки мерно тающего снега
Улыбается плывущая весна;
Ожила в природе грусть, и страсть, и нега,
Зазвенела жизнь сквозь ткани полусна.

Прояснило сразу, сразу полегчало,
Детской резвостью наполнилась душа;
Сердце здоровей, живее застучало,
Вдруг сообразив, что жизнь так хороша.

Солнце так тепло, так ясно засияло,
Жизнедарный луч вдруг все омолодил,
Что зимой суровой замерзло, увяло —
Обновил и свежей силой наградил.

Беззаботной песней наполняешь радость,
В ней тоска, и грусть, и счастье, и любовь;
На губах какая-то пылает сладость,
И в объятья рвется молодая кровь.

Будапешт, 23. III. 1942

ДРУЗЬЯМ-ПОЭТАМ

Вы — создатели жизни в Карпатах,
Вы — светила культуры родной,
Ваше сердце в закуренных хатах,
Ваше сердце в любви мировой.

Вы — свободные рыцари дела,
Не страшны вам приемы борьбы,
Вы — титаны, несущие смело
Непосильную ношу судьбы.

Будьте тверды. Все ваши стремленья
Принесут неожиданный плод.
Вам не платят за ваши творенья,
Вам любовью заплатит народ.

Будапешт, 24. III. 1942

НЕТ

Нет, еще не люблю я тебя
И в стихах не тобой восхищаюсь;
Я твой будущий облик ласкаю любя,
И в тебе я другой откликаюсь.

Эта женщина — телом изынка, душой,
Посвятившая жизнь всю народу,
Солидарно воюя с жестокой нуждой,
Полюбив настоящую жизнь и свободу.
Этой женщиной можешь быть ты,
Если очи твои голубые
Будут видеть не вещи простые,
А предметы, что вечно полны красоты.
Но если случайно не сможешь порвать
С устаревшею жизнью, фальшивой, дырявой,
С эгоизмом, с привычкою правду скрывать,
С тщеславием гордым, корявым, —
Нет, тогда ты не та, для которой слагал
Я стихи, как в букеты цветы полевые;
Я отброшу тебя, как ненужную паль,
Как угасшие звуки живые.
Но если сумеешь изынкою стать
И народу отдать свое сердце и силы —
Тогда равной тебе не сыскать,
Тогда твой я до самой могилы.

Будапешт, 25. III. 1942

ТРИОЛЕТ

Весне — волшебнице веселой
Я отдал душу молодую.
Спою я песню удалую
Весне-волшебнице веселой.

Зимой и осенью тоскую,
А летом зной такой тяжелый:
Весне-волшебнице веселой
Я отдал душу молодую.

Будапешт, 3. IV. 1942

ПРИТЧА О ЧУДОТВОРНОМ МАЛЯРЕ

Жил-был мордоквас — маляр.
А теперь он канцеллар*.
Мордоквас он и теперь.
Симпатичен, как веперь*.
Павианом он кричит,
Непрестанно он рычит,
Воет, как шакал, в стену,
Проклинает он судьбу.
Меланхолик он такой,
Любит посылать на бой.
Только тут одна беда:
Не женился никогда.
В горле мучит его рак,
Он хоть «гений», но дурак.
Малевать умеет он
Лучше, чем Наполеон.
Он решителен и скор,
Но ужасный живодер.
Он ворочает казной
Совершеннейше пустой.
Чтобы черт побрал весь мир,
Не на что устроить пир!
Мой роман уже в конце:
Рассказал о сорванце.
В притче поученье есть,
Нужно между строк прочесть:
Если хочешь быть царем,
Будь сначала маляром.

Будапешт, 23. V. 1942

* * *

Весьмир — это краски и тоны,
Той же гармонии два проявленья.
А что, если сущность всецело одна
И только, согласно структуре своей,
Двойно ее понимаем?

Будапешт, 25. V. 1942

* Умышленно перекрученные слова «канцлер», «веперь». — *Примеч. сост.*

* * *

Сущность весьмира — одна,
Сущность имеет как внешнюю форму,
Так и внутреннее содержание.
Цвет — это форма, а звук — содержание.

Будапешт, 28. V. 1942

* * *

Встанем, карпатские братья,
Сбросим оковы и гнет,
Пусть над землей Подкарпатья
Солнце свободы взойдет!

Так, как собаки, мы жили,
Каждый нас пес притеснял,
Всякой мы дряни служили,
Каждый кровь нашу сосал.

Долго мы кланяться будем
Разным богатым скотам?
Мы ведь родились, как люди,
Знаем цену мы трудам.

Царство наживы прогнило,
Валится вражеский гнет.
Крепнет рабочая сила,
Наше сознание растет.

Грозным ударом повалим
Весь провонявшийся строй,
Силою духа и стали
Мир водворим мировой.

Чтоб нашим детям и внукам
Лучше жилось, чем нам,
Живо ударим по брюхам,
В царство поможем панам.

Встанем, карпатские братья,
Сбросим мучительный гнет,
Пусть над страной Подкарпатья
Солнце свободы взойдет!

Будапешт, 25. X.— 5. XI. 1942

А. С. ПУШКИНУ

Ты умер в молодые годы, —
Ты будешь вечно молодым.
Как ни сильно воображенье,
Но изменить закон природы,
Представить нам тебя седым
Оно не в силах, без сомненья.
Ты умер в молодые годы,
Ты умер молодым — и молодым живешь,
И будешь с нами жить во веки,
Как символ жизнелюбия и простоты душевной,
Как человек, что ненавидит ложь,
Что любит в каждом брата, человека,
Не любит жить спокойно и безгневно.

Будапешт, 13. VI. 1942

МОЕ ТВОРЧЕСТВО

Все мое творчество вкратце
Обнимает лишь две величины:
Высший, бездонный, бескрайний,
Прекрасный и вечный весьмир
И внутренний, меньший весьмир,
Бездонную чудную душу людскую.

Будапешт, 13. VI. 1942

* * *

Я сердцем чувствую и верю,
Что дважды два — четыре;
А дух мой носится под сферой,
Как сокол быстрокрылый.

Земля тесна, Земля ничтожна:
Я гражданин Весьмира!
Лелею я полет возможный
Сквозь атомы эфира.

И все ж люблю я нашу Землю —
Красуню, дочь Вселенной,

Хоть звукам неземным я внемлю
С волненьем непрменным.

В чудесном синем беспределье,
Послушные законам,
Светила мчатся, как без цели,
В различных эскадронах.

И каждое, согласно массе
И скорости движенья,
Свой тон особый, тон прекрасный
Передает Вселенной.

Летят планеты в мгле эфира
В эллипсоидных кругах;
Звенит гармония весьмира,
Неслышная для слуха.

Будапешт, 22. VI. — 22. X. 1942

ДУМЫ

Без меня ты не будешь счастливой,
Ты навеки, навеки моя;
В этой жизни, жестокой, бурливой,
Ты умрешь без меня.

Без меня ты увянешь напрасно,
Не узнавши счастливого дня,
В этом мире, большом и прекрасном,
Ты умрешь без меня.

Без меня ты умрешь пустоцветом,
Пред судьбою головку склоя;
Перед пышным и ярким расцветом
Ты умрешь без меня.

Без меня ты заснешь, дорогая,
На рассвете воскресшего дня;
Без тебя мне не выдержать мая,
Ненаглядная зорька моя!..

Иза, 15 августа 1942

Вот разжиться за деньги казенные
И на долгах —
И держаться, как графы рожденные:
Гордо, аж страх!

И с душою пустою и низкой
(Иль без души),
Ползать вечно дорогою слизкою:
Там барыши.

С сильным — зайцы, со слабым героями
Славитесь вы;
И живете вы чина помоями,
Кровью вдовы.

Ваше счастье — копеечки звонкие,
Титул — ваш бог,
Вы развратники страстные, гонкие
В мире тревог.

Вам разжиться на бедах не терпится.
Снится не раз,
Что земля вокруг вас только вертится,
Только для вас.

...Отдадим вам долги многолетние —
Сбросим долой.
И для вас наша песня последняя —
«Вечный покой!»

Будапешт, 7. X. — 18. X. 1942

УЖАСНОЙ КРАСАВИЦЕ

Вы красивы, красивы ужасно...
Раза три одеваетесь в день,
Вы богаты, умны и бесстрастны...
Полюбить бы кого-то! Но лень.

Вас все любят, да что! обожают!
Хладнокровно-презрительны вы...
От любви ваше сердце не тает,
Взор надменнее, чем у совы.

Зеркала, зеркала — это чудо!
Наглядеться не можете в них;
Да, подбрили вы брови не худо —
Упадет от восторга жених.

Даже пояс от счастья краснеет!
Если б я этим поясом был!
Я б обнял вас во сто раз страстнее,
Я бы вас от любви — задушил...

Я кокеткой назвать вас не смею,
Рассердились бы очень тогда;
Я зарежусь иглой, я сумею,
Если б вас потерял навсегда.

Ах, молчу! Ведь вы панского рода!
Вам со всеми не жить наравне.
Скучно вам среди простого народа,
Вы как будто в чужой стороне.

Мне вас жалко, красотка, ей-богу,
Вы цветете, но вы пустоцвет;
И нельзя указать вам дорогу:
Вы слепыми родились на свет.

Будапешт, 19—23. X. 1942

ТАК ТРУДНО...

Так трудно стало жить,
и так болит душа,
И не живешь совсем,
а стонешь, как калека,
Под грузной тяжестью
проклятого гроша,
Что оскорбляет честь и гордость человека.
Молиться бы хотел,
да знаешь это сам:
До гроба хоть молись,
никто ведь не поможет.
И тяжкую печаль
не заглушить слезам.
И гневом, что, как змей,
в груди сосет и гложет.

О, одиночество, ужаснейший вампир,
Бодай бы ты * не знал никто во всей природе!!

Несчастный человек! Ты вечно одинок
Среди кошмарных, злых, пузатых паразитов,
Средь жадных пауков, чужой сосущих сок,
Средь допотопных, диких, мрачных троглодитов!

О, чудная моя, богиня и жена,
Лишь у тебя одной нашел бы я забвенье...
Но где же, где же ты, которая страна
Скрывает от меня любовь и утешенье?

Какой безумный жар в растерзанной груди
Под хладнокровной маской пламенеет...
И рвется тяжкий стоп: прелестная, приди,
И этот мир в секунду проясняет...

Женою будешь мне, любимую всегда,
Подругою моей, веселую, живую,
Соратницей в бою, опорой средь труда,
Кухарочкой, мечтой, пленительной весною.

Русалочка моя — как ранняя заря,
Ты светлая насквозь и плавная, как волны;
А чистые глаза, что тихой ласки полны,
Так радостно горят, с моими говоря...

Будапешт, 12—16. XII. 1942

БУНТАРИ

Детство без ласки,
жизнь без любви...
Сердце, мужайся —
мы бунтари!

Ждем мы с Востока
волю и свет.
Братьям далеким
шлем мы привет.

(1943—44)

* Чтобы тебя... *(диалект.)*

Хватит молитвы,
юность, гори!
Жизнь наша — битва,
мы — бунтари!

Ждем мы с Востока
красный рассвет.
Братьям родимым —
братский привет!

К ОТЦУ

Отец, ты скитался по свету,
ты счастье искал;
Но не было счастья и нету,
ты горе лишь знал.

Ты верил: поможет молитва
в неравной борьбе.
Я ж верю: поможет лишь битва
и мне и тебе.

Ты дай мне великую силу,
мне веру внуши,
Чтоб сделать ту силу мерилом
мятежной души.

Чтоб людям все тайны поведать
о силе людей,
Чтоб в жизни все счастье изведать.
О, дай мне скорей!

Ты дай мне великое сердце,
без края, без дна,
Чтоб в сердце горела, как солнце,
любовь лишь одна.

Тем сердцем согрею в дороге
уставших друзей
И песен спою я им много
о силе людей.

(1943)

НАШ ПУТЬ

Не помогут нам стоны,
Нас не выручит плач,—
Их не знают законы,
Их не слышит палач.

Не помогут молитвы,
О, поверь мне, бедняк!
Ты готовься для битвы,
Крепче стисни кулак!

(1943)

Без борьбы нет победы,
Нет иного пути,—
За отцов и за дедов
Отплати, отомсти!

Без борьбы нет свободы,
Нет иного пути,—
За все кривды народа
Отплати, отомсти!

ИНВАЛИДЫ

Ковыляют инвалиды
На казенных костылях.
Сердце ноет от обиды,
Слезы на глазах.

За буржуев, за богатых
Бились на чужих полях.

(1943)

Ныне плечи их в заплатах,
Руки в мозолях.

Много, много их в Карпатах,
Кто без рук, а кто без ног,
Не поможет им богатый,
Не поможет бог.

НЕ ЖДИ!

Ни врача нет, ни больницы,
Косит жизнь туберкулез.
У детей тускнеют лица
От горючих слез.

Нет ни радости, ни хлеба,
Горечь горькая в груди.
Ни от пана, ни от неба
Милости не жди!

(1943)

Раз всему конец бывает,
И обидам есть конец...
Смерть тебя тут ожидает,
Оккупант-подлец.

Ты не жди от нас пощады,
Мы пощады не даем.
Мы сломаем все преграды,
Нечисть всю сметем!

ПЕСНЯ

Сложили мы песню,
Буржуи, для вас.
Ту песню споем вам,
Вы слушайте нас.

Споем мы вам, баре,
О кривдах отцов.
А завтра споем вам
О мести сынов.

Что пало — не встанет,
Что светло — живет.
В пожаре восстаний
К вам гибель идет.

Мир валится старый,
Мир новый встает.

(1943)

В боях пролетарий
Победу кует.

Не ждите, не будет
Пощады для вас!
Ваш кпут не забудет
Измученный класс.

Герой пролетарий
Сметет навсегда
Прогнивший и старый
Ваш мир, господа!

Что пало — не встанет,
Что встало — живет.
В пожаре восстаний
Народ вас сметет!

ВПЕРЕД!

Отчизна родная,
От края
 до края
Тебя облетаю.
Все вижу,
 все знаю:
Есть
 голод,
Нет
 есть горе;
 хлеба,
 нет воли.

Отчизна родная,
От края
 до края
Все вижу,
 все знаю
И гневно взываю:
Восстаньте, рабы!
За счастье,
 за волю,
За светлую долю
Вставай, мой народ,
На битву — вперед!

(1943)

* * *

Люблю тебя, мой край привольный,
Суровые Карпаты.
Люблю я песен говор стройный —
В них все, что сердцу свято.

Люблю я труд и побратимство.
И грезы-сновиденья;
Во мне живет восторг единства
И грусть уединенья.

Будапешт, 5 марта 1943

* * *

Алмаз мне очень нравится —
 он красив, он тверд.
Люблю орла — он славится
 тем, что смел и горд.
Люблю я сердце непокорное
 и упрямый дух.
Люблю я песни вольные,
 что ласкают слух.

Люблю я правду светлую,
песни ей пою.
Люблю и жизнь бессмертную,
жизнь люблю, люблю!

(1943)

СТРОЯТ...

Строят тюрьмы и казармы,
Держат в страхе край родной.
На село по два жандарма,
А читальни — ни одной.

Вместо школы — церковь в селах
С позолоченным крестом.
Стерегут, как псы, неволю
Староста с попом.

Вольно дышет в Закарпатье
Лишь епископ и магнат.
Чадом смерти и проклятьем
Веет от Карпат.

Все добро магнат съедает,
Все съедает с давних пор...
Лесоруб, кулак сжимая,
Точит свой топор!

(1943)

Я БЬЮ ПЕРОМ!

Ты пьешь вино,
Я воду пью.
Ты пьешь коньяк,
Я горечь пью.

Что хвалишь ты,
То я браню.
Ты продал честь,
Я честь храню.

Ты любишь чип,
Я труд люблю.
Ты любишь грош,
Я жизнь люблю.

Ты любишь кнут,
Ты бьешь кнутом.
Я правдой бью,
Я бью пером.

Не видишь ты,
Что вижу я.
Что знаешь ты —
Все знаю я.

(1943)

Я на тебя
Недаром злюсь.
Однажды я
С тобой столкнусь!

МОЙ ТОВАРИЩ

Кто любит молот,
Кто любит плуг —
Тот мой товарищ,
Мой брат и друг.

Кто ценит волю,
Кто ценит труд —

(1943)

Мои призывы
Того найдут.

Кто проклял рабство,
Кто проклял гнет —
Тот путь к свободе
Со мной найдет.

НАД ЛЕСАМИ ГОМОН ПТИЧИЙ

Над лесами гомон птичий,
Над лесами синь небес.
Днем и ночью пес-лесничий
Охраняет панский лес.

Соберешь ли хворост — кража,
Гриб сорвешь — опять запрет.
Лес с ружьем обходит стража
Много дней и много лет.

Видят горы, знают хаты,
Шепчет, не смолкая, лес:
Все тут собственность магната,
Кроме синевы небес.

(1943)

ГОЛОДНЫЙ ПОХОД

На дорогу вышла масса —
Тысячи людей.
Это вышла ярость класса
С фабрик и полей.

Масса хлынула,
Как море,
Двинулась вперед.
Это голод, это горе
На протест идет.

Дышат мезтью и угрозой
Взгляды батраков.
Это детский плач и слезы
В бой ведут отцов.

(1943)

Ветер вдаль и вширь разносит
Песни бедняков.
Это масса хлеба просит
Для голодных ртов.

Над колонной знамя вьется,
Вьется красный флаг.
Гулким эхом отдается
Пролетарский шаг.

Этот шаг панов тревожит
В виллах и дворцах.
Этот звук им душу гложет,
Нагоняет страх.

ЖАНДАРМЫ

По дороге
Ходит сброд:
Много, много —
Целый взвод.

В селах,
Словно звери,
Рыщут;
В хагах
И колыбах
Ищут...

Где ружье, гранаты?
Где приклад?
Где зарыт, запряган
Тайный склад?

Кто стреляет
По ночам?
Кто мешает
Спать панам?

(1943)

По дороге
Ходит сброд:
Много, много —
Целый взвод.

Ищут тайну,
Ищут след...
Ходят, ходят,
Не находят —
Следа нету,
Тайны нет!

К нашей тайне
Нет ни следа,
Ни пути.
Этой тайны
И жандармам
Не найти!

Избавляясь от плети мещанства,
С обновленной и ясной душой
Свалим Молоха мы лицемерие,
С фарисейством пойдем мы на бой.

С бюрократией божьей, церковною,
Что укрылась за ликом Христа,
Начинаем войну не бескровную,
Лицемерам закроем уста.

И здоровою точной наукою,
(Хоть не знали вчера ни аза)
Мы невежество бьем близорукое,
Мы слепым открываем глаза.

Чтобы счастье людей первомайское
Отыскать, принести, подарить,
Мы высоты пройдем гималайские,
Нам ничто океан переплыть!

Как вода с водопада искристого,
Как над бездной гремящие льды,
На акул мы нагрянем неистово,
Что других пожирают труды.

Разгромив угнетателей начисто,
Мы — рабочих товарищей класс —
Песню жизни так грянем размашисто,
Чтоб и звезды услышали нас!

(1943)

ВРЕМЯ НАСТАНЕТ

Время настанет — в Карпатах
восстанут рабы,
Нет, не избежать магнатам
жесточкой судьбы.

Что было, ушло без возврата,
ушло навсегда!
Местью глядит на магнатов
угроза-беда.

(1943)

В крови захлебнулся мир старый,
И смерть, и позор его ждет.
Над дымом кровавых пожаров
Победа, как солнце, встает.
И рабство, и ложь, и обманы
Исчезнут в кипенье огней;
И новое солнце проглянет
Из туч на свободных людей.

(1944)

НЕ БУДЕТ!

Средь вольных полей,
Средь буйных лесов
Не будет цепей,
Не будет оков.
Народ шевельнулся,
Народ наш проснулся.

Леса и поляны
Возьмем мы себе,
Залечим все раны
На горе-судьбе.

(1944)

Народ всколыхнулся —
А враг пошатнулся.

Не будет в Карпатах
Магнатов проклятых,
Не будет, не станет
Ни старых законов,
Ни новых панов:
Народ наш восстанет,
Прогонит баронов
Из наших лесов.

МСТИТЕЛИ

Пусть туманы все покрыли
пеленой кругом.
Мы в тумане путь откроем
и вперед пойдем.
На задворках слез и горя
поднялся народ.
Он на новые просторы
двинулся вперед.
Не страшит его ненастье,
не пугает ночь.
Зло, неправду и несчастье
он прогонит прочь.

Втайне ходит к партизанам
по густым лесам,
Мстит за слезы и за раны
вековым врагам.
Днем он сеет, днем он косит,
ночью бой ведет.
Он пощады сам не просит
и пощады не дает.

(1944)

* * *

Из хат выходят на просторы,
Чтоб счастье выковать из горя,
Ряды голодных батраков,
Свободу вырвать у врагов.

Их душу гнев воспламеняет,
Их сердце злоба шевелит,
Нужда их силу пробуждает,
И голод в бой их торопит.

Они идут, их — миллионы.
Сверкает местью каждый взгляд.
Они несут свои законы
В багряных флагах баррикад.

(1944)

ВСЕ САМИ ВОЗЬМЕМ!

Не милости просим мы
От барских гуляк.
Поем стоголосо мы,
Сжимая кулак.

Для вас мы все — парии,
Живем мы в нужде.
Мы все — пролетарии,
Готовы к борьбе.

Не милости просим мы,
Все сами возьмем!

(1944)

Мы с вилами, с косами
За правдой идем!

Гуляйте спокойно
Вы, баре рожденные,
Покуда сегодня
Приклады казенные

Хранят вас кругом.
Мы песню безбожную,
Мы песню тревожную
Для вас запоем!

РАССВЕТ

Моя песня от хаты до хаты
Разнесет мою веру в рассвет.
Я пришел, чтобы петь о Карпатах,
Чтобы встретить свободу и свет.

Я пришел поклониться народу,
Я пришел на борьбу его звать,
Я пришел, чтобы петь о свободе,
За свободу с народом восстать.

И когда все на праздник придут,
Меня вспомнят родные сердца,
И я верю: меня не забудут —
Мои песни спойт до конца.

(1944)

РАССКАЗЫ ФЕЛЬЕТОНЫ

ИВАН ПРОКУП

Иду и читаю газету. «Та що, паничу, нового в світі?» — спрашивает меня встречный крестьянин. Слово «паничу» произносит как-то заискивающе, иронически. «Но, та що бы было?! — говорю я. — Німці бухавут англійцю, англійці молотят німцю». — «Так, так, — поддакивает он. — Та най бы ся паны били, лиш бы сегіньлегіньови покуй дали. Годуй пана-дармоїда, та ще йди за нього вмирай, а ун сидит собі у палаті та лиш царствує. А ты, русине, роби на нього». — «Но, знаете, — затрудняюсь я немного, — не всі паны вднакі». — «Гм... и то правда, — соглашается он. — Сут и паны прості, що не ганьбляться русинови руку подати. Но, а щось за войну не пише?» — спрашивает он меня с заметно тревожной ноткой в голосе, но сохраняя самоуверенно-деловой вид.

Прежде чем ответить, постараюсь познакомить читателя с внешностью моего собеседника. Это мужчина лет сорока пяти, среднего роста. Одет в черный нечищенный реклик, нагавицы из чертовой кожи, которые блестят на солнце от грязи и жира, особенно верхняя часть. Эти нагавицы сморщены во множество складок и представляют собой подобие гармошки. На ногах дешевые боканчи с резиновой подошвой, никогда не чищенные. Сорочка у него была белая, но уже успела пожелтеть от грязи и пота. На голове — ветхая крысая, помятая, с оторванным пандликом.

Его давно не бритое лицо сероватого цвета, довольно худое и сморщенное. Губы толстые, нижняя нездоровая, синевато-серого цвета. Зубы желтые, прогнившие, нос довольно мясистый и жирный, глаза серые, без блеска. Где сходятся верхняя губа с нижней, — глубокая вертикальная складка. Слегка согнут. При разговоре немного щурит глаза.

«А ще щось за войну не пише?» — спросил он. «Та були нич такого. Ай тут пишут, що треба землю задобряти, вбы май родила», — свернул я на другое. «Е, що паны знавут, дерти та істи. Мы й самі знасме, що треба землю задобряти, айбо маржинським гнойом, а не панським порохом. Треба мати много гною, а уткы у сегіньлегіня тулько мар-

жин? Та й треба мати добру землю, а в нас пуста, та й тої мало. Добре панам над прощавов сміятися. А вты порохи лиш дуригруш».

Я не знав, що відповідати, як продовжувати, в его словах було багато правди.

«А йсе що написано?» — показав он грубой, грязной рукою на одно місце в газеті. «Чи-чис-т-о...» — став он читати. Там було крупним шрифтом виведено: «ЧИСТОТА — ПОЛОВИНА ЗДОРОВ'Я». Я ему прочел. Он покачал в раздум'ї головою, поводити бровями над неподвижно устремленными в землю глазами. Покачал еще головою по направлению к правому плечу. «Гм... гм... Та вто ун не бреше. Айбо ану йди ты, та вставай рано в два часы по пувночи, та ци щось хлапеш, ци не хлапеш, роби, як вул, до ночи, лиш из тя росы течут. Увечері прийдеши измученый, зайж кумп'їтеру печену из пасулив мачаныв та спати, бо завтра маеш бити на ногах до когуту, так, ги нынї,— ци собї, ци в паксам. А карапам їсти дай,— сказав он про многочисленную детвору.— Чоловік,— продолжал он,— цілий божый гуд робит-мучит, та ледвы має що йїзисти, вбы не вмер з голоду. О, добре писати тому, що не знає сегін'їлегін'їську долю, кому колачі з неба падут».

Я опять попал в тупик. Тяжело было слушать его. Возразить было нечего; я чувствовал, как его слова на меня давят, угнетают. И горе крестьянское я чувствовал полностью, и понимал психологию, порожденную безвыходностью, резким противоречием между его духовной природой и материальным положением. Однажды мне другой крестьянин ясно доказал, что в нашем селе разбогатеть законным путем нельзя. Все люди, которые выдвинулись, не могут похвалиться чистой совестью. Только те, которые полжизни работали в Америке или в других промышленных странах, кое-как устроились.

«Ну, а ци є буг на небї?» — напав он на меня неожиданно.

«Та де бы не было,— иронизирую,— кось мусів світ сотворити».

«Но, гадав я, що й ты вже перевчив, як усі єптелегенты. У них бога не є, у них чорта не є, гримит не Илия, а якась литрика, вни вже май розумні й вид бога. Так сесь світ грїшний тече. Ото всьо написано в євангелии, що перед кунцьом світа ніко не ме нічому віровати, будут п'янствовать, курварити, отець пуйде на сына, сын на вутця. Так тото й є. Позад таких буг войны та ненависть дає. Антихрист панує. Бога не є, а еге всьо ся сповнят, що написано».

Сокотися, неборе, обесь и ты не спльв. Не пушайся по пустывках».

Закончив этим правоучением наш разговор, он побрел домой — медленно, слегка согнувшись и покачиваясь из стороны в сторону.

Он мне высказал все свое мировоззрение, весь свой склад жизни, главную суть ее.

Все остальное — только детали...

Иза, 8. IV. 1940

ГДЕ СЧАСТЬЕ?

Часто люди думают, что счастье — это какая-то веселая пташечка, которая неизвестно когда и откуда прилетит, осчастливит на несколько мгновений и вновь улетит, вопреки всем стараниям удержать ее.

Это правильно, с одной стороны. Но такое счастье миготно, перелетно, «зажигает мгновение» и, улетев, оставляет в душе разочарование и неудовлетворенность...

Есть люди, которые ищут счастье в богатстве, деньгах, другие — во власти, третьи — в легкой, беззаботной и беспутной жизни. Но это ложное счастье, если вообще можно при этом назвать человека счастливым. Такое «счастье» в конце концов приносит полное разочарование во всем, порабощает человека, толкая неудержимо все ниже и ниже и разрушая в нем веру в возможность настоящего счастья. Такой человек на склоне лет вдруг сознает, что свою жизнь «пропил», погубил напрасно и бесцельно... Следует или позднее раскаяние, или полное отчаяние.

Я полагаю, что настоящее счастье — счастье творческое, которое надо искать в самом себе... Каждому человеку даны качества хорошие и дурные. В зависимости от того, какие более развиты, и определяется характер личности. И каждый человек должен найти в глубине своей души все хорошее, постоянно развивать его, вытесняя дурное, направляя все свои устремления на благо общее, а тем самым и личное. То есть, надо трудиться.

Всякий полезный труд есть творчество, всякое творчество должно приносить пользу народу. Творец в свой труд вкладывает свою бессмертную душу, а потому и труды, в которые вложена душа, не умирают.

Видя или предвидя плоды своего упорного стремления для пользы своего народа, творящий преисполняется гор-

достью, довольством самим собой, а тем самым и окружающей жизнью.

Успех его не разочаровывает, а, наоборот, ободряет, толкает дальше вперед, к высшим целям, к еще большему совершенству и самоусовершенствованию...

Да, это счастье!..

Иза, 25. IV. 1940

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

(Из истории Пражской русской гимназии)

Класс... Ближится конец второго урока. Преподаватель с некоторой долей воодушевления излагает любимый предмет. Кому? — спрашиваете вы. Конечно, классу: стенам, партам, печке, картинам, особенно внимательным мухам на стене, ну, и ученикам. Раздается громкий зевок. Несколько слушателей умильно потягиваются. Некоторые нетерпеливо прислушиваются, не слышно ли звонка. На «камчатку» любо посмотреть: верзилы развалились, как извините кто, и не то спят, не то притворяются. Некоторые играют в карты.

Картина чудесная...

Вдруг динь-динь-динь!.. Так сладко напекает звонок! Все оживленно вскакивают, еще по разу потягиваются. Зевки звучат уже не в одиночку, а хором, организованно. Публика валит вон.

«Фу ты, заморил совсем своей чертовой философией! — выражает вслух свое неудовольствие сонный тип.

Артель курильщиков собирается в известном месте, и все по очереди тянут папиросу, зорко сторожа, чтобы кто-нибудь из «зверей» (преподавателей) их «не накрыл».

Во дворе некоторые «циркулируют». Другие стоят поодиночке и в группах. Двор делится, собственно говоря, на два двора: «старший» и «младший». Под угрозой смерти запрещается гулять на чужой территории. Господа «звери», т. е., я хотел сказать, преподаватели, следят, чтобы кто-нибудь не нарушил священный закон. Говорят, что в будущем оба двора будут разделены китайской стеной...

Разговоры ведутся на каком-то дивном международном наречии. Нередко вспыхивают споры о самых отвлеченных вопросах: о боге, о любви, о совести. Спорят о политике, о войнах, об экономике.

«...Какой теперь урок будет?» — спрашивает оратор-эко-

номист, прерывая на время изложение. «М-математика», — отвечают ему. «Черт дер! — кроет он математику. — Я ничего не смыслю в процентах!»

В другой группе идет разговор об отдельных типах людей и о человечестве вообще. Какой-то докладчик с порванными рукавами размахивает руками и рассуждает о порядках, дисциплине и самодисциплине. Вот, мол, если бы ему власть в руки, он бы не такие порядки завел...

У дам разговоры несколько иные, конечно: о Кунере, о Тейлоре, о прическах, образцах последней моды и других задушевных вещах. Но... безжалостный звонок прерывает возвышенные речи и призывает к реализму. Все с видом горького разочарования плетутся в класс, «слушать» — кто математику, кто географию, а кто... латынь.

27. IV. 1940

В КАРПАТАХ

I

Я должен был отправиться за быками на полонину Красну, где они летом паслись. В понедельник вечером мне приготовили все необходимое для дороги. Я лег рано, чтобы «до когуту» выспаться перед дорогой. Когда первый петух закукарекал, меня разбудили. Я наскоро надел на ноги «половичні топанки», взял синюю форменную куртку, фуражку, «борньовку» на плечи, и айда с соседом Юрой в дорогу.

Красна лежит на «драгуськуй ріці»¹ Теремле, на восток от Колочавы. Расстояние от Изы до Красной, говорят, 59 километров.

Мы двинулись наискось на Горинчево, а оттуда направо, в горы. Завтракать мы должны были около «кырниці» выше Горинчева. Там всегда все завтракали. Там и мы собрались. Приходим к источнику: место очень хорошее, тенистое, вода чистая, холодная.

Выпив почти литр молока с тенгеричаником, жду, когда мой спутник доест свою брызгу. Здесь нас догнали еще двое — Андрей и Петро. Пришлось ожидать, пока «пофрыштикувут» и они.

¹ «Драгуська ріка» — так называли речку, которая протекает через село Драгово. — *Примеч. сост.*

Утро прелестное, влажное, темно-синее, украшенное ярко-красной зарею, предшествующей восходящему солнцу. Карпатское утро! Какой прелестью, свежестью и юностью дышит это слово! Темно-синие горы и леса, затянутые влажным утренним туманом, чистая, свежая водица ручейков, ароматный запах росистой травы и свежего сена, хор просыпающихся птиц и насекомых, легкий ветерок и тихий шум деревьев; ранний свист косы и вздымающаяся от волнения грудь; вольная, необузданная песня пастуха и косаря, замирающая в прозрачном тумане и на верхушках гор,— вот что значит карпатское утро!

II

Вскоре мы вчетвером двинулись дальше. Все мои спутники женаты, гораздо старше меня. Юре тридцать девять лет, Андрею тридцать пять, Петру около тридцати, а мне в ноябре будет ровно двадцать. Они уже не раз бывали на полонинах. Один я был новичок. Обыкновенно случалось так, что тот, кто поднимался на полонину впервые, быстро уставал и над ним смеялись. Мне самому было интересно, сколько выдержат мои ноги, натренированные ежедневной ходьбой из Изы в Хустскую гимназию и обратно. Я не отставал ничуть, шагая шире всех. Отставал физически слабый Петро, но упорно держался. Мы не останавливались, редко оглядывались, ни слова ему не говорили, и он молча шел на некотором расстоянии. Мы же шли разговаривая, потому что молча «лудно» идти, и путь кажется длиннее и труднее. Вернее, разговаривали Юра и Андрей, я только слушал и старался запоминать направление и характер пути. Вскоре мы вышли на шоссе, которое ведет из Драгова в Колочаву, и по нему пошли дальше.

Незадолго миновали «драгуський фирус». Обедать мы должны были по обыкновению в Бовцарах, возле источника, находящегося теперь под воинской охраной в связи с распространением эпидемии. Воду здесь разрешается черпать только большой стальной ложкой, из нее надо перелить в кружку, и только из кружки можно пить. К одиннадцати часам мы остановились на том месте, пообедали, напились воды и отправились дальше, на Вульшаны, или «Вулчана», как написано на доске на краю села рядом с мадьярским «Vulcsána». Идем, не отдыхая, только воду попиваем. Я иду равномерно, иногда впереди.

III

Прошли мы и Вульшаны, подходим к Мерешулу. Дого-няем двух женщин — пожилую и молодую. Я заранее сдви-нул фуражку набекрень и спрашиваю (молодую, конечно), который час. Она отвечает, что знает точно так, как я. Завязывается разговор. Она то ли спрашивает, то ли за-ключает, что я уже, наверное, женат. Я возражаю: «Біда має такої дівки, з котрив би варта світ собі зав'язати. Хиба бы десь на Верховині была». — «Треба глядати», — говорит она, улыбаясь. Ей и в голову не приходит, что я гимназист, будущий «пан». Разговор у нас самый простой, самый обык-новенный, какой может быть между «легіньом и дівков». Да я и не считаю нужным ей сообщать, что окончил седь-мой класс гимназии. Мне не хотелось проводить между собой и ею границу. Лучше слушать ее непринужденный разговор о том, как ей не понравилось «на долині», где она работала: гор нет, лесов мало, воздух хуже, а вода совсем плохая. «Не хотіла бим там жити, — говорит, — не є над наші горы». К сожалению, я не успел спросить ее имени, проститься. Нас остановила землячка, возвращающаяся до-мой, и моя новая знакомая незнакомка немного отошла и, свернув в переулок, скрылась.

Больше я с ней не встречался.

IV

Входя в горы, я все больше чувствовал резкий контраст между бедными, ничтожными людскими селениями и мо-гущественной, величественной, таинственной и спокойной карпатской природой. Могучие буки местами повалены и с корнями вырваны грозой из карпатской земли. Стройные-престройные ели и изредка попадающаяся прекрасная бе-лая береза, трепещущая от малейшего дуновения ветерка, покрывают подножия полонин и своим задумчивым спокой-ствием и тихим таинственным шелестом верхушек способ-ны очаровать душу любого путешественника. Теперь моя давняя мечта — прожить летом с друзьями месяц-два среди карпатской природы — осуществится.

V

Напившись за Мерешулом кислого буркута, мы стали подниматься выше. Надо было спешить, потому что надви-галась гроза. Хотелось заблаговременно достичь колыбы. Прошли быстро крутизной, напрямик, два километра. По-чувствовали усталость. Но, пустив в ход резервные силы,

мы почти бегом добрались до колыбы. Только успели вскочить в нее, как разразилась страшная гроза, какой я до тех пор не видал. Колыба все время скрипела и вздрагивала от напора ветра и ударов грома. Вдруг к нам донеслись какие-то крики и визги: это девушки, собиравшие малину и яфины, приближались к колыбе, где находились их вуйоши. Несмотря на ливень, они тотчас отправились дальше, домой в Лазы, придерживая руками свиты, которые шаловливый ветер пытался поднять слишком высоко. Особенно мне понравилась быстроногая, желтоволосая Олена, очень живая и милая. Вскоре, напевая и весело хохоча, девушки скрылись из виду.

VI

Дождь приостановился. Мы, не отдохнув и часа, тронулись дальше: надо было найти быков. Гроза прошла, остался только серый, густой и холодный туман, который быстро налетел и быстро уносился дальше. Смотришь: серая, непроглядная стена молниеносно движется, вдруг разрывается в клочья, и эти клочья, как пыль перед грозой, то поднимаются, то падают, то останавливаются, то бегут дальше, образуя разные фигуры. Взойдя на самый верх, я был восхищен гордой величавостью Карпат: полонины Красна, Ружа, Босова, Товпаш, Стенешур, Щавна, Прамникуська, Сухарь, Прислуп, Стрымба, Тяпеш, Дарвайка, Мепчул, Лак, Перехрестя, Шелембаня, Попада, утопающие в темно-синем воздушном океане, стояли задумчиво и неподвижно, словно богатыри, погруженные в глубокий вечный сон.

Чувствуя непреодолимое влечение, я запел «Верховино, світку ты наш...» и не узнал своего голоса. Сам, без всяких слушателей, без всяких стараний придать голосу искусственное дрожание, чтоб он кому-нибудь нравился, я пел, забывая все на свете. И голос мой действительно дрожал, так как грудь не в силах была справиться с приливом нахлынувших чувств. И песня лилась так вольно, так широко, как никогда раньше. Счастлив тем, что я, хоть и гимназист-восьмиклассник, определяющийся в «шаны», остался душою все тем же простым сыном Карпат, которому понятна жизнь нашего бедного народа и близка величавая красота родных гор, я в эти минуты почти молился, чтобы каждый, кто родился на этой бедной, но столь дорогой земле, был способен любить ее от всей души, от всего сердца, готового на жертвы...

Иза, 20. VIII. 1940

БОГАТЫРИ

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри, не вы!

М. Ю. Лермонтов

Слушаю рассказы или воспоминания отца, и не верится, что за люди были наши давние и не так давние предки! Они в общем были, конечно, похожи на нас, но мы-то на них очень мало похожи!

Откуда эта сила бралась? Ведь каждый из вас, наверное, слышал о Киниже, который, взявшись одной рукой за конец огромной оглобли-гузины, показывал ею, как малою палкой, путь панам, ищущим сильного человека. А таких ведь у нас было немало, особенно среди овчаров, кормящихся всю жизнь токаном с брынзой и молоком. И что за фиглярные люди были! Правда, не отличались усердным трудолюбием, но зато когда уже взялись за что-нибудь, так только смотри и удивляйся.

ИВАН ЗАДИЛЬСКИЙ

Странный был человек и большой фигляр. Ростом высокий, но не как Геркулес, а пониже и поуже. Худощавый. Отличался походкой: шел медленно, покачиваясь. Когда его, возвращающегося с мельницы с громадным мешком муки весом в метрический цент, спрашивают: «Діду, де сте были?», то он медленно, слог за слогом, декламирует: «У млині. На-се-лі. Де-ся-вбер-тат». — «Ци мякко вам измоллов?» — спрашивают его. «То-на-ка-шу, то-на-кру-пу», — отчеканивает он, раскачиваясь по-моряцки.

Однажды его нанял косить какой-то хустский газда и сам пришел растрясывать валы. Иван начал работу не спеша, а тот все время его торопит, выбирая вилами сено прямо из-под ног Ивана. Ивана это разозлило. Уже по природе физиономия его была не совсем миловидна, а тут еще обернулся, высунул язык, раскрыл пошире рот, вытаращил глаза и смотрит, как дракон, на нанимателя... Хозяин стал заметно отставать. Ивана уже не торопит.

Пришел полдень, пора обедать. Расселись, разложили огонь. Иван вынул из тайстры целый хлеб, разрезал на куски и каждый кусок стал примерять к животу: «ци парує», мол. Нарезал столько хлеба, что хватило бы для десятерых. Вынул фунт сала и говорит хозяину: «Принеси росохи». Тот принес. Взял Иван рожон, опер его на росохи и стал все

это сало жарить и мазать хлеб. Намазанный немалый кусок кладет на высунутый язык и языком втягивает его в рот. Хозяин смотрит, как ошалелый. И не дышит. Немного времени прошло, не стало ни горы хлеба, ни полкило сала. Подал Иван хозяину кувшин в два-три литра и посылает за водой. Тот не смеет ослушаться. Выпил Иван всю воду одним духом и говорит: «Принеси ище». Тот принес. Выпил и опять посылает хозяина за водой: «Принеси щи, бо кой пуйду, тай всі норы уссу» *.

Хозяин так перепугался, что и работу прекращает. Идут домой. Наниматель опережает Ивана, вбегает в дом, подает жене деньги и торопит ее на улицу, чтоб там расплатилась с Задильским. Бедняга заболел с перепугу.

А вот другой случай, Иван имел обыкновение исполнять бычьей функцией (быков у него никогда не было, и сам тянул иногда тяжелый воз). При этом он погонял мнимых быков, приводя в недоумение прохожих: «Ча, быцю, ча! Вогов-гов-гов! Вога вай-вай!» Однажды он нагрузил воз сеном и двинулся домой. В это время возвращалась домой с мешком фасоли самая богатая газдыня Изы. Подходит сзади к возу и слышит, как Иван погоняет быков. «Иване, гов! — кричит она. — Верзь ми мих пасулі на вуз». — «Вага-вой, малі, вой! — останавливает «быков» Иван. — Клади! Та й сама лізь!» Она охотно согласилась. Подсадил Иван ее, даму довольно тяжеловесную, сзади на воз, надел скорее на шею ярмо и давай тянуть весь этот груз. Газдыня сидит довольная, что и фасоль не надо тащить и сама едет. Вдруг присмотрелась: «Иване, де ти быкы? Иване, пуцай ня долу, пек бы ти з битангов, не чини з ня сміха». — «Но, маленькі, но!» — приговаривает Иван, и душу его распирает смех: «Сиди, газдыне, обись знала, що'м тя вюз». Бедная газдыня не знает, что делать; хотела бы прыгнуть, но не осмеливается все свои килограммы на ходу спустить на землю. Вопит, умоляет Ивана. Тот еще пуще спешит и погоняет сам себя.

Так привез ее на самую середину села, ко всеобщему удивлению и издевательствам. Таков был Иван.

ИВАН МИХАЙЛИНУ

Это был карпатский геркулес: высокий, плечистый, с трудом проходящий через обычные двери, с круглым, довольно симпатичным лицом.

* Принеси еще, а то, если пойду сам, все норы высосу (диалект.).

Как-то однажды, говорят, пошел он с охотниками в Дил на вадаску. Пошел подгонять диких кабанов. За поясом у него был топор и больше ничего. Вдруг из кустарника выбежал здоровенный кабанище и прямо на него. «Но, нянька ти солодкого», — выругался по-своему Иван, и когда кабан был уже совсем близко, схватил его обеими руками за уши, сел на него, как на лошадь, и давай топором благословлять по голове. Так и добил его.

Однажды двинулся Иван на бокоры. Приехал в Майдан и зашел к одному еврею спать. Лег на печь, растянулся всюю и спокойно захрапел. У еврея была служанка. Ее целый день не было дома. Вернулась ночью и хотела лечь на свое привычное место на печи. Ищет ощупью. Вдруг нащупывает чье-то тело. «Ко туй?» — спрашивает. «Я!» — отвечает глубокий бас. Идет дальше. Нащупывает опять чье-то тело. «А йсе ко?» — спрашивает опять. «Я», — отвечает тот же бас. Служанка осторожно ползет еще дальше. И опять нащупывает чье-то тело. «А йсе ко?» — спрашивает снова. «Тадь я!» — уже нетерпеливо отвечает тот же голос. «Но біг би тя вкляв! Не помалив тя дати!» — выругалась пораженная служанка.

Взял Иван с товарищем бокор, и едут спокойно вниз по матушке Рике. Вдруг видят: впереди на середине реки стоит большой бокор, и с десятков человек не могут его сдвинуть с места. Пришлось и свой останавливать. Остановили. Подходит Иван к бокорам и говорит: «А що, хлопці, не йде?» — «Овва, не йде, діду!» — отвечают ему. «Хлопці, будут дві бутилки зорівки?» — «Го-йой, ци будут, діду!» — «Мамку му солодку, принесіт муй кул!» Принесли четверо его кол. Подставил кол, подставил и плечо под него. Сплюнул и говорит: «Уважайте, хлопці, обы вас не лишив!» Двинул плечом, бокор заскрипел, заревел и поплыл дальше. Хлопцы едва успели вскочить на него.

Так вот какие люди жили раньше...

Было много и других, но память о них уже довольно износилась. Был, например, Барбаш...

Недавно умер горинецкий Юскович, который, будучи еще солдатом, вырвал у загрязшей в страшном болоте военной лошади, стараясь ее спасти, весь хвост.

Было их немало, но, к сожалению, трудно теперь собрать достаточно материала для их описания.

Слушая рассказы про этих верзил, в удивлении качаешь головой, как лошадь летом. Как так? По каким это биологическим причинам люди все стремятся к прогрессу, физически и нравственно вырождаясь? И с каким знаком про-

исходит всемирная эволюция: с плюсом или минусом? Приходится верить Дарвину: человечество, кажется, действительно произошло от обезьяны. Чем дальше в древность, тем люди были сильнее и долговечнее, а по мере удаления от своих предков — стала в них эта сила вырождаться — человечество быстро-быстро покатилося по линии прогресса и одряхления. Тут уже я не знаю, что правильнее: катиться ли дальше и докатиться, быть может, до чертовой матери, или же как-нибудь повернуть курс?!

Иза, 17. XI. 1940

ЛЮБОВЬ ГИМНАЗИСТА

Миша Изай — гимназист-восьмиклассник. Ему девятнадцать лет. Но ему кажется, что он прожил целые века, бурные века безмерных личных и общечеловеческих страданий. Эти страдания доводили его иногда до крайнего отчаяния: он не знал, что делать, на чем остановиться, во что верить, кому довериться. Совсем противоположные чувства и идеи одновременно и с одинаковой силой разрывали его душу, и отпечаток этих переживаний остался на его лице.

Но теперь он счастлив. Как долго он искал ЕЕ и наконец нашел! Милую, ненаглядную Наташу! Сильный, высокого роста, он теперь чувствовал себя еще сильнее и выше. «Почему люди так ужасно страдают? — размышлял он. — Вот там идет какой-то господин. Видно, очень богатый. И осанка какая-то горделивая. Но счастлив ли он? О, куда там! За его внешним спокойствием и презрением к окружающему миру скрывается какая-то забота и тревога, которые моментами просвечиваются в беспокойно бегающих глазах! Куда ему до счастья! И что такое счастье? Это чувство центробежное, старающееся вырваться из груди и залить все окружающее. До чего бывают глупые люди! Богатство, удобство, роскошь, разврат... За химерами, миражами счастья гоняются люди, как сумасшедшие, уничтожая друг друга, раздраженные, ослепленные ложным блеском. Каждый куда-то топчется, но сам не знает, куда и зачем...

Да... есть очень ничтожные и подлые существа. Нет, несчастные, жалкие... И какой ценой искупают они свою жадность! Зачем все это, зачем?! Почему нельзя остановить это проклятие, сделать так, чтобы у человека хватало свободного времени хоть настолько, чтобы как следует познакомиться с соседом?

Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет.

Да, я куда счастливее других! — продолжал рассуждать Изай. — Счастливей, во-первых, потому, что не гоняюсь за ложным счастьем; во-вторых, потому, что у меня есть и постоянные друзья; в-третьих, потому, что у нас есть общая идея, которой мы живем; а в-четвертых...» Он, вспомнив четвертую причину своего счастья, подпрыгнул, как ребенок, и стал напевать себе под нос одному ему известную, непосредственно исходящую из души мелодию. «Ну-ну, дурак, куда так спешишь? Совсем рехнулся? Ведь можно и спокойно идти? Пора бы уже что-нибудь соображать!» — отозвался в нем серьезный голос. «Э, чего там рассуждать?! — возразил другой внутренний голос, резкий и пылкий. — Влюблен по уши, и готово».

Он то бежал, то приостанавливался и пытался идти спокойно. «На-та-ша! На-та-ша! На-таш-ка...» — скандировал в такт своим шагам. И казалось ему, что все, даже птицы и неживые предметы, смотрят на него и улыбаются его счастьем, которое сидит в груди и глазах, в каждой клеточке его существа. И он принялся хохотать, во всем видя причину для хохота. Вдруг опомнился, и какая-то внутренняя боль исказила его лицо. «Да куда я иду и зачем?» — отозвалось в нем. «Нет, уж двинулся, так пойдем!» — возразил другой голос, и он успокоился, зашагал дальше, не рассуждая. Он шел, не замечая ни людей, ни домов. «Звонить или уйти?» — усомнился он, очутившись перед воротами знакомого дома. Импульсивно нажал на кнопку звонка и стал с каким-то беспокойством в душе ждать. Незадолго послышались знакомые шаги. Сердце учащенно забилось. «Не лучше ли убежать?» — мелькнуло в голове. Но не хватало сил сдвинуться с места. Стоял, покраснев от внутреннего, все усиливающегося жара.

Она приближалась к калитке. Он стал так, чтобы его не видно было сразу. «Кто там?» — послышался из-за калитки глубокий, мелодичный голос. Миша молчал, сдерживая дыхание. Послышалась манипуляция с ключом. Калитка открылась, и Наташа выглянула на улицу.

— Миша, здравствуй! Ты звонил? — спросила она, сияя и краснея.

— Конечно, я! — ответил он, подавляя страстное желание обнять ее здесь же, на улице. Она, кажется, угадала его мысль, потому что как-то странно улыбнулась и осмотрелась кругом.

— Родителей нет дома, — сказала она. — Пошли в гости

и возвратятся часов в десять. Как хорошо, что ты пришел. Я все время думала о тебе. Ждала тебя. Я предчувствовала, что ты придешь.

Он вошел во двор. Она закрыла калитку и пошла рядом.

— Удивительная вещь: мне тоже казалось, что ты ждешь меня. Я не мог усидеть на месте и направился к вам, Наташа.

Минутку она молчала, потом заговорила:

— Вчера мне мама рассказывала, что близкие души чувствуют одна другую и на большом расстоянии. У мамы был старший брат, которого она очень любила. Он ее тоже. Когда началась война, ему пришлось уехать на фронт. Через год маму начали мучить сны. Снилось, что он стоит над пропастью и вдруг падает в нее. Мама с тех пор не могла успокоиться, чувствуя, наверно, что с дядей случилось что-то ужасное. Днем она не знала покоя, а ночью же опять видела страшные сны. Она молча переносила свои мучения, ничего не говоря бабушке. Но бабушка тоже была встревожена. Не в силах скрывать больше своих опасений, они открылись друг другу. Оказалось, что и сны, и предчувствия обеих были почти одни и те же. На следующий день узнали, что дядя убит.

— Да, это возможно,— сказал Миша, глядя с тоской в большие, синие, почти детские глаза девушки.

— Ну, милости просим, господин, заходите! — низко поклонилась она, открывая дверь в дом. Прошли в главную комнату, изящно убранную, с прекрасными картинами на стенах. Он не очень-то присматривался, будучи в возбужденном состоянии. Сел на предложенный мягкий стул. Наташа включила радио, села напротив гостя. Послышался шум и писк, потом полилась приятная музыка из Белграда.

Миша в мучительном восхищении следил за движениями Наташи и почти не слушал музыку. «Да,— думал он,— ей семнадцать лет. Начало расцвета. Какая красота! Эти глаза, большие, синие-синие, как лазурь, и необыкновенно ясные. То они по-детски веселые и озорные, то созерцательно-спокойные и задумчивые, то грустные, то удивительно решительные и твердые, то бесконечно нежные и ласковые... Сколько различных душевных переливов, и все они ясно отражаются в этих чудных глазах! А светло-каштановые кудри, причудливо окаймляющие продолговато-округлое лицо с ровным носом и неуловимыми чертами! А губы... как я люблю эти магические алые губы...» Вдруг радио резко запищало, затрещало, прервав его мысли.

«Радио... Плевать мне теперь на радио. Какое мне дело

до всего вообще?» — обозлился он в душе и даже привстал от раздражения.

— Что с тобой, Миша? — спросила она и озабоченно приблизилась к нему. Тут он уже не выдержал: вскочил, обнял ее...

Когда отрывал ее губы от своих, то смотрел на нее, как будто впервые видел. И опять целовал губы, глаза, кудри, шею, плечи, готовый захлебнуться невыразимым безумным счастьем.

Он, воспитанный необыкновенно суровой школой жизни, не знал никогда ни любви, ни ласки. Почти всегда пребывал в самых фантастических мечтах. На душе накопилось столько чувств, что он теперь задыхался от нахлынувшего неудержимого потока почти женской неги. И когда они наконец сели, он то клал голову на ее колени, то гладил мягкие кудри Наташи. В его душе что-то зашевелилось и начало постепенно расти. Казалось, что душа стала вдруг бездонной и безграничной, она расширяется и давит изнутри, стараясь освободиться от тела. Казалось, все, что было до сих пор, все, что человечество прожило, стоит неподвижно перед глазами. А бездна, возникшая в душе, выходит и сливается с всьмиром. И он не может этого вынести, и он будто бы умирает или забывает, что живет на земле, что надо идти в гимназию, что он, может быть, голоден. Забывает, где находится, кто возле него, и не слышит, что ему говорят. Становится невыразимо весело и в то же время невыразимо грустно. Он иногда смутно сознавал сущность своих переживаний, но не в состоянии был их выразить; нет слов, которые бы им хоть наполовину соответствовали.

Что-то подобное вдруг он и теперь ощутил. Наташа, посмотревшая на него, испугалась взгляда его неподвижных, широко раскрытых и устремленных куда-то вдаль глаз, в которых отражалось что-то нездешнее, какой-то необыкновенный восторг, смешанный с невыразимым страданием и безграничной тоской.

— Миша, что с тобой? — спросила она испуганно, взяв его лицо в свои руки. Он опомнился, посмотрел удивленно, как будто соображая, кто она, зачем она здесь. Опомнившись, слабо улыбнулся:

— Замечался я, Наташенька, сидя с тобой. Ведь как я тебя люблю, Наташка! Так люблю, как никого еще не любил, и не буду, наверное, любить.

«Я люблю твоё тело, Наташка, губы, кудри, шею, грудь, все, все, но больше всего люблю эти твои ясные, большие, синие очи, и не столько из-за их синевы, сколько из-за того,

что в них трепещет твоя чистая, музыкальная, глубокая, нежная душа.

Я люблю твою душу, Наташа, а в твоей душе люблю душу народа, также простую, чистую, музыкальную, нашу живую русскую душу. Ведь Народ, Родина — понятия довольно туманные, если они не воплощены в одном или нескольких лицах. Это воплощение души народа, его традиций, его нравственных воззрений, его стремлений, страданий, его жизни вообще — я вижу в тебе, потому так глубоко тебя люблю.

Мою жизнь составляют Родина, Женщина, Музыка. Все три они неразделимы, и только меняются главными ролями. И если отнять любую из них, я станюсь очень несчастным, и остальные две тоже слабеют...

Да. Я очень люблю музыку, особенно грустную, эолическую. В протяжных тонах есть что-то беспредельно грустное, беспредельно родное, как будто в них излиты человеческие думы, страсти и страдания бога Эола. И удивительно — в грустных звуках чувствуется даже что-то бесконечно веселое...»

Миша говорил и говорил, желая сразу высказать все наиболее прочувствованное. Наташа его не останавливала. Она молча, с увлечением слушала, хоть многого не понимала.

— Ведь я ужасный фантазер, Наташа, — продолжал он свою исповедь, незаметно для себя перескакивая с мысли на мысль, — я большую часть своей жизни провожу в самых необыкновенных мечтах.

И всюду ты, то

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты,

то как верная подруга, сопровождающая меня в жизненной борьбе и лучше всех меня понимающая...

(1940—1941)

О ЛИТЕРАТУРЕ И О КОБЫЛЕ

Фельетон

Эх, развелось-то у нас нынче славных поэтов и писателей! Прямо ужас! Растут, как грибы в лесу после дождя, как червяки в свежем трупе. Растут, потрясая мир своей громкой славой, а особенно своими громкими псевдонимами.

Что за чудные псевдонимы попадаются иногда, прямо редкость!..

Иной псевдоним сам по себе просто отдельное художественное произведение, начатое и законченное, ясно доказывающее, что самые простые и естественные вещи — самые гениальные. Да!

Сколько труда нужно иногда затратить на то, чтобы его, этот псевдоним, так сказать, сочинить, скомбинировать, или даже не сочинить, а просто стянуть с поэтических небес, где он парил, точно орел-стервятник, стянуть за заднюю ногу, приклеить к бумаге и, очень заботясь о его судьбе, посылать в столичный град Унгвар на ассентировку.

Ничего, братцы, что у нас столько литераторов, не бойтесь, прокормим... Почему? — может быть, спросишь ты, господин читатель. А потому, отвечу я, что они оставили ужасное множество попорченной бумаги, над которой люди ломают себе головы. В этом и есть главная заслуга писателя: заставить читателя, чтобы тот ломал себе голову над его шрифтом.

Так вот, видя такую жизнеспособность угрорусской (литера) литературы, думаю: «Так что же ты, Черт Иванович, отстал от пшаны? Разве не от матери произошел на свет божий? Бумаги, что ли, не хватает? Ведь талант-то в тебе, может быть, сидит такой, как дыня, а ты и не знаешь о нем! В самом деле, думаю я дальше, кто его знает, может, и есть, да еще дремлет, бедняжка, уподобленный тем святым мученикам, которые проспали триста лет, не заботясь о пище и других потребностях.

Нет, думаю, хорошо бы прославить какой-нибудь псевдоним, а самому держаться втайне и наслаждаться успехами.

Действительно. Ведь можно же стать известным писателем! Достоевский и Толстой были, в конце концов, те же люди... Достоевский был большой человек, который, наверное, не всегда понимал, что и зачем пишет, а Толстой был известный чудак, раскольник и просто мужик, и все же они достигли бессмертия и, пока существует бумага, их имена будут сиять на ней. Да, все их считают великими литераторами.

Не испиши мы, например, столько бумаги, куда бы нам было до Толстого и Достоевского! Значит, писать, писать, писать, не отдыхая, не рассуждая. Главное, не рассуждая, а то как начнешь рассуждать, то и писать перестанешь. Подумаем так: «Чем больше пишешь, тем больше врешь, ведь самый способный сочинитель и есть самый окаянный врун и обманщик, потому что он все сочиняет, выдумывает... Нет, я изображу действительность такой, какой она есть».

Под влиянием таких мыслей на меня нашла такая охота к художественному творчеству, что я схватил тетрадь, заложил ногу на ногу, взял карандаш в зубы, уперся в какую-то точку где-то в бесконечности и просидел в крайнем недоумении полчаса, абсолютно не зная, о чем бы рассочиняться, с чего начать. Уже хотел, было, отказаться и от славы, и от самого таланта, как вдруг вспомнил одну очень интересную личность.

Итак, мое сочинение будет носить название:

О К о б ы л е

Не подумайте, что это фамилия какой-то дамы или что-нибудь подобное. Нет. Это самая обыкновенная деревенская кобыла.

А что я написал слово «Кобыла» с большой буквы, так это, во-первых, из личного уважения к ней, а во-вторых, потому, что не знаю, как ее зовут.

Дело не в том, что она — кобыла, и не в том, что она слепа на правый глаз, и не в том, что хвост похож на совершенно использованную метлу. Дело даже не в том, что она по натуре аристократка, а по убеждению демократка.

Аристократка она потому, что никогда не опускается до мальчишеской резвости, а действует по правилу: «Типе едешь, дальше будешь». Демократка она потому, что у нее ужасно обципаный хвост (под который ей дадут), и потому, что ребра у нее видны. Но дело, говорю, вовсе не в этом, ведь всякий (дурак) знает, что такое сегиньлегиньская кобыла.

А вот в чем дело: она на ходу как-то странно высоко поднимает левую ногу, а потом полукругом сильно ударяет ею в землю. Не знаю, что она хочет этим сказать, но думаю, что это проявление высшего благородства. Делает она этот фокус постоянно и так... описать: и перо дрянное, и слова на бумаге выходят не те, что были в голове.

А может, читатель, все это ничуть тебя не интересует? Может, ты не ценишь мое сочинение? Ну, тогда лучше не читай.

1942

ДОПОЛНЕНИЯ

І. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

Свадьба у простого народа — это общественный местный праздник, в котором, если не прямо, то косвенно, принимает участие вся деревня. Иногда бывает в один день несколько свадеб. Тогда, конечно, общественный интерес и участие раздробляются, согласно условиям родства, отдаленности от пунктов действия, взаимоотношениям и пр.

И каждая свадьба является местным историческим событием, подвергается очень подробной критике, оставляет хорошее или плохое, недолговечное или продолжительное впечатление в зависимости от своей величавости и оригинальности. Все свадебные действия проходят под строгим соблюдением народных традиций, но это не мешает каждой свадьбе быть по-своему оригинальной, непохожей на другие.

По этим причинам свадьба, как единственный в своем роде и решительный шаг в судьбе двух личностей, подготавливается с исключительной старательностью.

Но свадьбе предшествует много разнообразных церемоний.

Начинается обыкновенно так: двое молодых людей, решив пожениться, просят согласия родителей. Бывает, что по разным причинам отцы «шорят» своих детей против их воли.

Вариаций бывает много, но все они сводятся к тому, что родственники такого-то «легіня» приходят как «сватачі» к такому-то «газді», у которого есть, безусловно, дочь.

Приходят они будто случайно, заговаривают о погоде, сенокосах, рассуждают о хозяйстве, о политике, «про молодь», только вскользь задевая цель посещения. В конце концов карты понемногу раскрываются. «Сватачі» начинают: «Та, знаете, нас привело сюди таке діло...». Хозяин чешет затылок, отнекивается: «Та знаете, люде чесні, я б'єм рад, ай ко знає, як сесь світ потече; та й дівка молода, має час. Хыба бы май десь туды в мясницы, вадь нанаяуд. Тепер ще і дару не має...» — «Та вто не біда, кобы дівка порядна...» — не поддаются «сватачі». — «Та й не знаву, ци вна хоче ще ся удавати. Боюся еї втопити так скоро», — ломается еще хозяин. Затем обращается к дочери, которая все это время сидела молча и с замиранием сердца ждала исхода событий: «Но що, донько, чуеш, як діло? Як ти ся видит?»

Она, красная, как «бурак», стыдливо отвечает: «Ваша воля, няньку. Аж вы хочете, то я ся не противлю». Значит, дело ясное. Хозяин, обсудив еще вопрос о «части», дает согласие (в этом случае оно необходимо, чтоб я мог продолжать описание).

Все детали обсуждают потом «старі». А «молоді» идут на нотарский и церковный уряд писать «воголоскы». Перед свадьбой «молоденята» покупают «жуковины», платья, а также готовят подарки для членов обеих семей.

Приближаются «вінки». Еще раньше молодой выбирает себе «кума» и «дружбову» (двух или четырех), а молодая — «дружок» и «свашок». Днем, накануне свадьбы, «молодиця» и «дружкы» ходят «за барвінком для косиці женихові і дружбовум і для вінка молодици».

Вечером девчата сходятся «до молодой». Плетут венки и поют:

Ой, дай ми, мамко, иглу,
Та й виточку шовку,
Та най собі поміряву
Вінок на головку.

Ей, лишаву ти, мамко,
Слызы по столови,
Ей, тобі, любый няньку,
Сліди по дворови.

Уддаешся, білявочко,
Та я не бануву,
Та я собі есе літо
Самый провандруву.

Ей, ластовочко люба,
Ты на гнізда сідаш;
Кажеш, лобку, що ня возьмеш,—
Ци пуйду — не звидеш.

Ей, рубай барвіночок,
Клади у снопочок,
Есе першый і послідный
Дівчині віночок.

Ой, віночку зелененький,
Уд сонічка'сь красны:
Нащо за ним, дівко, ревеш,
Ксй такый нещасны.

Ой, віночку зелененький,
Рада'м тя носити,
Через хлопця молодого
Мушу тя лишити.

Уддаеш ня, люба мамко,
Молоду дівочку,
Та я ище не зносила
Грядку барвіночку.

Ей, одну'м не зносила,
Другу'м насадила,—
Не вдавай ня, люба мамко,
Ще'м тя не служила.

Ей, спала'м у тя, мамко,
На новенькій ладі,
Та була'м ти, люба мамко,
Усе на заваді.

Закувала зозулиця,
Сіла на лисницю,—
Уддаешся, дїмборочко,
На другу вулицю.

Ей, спала'м у тя, мамко,
На новум сусічку,
Глядай собі, люба мамко,
Про мене служничку.

Ей, на зеленом житі
Колос похилений,—
Ци сам'ись ня лишив, любку,
Ци есь удвернений.

Я тя, дівко, сам не лишив,
Мамка ня вдвернула,
Та кавала: «Люби другу,
Бо май файна друга».

Уддаєшся, білявочко,
В великуй радости?
Та буде ти світок іти
В жалю та в марности.

Ей, права рука, права,
А в лівуй косиця,
Така лобов невінчана,
Як до вбід росиця.

Закончив все приготовления «на завтра», молодежь выходит во двор, где уже «молодий з гудаками», и танцует.

Затем раздается обращенное ко всем: «Будьте здорові! Завтра свадьба!».

Приступим к описанию этой свадьбы.

Утром «молодицу» наряжают, заплетают, одевают ей на голову венки. У жениха тоже немало хлопот. «Гудаки» идут к молодой с приветом, и какой-нибудь «родак» несет ей орехи, сахар, кукурузу и кныш. Потом идут к куму и, немного потанцевав, ведут кума и его гостей «на поранок» до молодого. У молодой отдельный «поранок». Всеми действиями и церемониями руководит староста, человек сведущий в том деле и с языком поворотливым.

После «поранка» молодые идут на нотариальный уряд. Потом отправляются в церковь.

В церкви стоят перед аналоем на «обруси». Жених на правой стороне, невеста на левой. За ними кум со свечой в калаче. У молодых на головах небольшие веночки.

Обменявшись кольцами, походив вокруг аналоя и сказав на вопросы священника свое «айно», молодые идут домой.

«Гудаки» идут к жениху, где молодежь танцует. Около полудня идут за «нив» (молодой).

В дверях дома отца невесты стоят «широки», которые дальше не пускают. «Ану, набук, люде, най пруйдеме далє!» — говорит староста. «Овва! Тут граница! Та утки вы? Що вы за вдны?» — спрашивают «широки». Староста отвечает: «Мы здалеку. Мы з воськом прийшли, из силов великов. Полагодьмєся!» Вытаскивает пол-литра, «широки» тоже, и вход открыт. Но к молодой добраться нелегко. На дороге немой, спящий «засідальник».

— Гей, неборе, вставай! Щось за вдєн? Міт чіналє? Міт окорє? *

Тот с трудом подымается, но ничего не отвечает, только руками показывает на тарелку перед ним: платите, мол.

Дают ему несколько мелких. Он их высыпает и просит все больше и больше. Иногда доход составляет десять-двадцать пенге. Получив желанную сумму, «засідальник» дает дорогу. Деньги отдает молодой. Она может их израсходо-

* Что делаешь? Чего тебе надо? (пенг.)

вать по своей воле. Жених, который платил, не имеет права ими распоряжаться.

После «гостини» невесту уводят. Прощаясь с родными, она жалостно плачет. Другие представители прелестного пола ее в этом охотно поддерживают. Процессия, впереди которой петушком идет неутомонный староста, движется к дому жениха, в новое «домовство». На левой руке несет «перец» с «обрусом». Снова начинается «гостина», уже в доме молодого. Во главу длинного стола садится, конечно, староста. Справа от него — жених с невестой, слева — кум. Староста обращается к «широкому»: «Широкий, чи все на місці?» — «Все». — «Пудбий двері, затчи цівку, вби ніко не уйшов, та пошли сюды чоловіка з віком». «Широкий» приносит напитки. Пьют.

Потом староста объявляет: «Кухарки, я голоден!» Те приносят курицу. «Вам, гудаки, шия, вби вам гуслі май мовили; вам, кухарки, крила, вбесте усіх нас ублітали; тобі, широкий, лабы, вбесь добре бігав; но, а мені, Василицу, буде тулубище». После порядочной пирушки (чужая молодежь на дворе танцует) свадьба расходится. «Гудаки» опять идут за кумом и его родней. Опять начинается «гостина», на которой староста ораторствует, желая всем «прожити в кріпости і добрум здоров'ю на многая и благая літа».

Все поют «многая літа». После этого староста режет перец, обыкновенно на четыре части: для «дружбову», для себя и для молодой. Затем кум и его родня идут домой. Кум обычно возвращается, и гулянье продолжается целую ночь.

Через день собирается узкий круг родственников и съедают курицу.

Ну, а после начинается обыкновенная супружеская жизнь...

1940

ЗИМНИЕ РАССКАЗЫ ОБ УПЫРЯХ

Долгие зимние вечера в Карпатах. Сидишь возле «пшора» (печки) и слушаешь однообразную музыку веретен. Слушаешь и мечтаешь. Каждый человек склонен к контрастам, и зимой обыкновенно воображаешь себе, что всюду лето, все цветет и улыбается так приятно и весело. Видишь себя купающимся, хотя недоумеваешь, как можно купаться в такой холодной воде (в зимнюю стужу даже подогретая вода представляется непременно ледяной). Но я отвлекся. Вот,

значит, сидишь себе и мечтаешь. Или слушаешь чьи-нибудь приключения с нечистыми силами. Это увлекательные рассказы, несмотря на их иногда явную нелепость и фантастичность. Слушаешь их, и невольно мурашки пробегают по спине... Даже если у тебя, так сказать, высокомерное и полупрезрительное отношение к суевериям, все же как-то неохотно, нерешительно и с некоторой осторожностью выходишь ночью на улицу. Живя в большом городе, человек забывает про всякие суеверия. Но возвращаешься опять в деревню, идешь ночью домой и становишься неестественно чутким и осмотрительным. Эта осмотрительность овладевает тобой полностью, и в каждую минуту ты готов, выражаясь жаргонно, обратиться в самый прыткий стрекач, т. е. показать настоящей или мнимой нечистой силе пятки. В такие минуты с мучительным усилием стараешься быть спокойным, хладнокровным, всей силой своей воли заставляешь себя думать о чем-нибудь другом, постороннем, но твои мысли все время вертятся вокруг *этого*.

Вернемся, однако, к теме. Рассказывают о «босорканях» и «потинках», чертях, но чаще всего об упырях «рікових» и «хащовых». Упыри — удивительные существа. Это, говорят, души утонувших либо убитых в лесу. Они до тех пор обитают в лесу или в воде, пока кого-нибудь из живых не заманят в свою стихию и там не умертвят. Тогда жертва становится на их место...

Один из моих родственников, большой шутник и не меньший пьяница, но неподражаемый рассказчик, начинает:

«Раз ідеме з цімбором на рибу. Нуч доста світла, видко файно. Приходиме ид плесові. Видиме: *ун* сидит на камени та вбискатся. Трощит их та розкусує. Айбо вбискатся не в голові, а у зовсім другом місті. Уброслий, мокрый, вочи, ги танжери! Страшний дідище! Кажу цімбору: «Ни, бог би го!» Цімбора взяв плиту та кой го брязне, право в живое місто. Той кой зареве, кой верже габами. Мы крисані в зуби, та в ноги. А *ун* вітром жене за нами. Повбзираюся: за нами біжит чоловічище до неба та вітром жене. Добігли мы світныв бідов якось до цімборової хижі, що была скраю, та бух-бух у двері: «Жоно, выдмыкай!» Забіглисьме до хижі, заперлися. Чуєме: надворі вітер ище май читавый, фучит та фучит, вонь реве. Чуєме, кось куля на плоті ламле та ламле. «Ламли,— гадаву собі,— не мав бесь моці, ги блоха в понелу!» Сидиме та дрижиме... Раз лиш бух-бух у двері. Покаменіли-сьме. Двері ся подавут. Дзень у облок! На щастя, прибіг пес із шора — десь був майже «свадьбовати», — та кой го зачне брати. «Бери го, Тарку!» — закричав я. Раз

лиш усьо стихло. Може, вернувся та здох, бо дуже го боліло. Ледвы нас ментовало».

А вот второй случай, о котором я когда-то слышал. Ночью один рыбак пошел на речку. «Наставив ліску», разжег костер и греется. Проверит улов, выберет рыбу и снова к костру. Рыбы много. Сидит и жарит рыбу. Запах приятный. Вдруг перед ним вырос человек, у «гатьох та сорочці», с обросшим лицом, страшными глазами, и неподвижно смотрит на него. У рыбака в костях похолодело, смотрят друг на друга молча, упорно. Опомнившись, попробовал рыбак заговорить. «Тко ты? Утки ты?» — спрашивает он слабым голосом. Тот — ни слова. Рыбака передернуло. «Що ти треба? Куды йдеш?» — крешится он. Тот молчит и смотрит своими огромными неподвижными глазами. Вдруг рыбак, осененный какой-то мыслью, взял большую жареную рыбу и подал ему. Тот взял. Взял и говорит: «Щастя твое, що'сь ня посиловав».

Тут кто-то с одной стороны костра — гам! И так грозно. Только рыбак очутился на другой стороне, как оттуда — гам! Он на противоположную. Так «гунцут» продержал его до утра в страхе и суматохе.

Видишь, читатель, какие у нас чудеса случаются. Не страшно? Ты, наверное, разочарован, ожидал, небось, чего-нибудь сногшибательного. Возможно, ты вовсе не веришь в упырей. Но каждый изыинин подтвердит, что они существуют. И не думай, что можешь спокойно и отважно гулять ночью у реки или в лесу. Не дай бог упыря, спокойно сидящего на глыбе и уничтожающего паразитов не в голове, ударить не в живое место! Так нетрудно и самому стать упырем и потом делать то же, что делает он...

Иза, 3. XI. 1940

ЦЫГАН В АНЕКДОТАХ

1. КАК ДАЛЕКО ДО НЕБА?

Однажды собрались мужики и толкуют о том, как далеко небо. Никак не могут точно определить: один говорит — тридцать миллионов километров, другой — что миллион миллионов, третий — что гораздо ближе. Спрашивают появившегося тут цыгана. Тот почесал затылок, посмотрел на небо и говорит: «Гм... та вто не є вонь так далеко, кой Христос казав розбойникови: «Днесь со мною будеш в раю». Ото — день дороги».

2. ЦЫГАН И МИНИСТРЫ

Не знаю — почему, но однажды министры рассердились на цыгана. Вероятно, что-то соленое сказал о них. Но цыган божится. «На мою душу, ци-м сказав. Обы-м ся туй заломив, панове, бодай мнов земля по смерти метала, най ми хвуст уросте пуд носом». Привели его к царю. Тогда было и в высшем свете в употреблении «давай дале». Министры, чтобы отплатить цыгану, поставили его перед царем, а сами выстроились в ряд за ним. Вместо жалобы, самый крайний начал с «давай дале» — с тем, чтоб потом цыган дал царю оплеуху. Получил цыган здорово и кричит: «Гоп! Стуйте, панове! Закун иде лиш до головы, а уд головы ся вдверта-ет!» И бац ближайшего министра по морде. Так он спас свое положение и получил на одну пощечину меньше, чем министры.

3. ЦЫГАН НА СУДЕ

Как-то зашел поп к еврею-лавочнику и заказал вареное яйцо к обеду. Взял его, как говорят, «на бороду» — в долг. Время идет, а поп не платит, забыл, может быть. Лавочник подал в суд и стал панам вычислять, какую огромную потерю он понес: ведь из яйца вышла бы курица, она бы снесла 50 яиц, из которых бы в свою очередь вылушилось 50 кур, которые бы вместе с матерью опять снесли по 50 яиц, из всех этих яиц бы... Ну, словом, паны вместе с лавочником вычисляли с утра до обеда и в конце концов заключили, что его потеря, как и преступление попа, не имеет границы, ибо если бы лавочник не пожертвовал яйцом для благородного желудка отца духовного, то оно могло бы быть основоположником, так сказать, Адамом и Евой новой, могущественной куриной нации.

Тут уже и не знали, как вознаградить потерю и как наказать попа: смертью ли, или пожизненной каторгой с отнятием свободы.

Назначили срок «тардьолаша», призвали письменно попа, изложив вкратце суть дела. Закручинилось ужасно лицо духовное и тысячу раз прокляло своего голодного повелителя. В таком отчаянии встретился поп с цыганом. «Йой, отче превелебный, що с з ними, що они живым мерцьом стали?»

Рассказал поп свое горе, махнул рукой на свою судьбу.

— Отче, приймите ня за свідка, то не бійтеся нич, не погубит вас корчмар,— попросил цыган.

Согласился поп.

Сошлись все на суд, а цыгана нет. Хотели уже и без него покончить с попом, но цыган в критическую минуту как раз и явился.

— Десь був так довго, цыгане? — обрушились на него.

— Варив-ем пшеницю на насіння,— спокойно ответил тот.

— Из кым ты фігли строиш? Тко чув, обы варена пшениця изыйшла?

— А тко чув, панове, обы из вареного яйця выйшла куриця? — достойно ответил цыган.

Паны переглянулись и застыдились своей глупости. Согласились, что действительно из сваренного яйца никак не вылупиться куриной нации, что поп должен уплатить судебные издержки и лавочнику за яйцо, не больше.

4. ЦЫГАН И СЫН

Идет цыган с сыном по полю, заметили бегущего зайца. Цыган ударился в фантазию: «Кой бы його ймив, продав та купив лоша».

Цыганенок говорит: «Тату, я на нього сяду!»

— Не сїдай, бо переломиш, чортово насіння,— и потряс им здорово.

Рассуждает дальше вслух: «Лоша продам, куплю муки та наварю либаку».

— Тату, я буду їсти по два та по три,— протягивает цыганенок.

— Не халасуй по два та по три, ай по оден! — грозно закричал отец и стал лупить малыша.

А заяц убежал дальше, показывая охотникам задние лапки.

5. И УН МОЄ НЕ БУДЕ

Цыган исповедовался и обнаружил такую пропасть грехов, что возмущенный священник воскликнул:

— Пропаций ты, окаянный цыгане, нигда не будеш видіти лице божє.

— Айбо и буг мое не буде,— дерзко отрезал цыган.

(1940)

ИЗ «ПЕСЕННИКА»

ЧЕЛЛЕНА РУЖА ТРОЯКА

Челлена ружа трояка,
Челлена ружа трояка,
Мала я мужа, мужа я мала,
Мала я мужа — пияка.

Он нич не робит, туюко п'є,
Он нич не робит, туюко п'є,
Прийде додому, додому прийде,
Прийде додому, мене б'є.

«Не бий ня, муже, не карай,
Не бий ня, муже, не карай,
Лишу ти діти, діти ти лишу,
Сама я пуйду за Дунай».

Коли на шіфу сідала,
Коли на шіфу сідала,
Білов хустинов, хустинов білов,
Білов хустинов махала.

«Вернися, жоно, додому,
Вернися, жоно, додому,
Діти ти плачут, плачут ти діти,
Діти ти плачут за тобов».

«Розпуцу коси по плечу,
Розпуцу коси по плечу,
Не раз я гурько, не раз я тяжко,
Не раз я гурько поплачу.

Челлена ружа, білий цвіт,
Челлена ружа, білий цвіт,
Не люблю мужа, мужа не люблю,
Не люблю мужа, пуйду в світ».

ОЙ В ГАЮ ПРИ ДУНАЮ

Ой в гаю при Дунаю соловей щєбєчє,
Он свої пташенята до гніздєчка кличє.
Тьох-тьох-тьох-тьох-тьох-тьох соловей щєбєчє,
Он свої пташенята до гніздєчка кличє.

Бас гудє, скрипка грає, молодіж гуляє.

Бум-бум-бум-бум-бум-бум там музика грає,

Бас гудє, скрипка грає, молодіж гуляє.

Ой в гаю при Дунаю хожу самотою,
І плачу, і ридаю, милий, за тобою.
Йой-йой-йой-йой-йой-йой хожу самотою,
І плачу, і ридаю, милий, за тобою.

ІХАВ КОЗАК НА ВОЙНОНЬКУ

Іхав козак на войноньку, прощав свою дівчиноньку:
«Прощай, миленька, чорнобривенька, я йду в чужую
стороньку.

Подай, дівчино, хустину, може, в чужині загину;
Темної ночі накриють очі, легше в могилі спочину».

Дала дівчина хустину, козак у бою загинув;
Накрили очі темної ночі, легше в могилі спочинув.

Лихії люди насилу взяли нещасну дівчину,
А серед поля гнеться тополя та й на козацьку могилу.

ВЕРХОВИНЕЦЬ

Верховино, світку ти наш, гей, як у тебе тут мило!
Як ігри вод, пливе тут час, свобідно, шумно, весело!
Ой нема ту краю-краю над ту Верховину,
Там би мені погуляти хоть одну годину. (2)

З верху на верх, а з бору в бір, з веселов в серцю думкою,
В чересі кріс, в руках топір, гуляє легінь тобою.
Черемоше, Черемоше, бистра в тебе вода,
Дівчинонько з Верховини, гарна твоя врода! (2)

Ей, що ж мені Поділля край, нам половина — Поділля,
А бори — степ, ялиця — май, а звіря голос — весілля.
Та я таке дівча люблю, що чорне, як чортик,
Оно мене поцілює у саменький ротик. (2)

Літом цілим, як ніч, так день, хлопці гуляють там наші,
Свобідна там вода, огонь, доволно ліса і паші.
Та я ото дівча люблю, що біле, як гуся,
Оно мене поцілює, як лиш притулюся. (2)

Там то бренть трембіти звук, щечече любо сопілка,
А як звіря завис звук, в челюсті плюне му цівка.
Ой нема ту краю-краю над ту Верховину,
Там би мені погуляти хоть одну годину. (2)

ГЕЙ, ЩО Ж ТО ЗА ШУМ УЧИНИВСЯ

Гей, що ж то за шум учинився,
То комар та на мусі уженився.

Взяв он собі жінку невеличку,
Що не вмiла шити-прясти чоловічку.

Що не вмiла шити-прясти, ні варити,
Що не вмiла з комариком добре жити.

Ой сів же комар на дубочку,
Звісив ручку, звісив ніжки на дубочку.

Ой сів же комар на дубочку,
Гей, просидів і проспав цілу ночку.

Зірвалася шуря-буря,
Она того комарика з дуба здула.

Ой упав мій комар з високости,
Поламав-потрощив ребра-кости.

Зібралися генерали,
Они тому комареви труну збудовали.

Збудовали, в труну посадили,
Червоною китайкою тіло вкрили.

«Ой що ж то лежить за покойник,
Чи то цар, генерал чи полковник».

«Ой не цар, генерал, не полковник,
Ой то мушки-чимбарушки полюбовник».

ЧЕРЕЗ БАЛКУ ЛЕТИТЬ ГАЛКА

Через балку летить галка, літаючи, кряче,
Молодая дівчинонька ходить гаєм, плаче...

«Не пускає мене мати вранці до керниці,
Ані в поле жито жати, ні на вечірниці».

Раз звечора, опівночі, як мати заснула,
Вийшла доня в сад гуляти, мов зроду не була.

Слухаючи соловейка, здивилась в воду:
«Яку мати красу дала, ще й пишную вроду!

Було ж мені, моя мати, цих брів не давати,
Було мені, моя мати, щастя й долі дати».

ОЙ ХОДИЛА ДІВЧИНОНЬКА...

Ой ходила дівчинонька беріжком,
Заганяла качурика батіжком.

«Іди, іди, качурику, додому,
Продам я тя корчмаріку рижому».

За три копи качурика продала,
За четверту дударика наяла.

«Загуди ми, дударіку, на дуду,
Най я свою лиху долю забуду».

ОЙ У ПОЛЮ ТРИ КЕРНИЧЕНЬКИ

Ой у полю три керниченьки,
Любив козак три дівчиноньки:
Чорнявую та й білявою,
Третю руду, препоганую.

«Чорнявую я з душі люблю,
З білявою повинчаюся,
А з рудою, препоганою
Хіба ж пойду попрощаюся».

Не всі тії та й сади цвітуть,
Що весною розвиваються.
Не всі тії та й вінчаються,
Що любляться та й кохаються.

Не всі тії та й сади цвітуть,
Що весною розвиваються,
Одна пара та й вінчається,
А друга розлучається.

РЕВЕ ТА СТОГНЕ...

Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердито вітер завіва.
До долу верби гне високі,
Горами хвилі підійма.

А блідий місяць на ту пору
Із-за хмар де-де вигляда,
Неначе човен в синім морю,
То вирина, то потопа.

Ще треті півні не співали,
Нігде ніхто не гомонів,
Сичі в гаю перекликались,
Та ясен раз у раз скрипів.

ОЙ КАЗАЛА МЕНІ МАТИ

Ой казала мені мати
Та й наказувала,
Щоб я хлопців у садочку
Не приманювала.

Ой послала мене мати
До керниченьки:

«Принеси ми, моя доню,
Та водиченьки».

Ждала мене моя мати,
Не діждалася,
Бо я з хлопцєм у садочку
Цілувалася.

ОЙ ЛЕТІЛА ГОРЛИЦЯ...

Ой летіла горлиця через сад,
Розпустила пір'ячко на весь сад.

Ой хто тоє пір'ячко ізбере,
Ой хто мене молодю забере?

На курочці пір'ячко рябое,
Любім ми ся, серденько, обоє.

На курочці пір'ячко в один ряд,
Любім ми ся, серденько, в один лад.

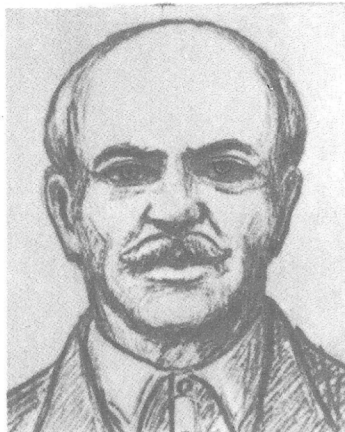
Дмитрий Вакаров. 1941 г.

Он вернулся в родное село навечно... (Открытие памятника Д. Вакарову в с. Изе. Июнь 1983 г.)

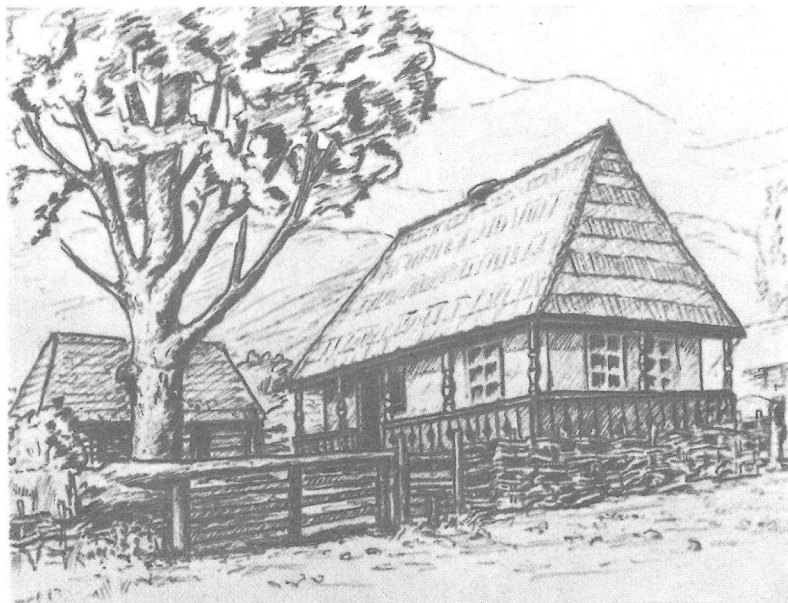

Мать, Юлина Ивановна Вака-
рова, 1957 г.

Отец, Онуфрий Васильевич
Вакаров.
Рисунок И. В. Гайду. 1985 г.

Родной дом Д. Вакарова. Рисунок И. В. Гайду. 1985 г.

Члены литературного кружка при Хустской гимназии. Стоят (слева направо): М. Симулик, Н. Меленич, К. Дюричко, Д. Вакаров, Я. Лесев, М. Кеминь, М. Шпицер. Сидят: И. Чендей, В. Сочка, К. Галас, Д. Лазарь, Н. Пацкан. Июнь 1941 г.

Балалаечный оркестр при Хустской гимназии (Вакаров в первом ряду в центре). 1940 г.

Вакаров-гимназист среди молодежи с. Изы (Д. Вакаров стоит в центре). 1940 г.

Автограф первой страницы рассказа Д. Вакарова «Богатыри».

Богатыри.
«А, были люди в наше время
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не вы!»
М.Ю. Лермонтов.
Слушал рассказы мои боярами-
наше отца, и не верится: кто же
люди были наши, давшие и не
так давшие предки! Они в обязан
были ^{каждому} походить на нас, но мы то
на них очень мало походили!
С куда же сила бросилась? Везде
каждый из нас только и писалась
о ~~каждом~~ Кичуров, который ^{вот} одной
рукой пошел сформировать ~~автомобиль~~... ну
даже походил сего как ~~много~~
нашкой ~~путь~~ ~~нашим~~, и ~~каждому~~

Д. Вакаров (первый слева) с друзьями П. Проданом, П. Врбашки, М. Симуликом. Будапешт, май 1943 г.

Автограф школьного сочинения на чешском языке
«Описание книжного магазина».

Popis knihkupectví.

Jelikož knihkupecké obchody jsou
největšími poskytovateli a průkopníky
vzestupné vzdělanosti, pokusím se o popis
vzhledu a zákony obchodu obstaruji.

Knihkupectví, jež budu popisovat,
se nachází daleko od Prahy, ať v Chustu.
Pokusím se objasnit si v paměti přímou
přímou obchodu v tomto obchodu.
~~obchodu v tomto obchodu~~

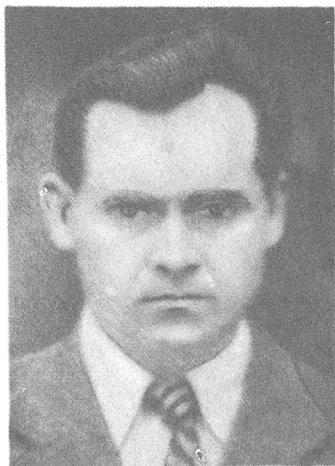
Je to první pohled na
vzhled knihkupectví, jehož výhled na
tabuli máti širokými, skleněnými
dveřmi obchodu nám hlásí, že obchod
je velkorysý. Na světlém

Ильичев, Д. С.
Вакаров, Д.

Олимп

Порывы, порывы, порывы!
Француз вырвавшая нить,
Турки, османская и бухары,
Сбоку зари прощальных нут.
Порывы противных земель,
Восточные святости Европы;
Урду порух, суровых нравов
Восточный азиат-град.
Порыва и порывы как море...
(Орденский мир насильству);
И египет, и урал, и море,
И порыв, и италия без...
И рабство, и море, и обман,
И порывы в порывы огня;
И порывы Селима, порывы;
Ка порыв, и, порывы...
Порывы, 24.11.18.

Автограф стихотворения Д. Вакарова «Порывы».

П. В. Линтур — преподаватель русского языка и литературы, руководитель литературного кружка при Хустской гимназии. 1940 г.

Дарственная надпись Д. Вакарова. 1942 г.

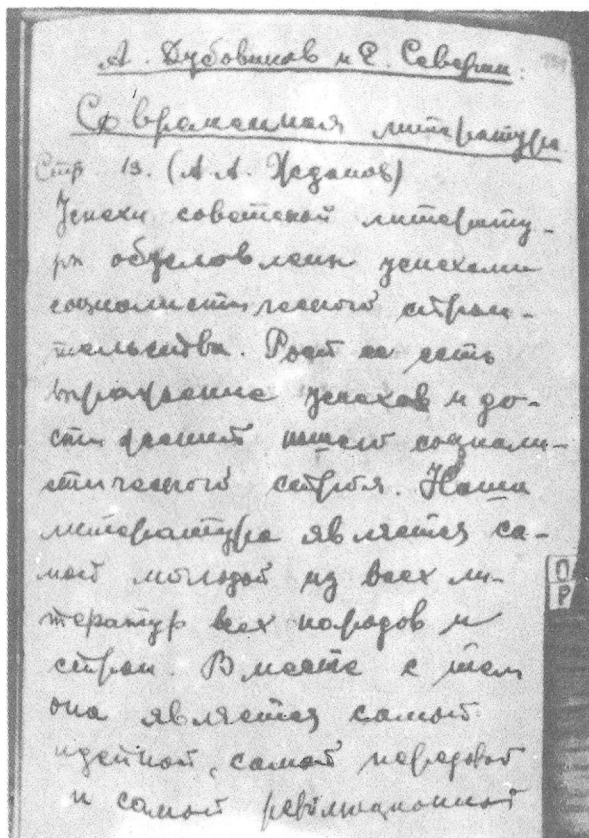
Иза, 5. I. 1942.

Нашему
Петру Васильевичу
на память о тебе,
как ты в молод
сидишь ^{иногда} и ~~иногда~~
сидишь
Великий Родник.
Визанова

Дмитрий Вака-
ров — студент
Будапештского
университета,
1943 г.

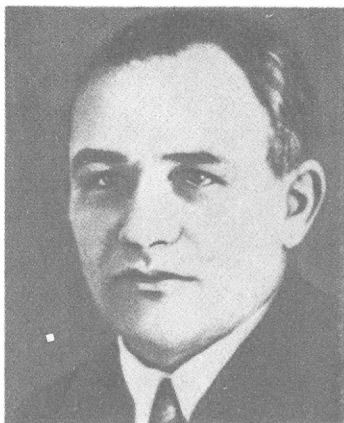

Страница запис-
ной книжки
Д. Вакарова.
1943—1944 гг.

Участники интернациональной разведывательной группы Ференца Патаки, соратники Д. Варкова по хустскому и будапештскому подполью. 1943—1944 гг. Только М. Д. Поповичу посчастливилось возвратиться с поля битвы.

1. Ференц Патаки
2. Виктор Орос
3. Гавриил Логойда
4. Георгий Логойда
5. Михаил Попович
6. Николай Сокач
7. Мария Логойда
8. Иван Вейконь
9. Иван Логай
10. Александр Заяц
11. Василий Жупан

1

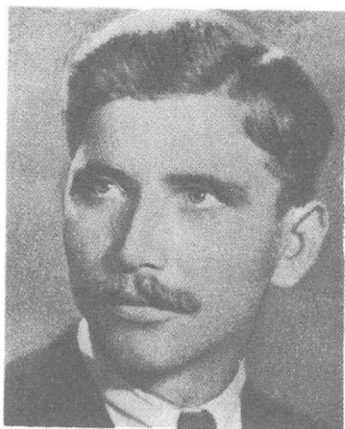

2
3

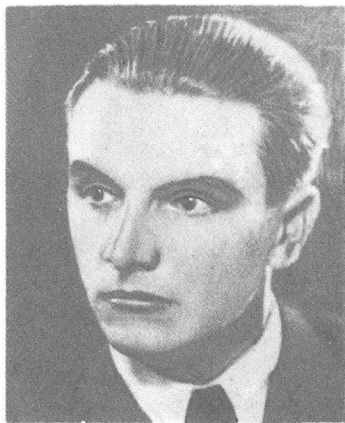

4
5

6
7

8
9

10
11

Портрет Д. Вакарова.
Художник Пал Чок (ка-
рандаш). Будапешт,
1943 г.

Budapest RUS. XI. 1943
Будапешт, 1. XI. 1943.

Вне: Чок Пал.

Автограф письма Д. Ва-
карова родителям.
29. X. 1943 г.

Будапешт, 29. X. 1943
Дорогие родители,

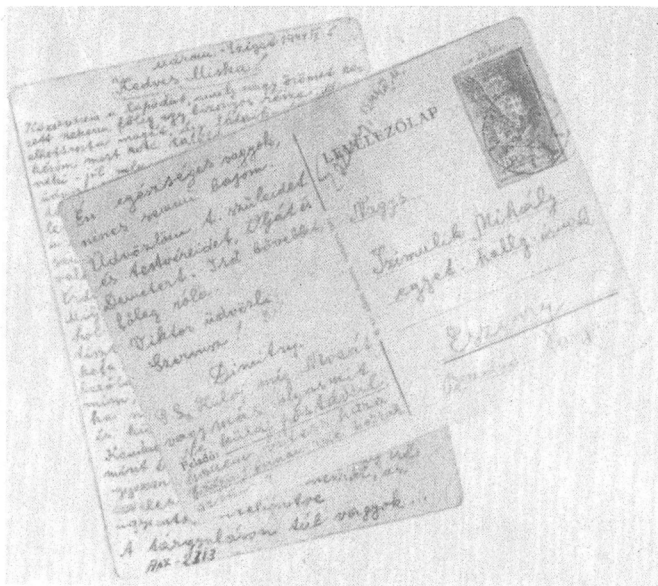
Вчера Вам нравилась прогулка за паром, а вот и не
мои скоро не перееду. Вчера добра не придал,
любил ходить.

И прощай и думал, 348, а кто не знает,
что был за прощай, я бы не прощай. Все
моя, не вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
был я маву приехал - тут был прощай,
был я у вас там.

Вчера, что я был у вас там где был,
и у меня где там за того треба.
Вчера был, добра, а кто я много и не вы-
гулу.

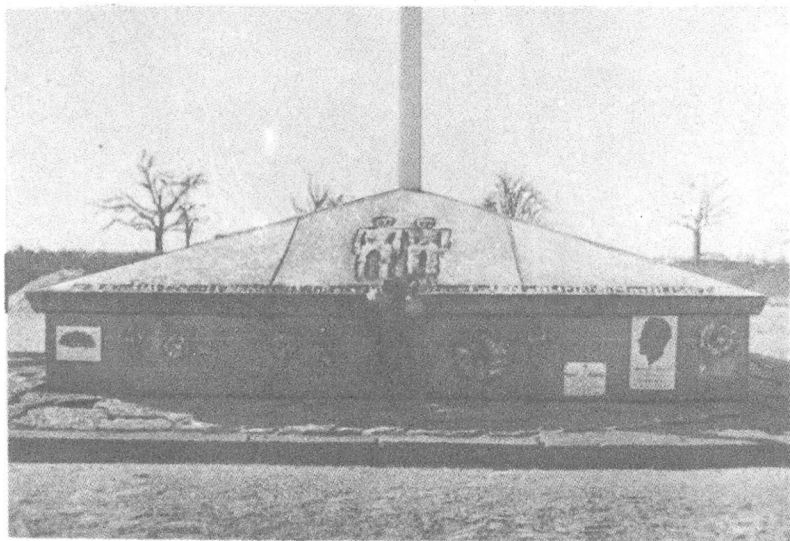
Вчера не вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
там был. За вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
моя за вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
давай и за вы, а вы, а вы, а вы, а вы.

Что вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
не вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
все вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы,
а вы, а вы, а вы, а вы, а вы, а вы.

Автограф последнего письма Д. Вакарова М. Симулику (на венгерском языке). Мараморош-Сигет, тюрьма, 5. V. 1944 г.

Памятник-могила, сооруженный на месте бывшего концлагеря Шемберг, где был замучен Д. Вакаров. Рядом, на кладбище Чести, и похоронен поэт-антифашист.

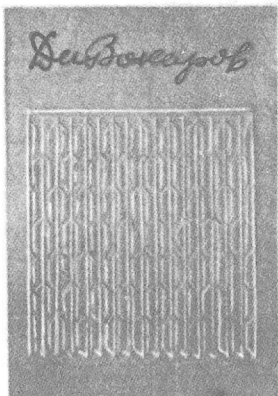
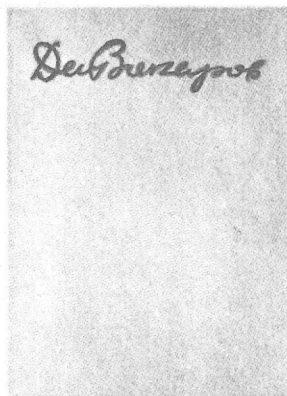
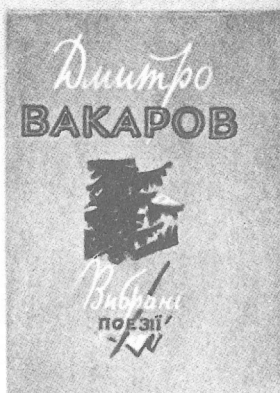
К нему не зарастет народная тропа... (Памятник Д. Вакарову в г. Хусте. Открыт в 1967 г.)

Группа писателей, друзей Д. Вакарова среди изыан на праздновании 60-летия поэта. 1980 г.

Дмитрий Вакаров. Гравюра В. Ю. Скакандия. 1975 г.

Издания произведений Д. Вакарова и книги о нем.

ОЙ ПРОДАЛА ДІВЧИНОНЬКА СЕРЦЕ

Ой продала дівчинонька серце
Та купила козаку сідельце.
Сідельце за серце купила,
Бо козака вірно любила.*
Ой продала дівчинонька душу
Та купила козаку папушу.

Ой продала дівчинонька качку
Та купила козакові пачку.

Ой продала дівчинонька пульку
Та купила козакові люльку.

Ой продала дівчинонька гребінь
Та купила козакові ремінь.

БАНДУРА

Взяв би я бандуру та й заграв, що знав,
Щоби голос пісні до неба лунав.

Марусенько-серце, пожалій мене,
Візьми ж моє серце, віддай ми своє.

Та все через очі — коби я їх мав!
За ті карі очі серце й душу б дав.

Кажут мені люди, що я учинив,
Нащо біле дівча вірно полюбив.

Взяв би я бандуру та й заграв, що знав,
Полюбив я здуру, бандуристом став.

КОБИ НЕ МАРУСЯ...

Коби не Маруся, я би не вженився,
Бо Маруся гарна, сподобила ми ся.
Гриць мене, моя мати, Гриць мене полюбив,
Гриць мені, моя мати, чоколаду купив.**

* Аналогичный припев повторяется после каждых двух строк.—
Примеч. Д. Вакарова (сост.).

** Повторяется после каждых двух строк.—*Примеч. Д. Вакарова (сост.).*

Марусю, Марусю, я тебе не лишу,
Твої гарні очі на папір напишу.

На папір напишу, на стіну повішу,
Щоби люди знали, що я тя не лишу.

ПРОПАЛА НАДІЯ

Пропала надія, забилося серце,
Заплакали очі мої,
Любив я дівчину і то ся минуло —
Тяженько на серцю мені.

Коби она знала любов мою щирю,
Она б не кидала мене,
Любила б, кохала б, як мати дитину,
Ще й серце би дала своє.

Она десь далеко з другими гуляє,
За мене забула зовсім,
А я, сиротина, сижу та й думаю,
Не сплю я нічого, не їм.

ЯК Я БУЛА ЩЕ МАЛЕНЬКА

Як я була ще маленька,
Колысала мене ненька.
Як ем стала подростати,
Стали хлопці захожати.

Як ми було літ шістнадцять,
Любило ня хлопців двадцять.
Як ми було двадцять штири,
Любили ня офіцїрі.

Як ми був вже рок тридцятий,
Не хотів ня й пес кудлатий.
А тепер ем стара баба,
Не хотят ня, хоть бем рада.

ВІЄ ВІТЕР, ВІЄ БУЙНИЙ

Віє вітер, віє буйний,
Дуба нахилиє,
Сидить козак на могилі
Та й вітра питає:
«Скажи мені, буйний вітре,
Де козацькая доля, де фортуна,
Де надія, де слава і воля?» —
«Скажу тобі, мій казаче,
Скажу, бо я знаю:
Твоя доля козацькая
В зелененькім гаю».

ЗА ГОРОДОМ КАЧКИ ПЛИВУТ

За городом качки пливут,
Каченята крячут,
Вбогі дівки замуж ідуть,
А багаті плачуть.

Вбогі дівки замуж ідуть
З чорними бровами,
А багаті дома сидят
З кіньми і волами.

«Ци чула ти, дівчинонько,
Як я на тя кликав,
Через твоє подвір'ячко
Сивим коньом їхав».

«Ой ци чула-м, ци не чула,
Не озивалася,
Чорна нічка-петрівочка,
Вийти боялася».

«Гей, не бійся, дівчинонько,
Не бійся нічого,
Бо я, хлопець молоденький,
Не зрадив нікого».

ОЙ НА ГОРІ КРУТА ВЕЖА

Ой на горі крута вежа,
Там тече бистра ріка,
Там дівчина чорнобрива,
Хорошая, молода.

Як погляне в бистрі води,
Як ся мило засміє,
То ще серцю легше стане,
А в козака серце б'є.

Дармо сієш, дівча, квіти,
Они тобі не зійдуть,
Дармо просиш отця й матір,
Та за мене не дадут.

Бо ти esi богатая,
Батько й мати ще живє,
Есть богатство, красна хата,
А в тій хаті все твоє.

А я бідний сиротина,
Пуца — то мій рідний край.
Бурка, сабля — то сестриця,
А кінь сивий — то мій брат.

* * *

Од броду до броду
Шло дівча на воду,
Ішло понад берег
Та впало у воду.

А там три козаки
Коні наповали,
Молоду дівчину
В'д смерті рятували.

Оден козак каже:
«Рибка в воді плавле».
Другий козак каже:
«Дівка потопас».

Третій козак каже:
«Подьме рятувати,
Молодій дівчині
Щастя добувати».

«Рятуй ня, козаче,
Рятуй ня, молоду,
Як ня урятуєш,
Дустанеш нагороду:

Од батька родного —
Коня вороного.
Од мене самої —
Злата-срібла много».

«Мамко моя мила,
Що я наробила?
Козак жінку має —
Я го полюбила.

Козак жінку має,
Ще й діточок тров.
Я, дівка молода,
Хіба скочу в море».

ТО НЕ ВЕТЕР ВЕТКУ КЛОНИТ

То не ветер ветку клонит, не дубровушка шумит,
То мое серденько стонет, как осенний лист дрожит.
Извела меня кручина — подколотная змея,
Догорай-гори, моя лучинушка, догорю с тобой и я!
Мне не жить теперь без милой, с кем пойду сейчас
к венцу?
Знать, судилось мне с могилой обвенчаться, молодцу!
Расступись, земля сырая, дай мне, молодцу, покой,
Приюти меня, родная, в тихой келье гробовой!

ПОСЕЮ ЛЕБЕДУ

Посею лебеду на берегу, (2)
Мою крупную рассадушку,
Мою крупную, зеленую.

Погорела лебеда без воды (2),
Моя крупная рассадушка,
Моя крупная, зеленая.

Пошлю я казака по воду *. (2)
Нету воды, ни казаченьки.

Одна по воду ли я пойду,
По воду ли, по студеную.

Кабы имела да я ворона коня,
Я б вольною казачкой была.

Скакала б я, гуляла по лугам,
По зеленым лес-дубровушкам.

С донским казаком-молодцом,
Со удалым добрым молодцем.

* Далее каждая строка повторяется два раза.— *Примеч. Д. Вакарова (сост.).*

БЕРЕЗОНЬКА

Во поле березонька стояла, во поле кудрявая стояла,
Люли, люли, стояла, люли, люли, стояла.

Тары, бары, растабары, белы снежки выпадали,
Охотнички выступали, всех собак своих спускали,
Сера зайца испугали, вражу девицу поймали.
Ты, девица, стой, стой, стой, стой!
Красавица, с нами песню пой, пой, пой!
Чувиль мой, чувиль, чувиль, чувиль, на-виль, виль, виль,
виль.
Еще чудо, первочудо, чудо родина моя *.

Я пойду, пойду, погуляю, белую березу заломаю,
Люли, люли, погуляю, люли, люли, заломаю.
Срежу я с березы три пруточка, сделаю из них я три
гудочка,
Люли, люли, три пруточка, люли, люли, три гудочка.
А четвертую балалайку старому деду на забавку,
Люли, люли, балалайку, люли, люли, на забавку.
Некому березу заломати, некому кудряву защипати,
Люли, люли, заломати, люли, люли, защипати.

БРОШУ Я ГОРЬКУЮ ВОДИЦУ ПИТЬ

Брошу я горькую водицу пить,
Стану хорошую девицу любить.

Синее море, белый пароход,
Куда ни поедешь, все русский народ *.

Выйду на станцию, станция горит:
Милый отъезжает: «Прощай!» — говорит.

Не плачь, Марусю, будешь ты моя —
Вернусь я с бою и возьму тебя.

Курил я махорку, венгерский табак;
Любил я девицу, хороший казак.

* Припев повторяется после каждой двух строк.— *Примеч. Д. Вакарова (сост.).*

СУЛИКО

Я могилу милой искал, сердце мне томила тоска.
Сердцу без любви не легко. Где ты, отзовись, Сулико?

Увидал я розу в лесу, что лила, как слезы, росу,
Ты ли расцвела так далеко, милая моя Сулико?

От любимой розы своей прятался в кустах соловей;
Я взглянул, вдохнул глубоко: «Ты ли здесь, моя Сулико?».

На любимой розе своей громко песни пел соловей,
Услыхал я трель соловья, будто б он сказал: «Это я».

КОРОБУШКА

Эх, полным-полна коробушка,
Есть и ситец и парча.
Пожалей, душа моя зазнобушка,
Молодецкого плеча.

Выйду, выйду в рожь высокую,
Там до ночки подожду,
А завижу свою чернооую,
Все товары разложу.

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удамый молодец,
Чу! Идет, идет его желанная,
Раздает товар купец.

Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.

Знает только ночь туманная,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Свято тайну сохрани!

ЭЙ, ДА УХНЕМ!..

Эй, да ухнем! Эй, да ухнем!
Еще разик, да еще раз! *

Разовьем мы березу, разовьем мы кудряву.
Эй, да-да, эй, да, эй, да-да, эй да —
Разовьем мы кудряву.

Мы по бережку идем, песню солнышку поем.
Эй, да-да, эй, да, эй, да-да, эй да —
Песню солнышку поем.

Волга, матушка-река, широка да глубока.
Эй, да-да, эй, да, эй, да-да, эй да —
Широка да глубока.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Раздайтесь напевы победы, пусть русское сердце вздохнет,
Припомним, как билися деды в великий двенадцатый год.
Тогда собиралася тучею на родину вражья рать,
Ее император могучий шел нашу страну покорять.
Но враг убежал раздробленный, не славною, жалкой толпой,
От русской земли отрешенный великою русской душой.
Но память великого дела должна в ней невидимо жить,
Чтоб также и гордо и смело за родину жизнь положить.

ВОЛГА

Из-за острова на стрежень, на простор речной волны
Выплывают расписные Стеньки Разина челны.

На переднем Стенька Разин, обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет, сам разгульный и хмельной.

Позади он слышит ропот: «Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провозился, сам на утро бабой стал».

Этот ропот и насмешку слышит грозный атаман,
И он мощною рукою обнял персиянки стан.

* Запев повторяется после каждого припева.— *Примеч. Д. Вакарова (сост.).*

Брови черные сошлись, надвигается гроза,
Буйной кровью налилися атаманы глаза.

Все отдам, не пожалее, голову буйну отдам,
Раздается голос властный по окрестным берегам.

Волга, Волга, мать родная, Волга — русская река,
Не видала ты подарка от донского казака.

А она, потупя очи, ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные атаманы слова.

И чтоб не было раздора между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная, на — красавицу прими!

Легким взмахом поднимает он красавицу княжну
И за борт ее бросает в подбежавшую волну.

«Что ж вы, черти, приуныли, ну-ка, Филька-шут, пляши,
Грянем, братцы, удалую на помин ее души!»

Из-за острова на Волгу, на простор речной волны,
Выплывает Стенька Разин, с ним донские казаки.

ПОЛЮШКО-ПОЛЕ

Полюшко-поле (да), полюшко, широко поле,
Едут по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои.

Девушки плачут, девушкам сегодня грустно,
Милый надолго уехал,
Эх, да милый в армию уехал.

Девушки, гляньте (да), гляньте на дорогу нашу.
Вьется (да) дальняя дорога,
Эх, да развеселая дорога.

Эх, едем мы, едем, едем, а кругом колхозы,
Наши (да), девушки, колхозы;
Эх, да молодые наши села.

Только мы видим, видим мы седую тучу,
Вражья злоба из-за леса.
Эх, да вражья злоба, словно туча.

Девушки, гляньте, мы врага принять готовы,
Наши кони быстроноги;
Эх, да наши танки быстроходны.

В небе за тучей (да) грозные следят пилоты,
Быстро (да) плавают подлодки.
Эх, да зорко смотрит Ворошилов.

Пусть же в колхозе (да) дружная кипит работа,
Мы — дозорные сегодня, мы сегодня часовые.
Эх, да наша песня боевая.

Девушки, гляньте (да), девушки, утрите слезы,
Пусть сильнее грянет песня,
Эх, да наша песня боевая.

Эх, полюшко-поле, да полюшко, зелено поле!
Едут по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои.

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье, белой армии оплот.

Наливались знамена кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны приамурских партизан.

Этих лет не смолкнет слава, не потухнет никогда;
Партизанские отряды занимали города.

Разгромили атаманов, разгромили воевод
И на Тихом океане свой окончили поход.

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек;
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

Над страной весенний ветер веет,
Всюду стало радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

И сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать,
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Всюду жизнь, и вольно и широко,
Словно Волга полная, течет!
Молодым везде у нас дорога,
Старикам — везде у нас почет.

Наши нивы взглядом не обмерить,
Не упомянуть наших городов,
И словцо заветное «товарищ»
Нам дороже всяких милых слов.

II. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И ЗАМЕТКИ ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ИЗ ПРОЧИТАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Горький:

После дня, проведенного в лесу, Алеша замечал, что слух и зрение его становились острее, память — более крепкой.

М. Горький — А. Чехов:

Горький и Чехов — два имени, определяющие мировую литературу нового времени.

стр. 30*.

«Уединение — мать мудрости», — говорит один герой Гедберга. А другой прибавляет: «И безумия».

стр. 35.

Горький:

Почему-то все вообще пессимисты любят холить и лелеять себя и в оном занятии бывают zelo неприятны.

стр. 129.

Горький:

Человек, который все понимает, очень несчастный человек, у него непременно должна быть та болезненная трещи-

* Указание Д. Вакаровым страницы из прочитанных источников.—
Примеч. сост.

на в сердце, о которой говорит Гейне. Он, этот человек, видит перед собой жизнь такой, какова она есть — отдельные жизни, как нити, а все вместе — как огромный, страшно спутанный клубок.

Этот клубок болтается где-то в пространстве и весь трепещет от силы противоположных стремлений и страстей. Одну и ту же нитку тянет в разные стороны.

стр. 130.

Всего более и всего чаще в человеке борются два взаимно друг друга отрицающих стремления: стремление быть лучше и стремление лучше жить. Объединить эти два порыва в стройное одно — невозможно при существующей путанице жизни.

стр. 140.

Чехов:

В России честный человек — что-то вроде трубочиста, которым няньки пугают маленьких детей...

стр. 141.

Чехов:

Нужно, чтоб каждый человек говорил своим языком...

стр. 142.

— Вам нравится граммофон? — вдруг ласково спросил Антон Павлович.

— О, да! Очень! Изумительное изобретение! — живо отозвался юноша.

— А я терпеть не могу граммофонов! — грустно сознался Антон Павлович.

— Почему?

— Да они же говорят и поют, ничего не чувствуя. И все у них карикатурно выходит, мертво...

стр. 144.

Горький:

Однажды пришла к нему какая-то полная дама, здоровая, красивая, красиво одетая, и начала говорить «под Чехова»:

— Скучно жить, Антон Павлович! Все так серо: люди, небо, море, даже цветы кажутся мне серыми. И нет желаний... душа в тоске. Точно какая-то болезнь...

— Это — болезнь! — убежденно сказал Антон Павлович. — Это болезнь. По-латыни она называется морбус притворialis.

стр. 147.

Горький:

Многие из них (героев рассказов Чехова.— Д. В.) красиво мечтают о том, как хороша будет жизнь через двести лет,

и никому не приходит в голову простой вопрос: *да кто же сделает ее хорошей, если мы будем только мечтать!* *

Пролетарские поэты, II.

Н. Зорьева: Счастье в борьбе — это величие силы,
Бойтесь стоячих, тлетворных болот,
Лучше ступать чрез родные могилы,
Чем разрушать нарастающий плод.

Ф. С. Шкулев: Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы к счастью ключи...
Вздыхайся выше, тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи.
Мы светлый путь куем народу,
Мы счастье родины куем...
В горне желанную свободу
Горячим закалим огнем.
Ведь после каждого удара
Редее тьма, слабеет гнет,
И по полям родным и ярам
Народ измученный встает.

Пролетарские поэты, II.

Демьян Бедный: А солнце вешнее блестит,
Иль бог злодейства не осудит?
О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит.

О. Олесь. Поезії, V.
стр. 61.

Так ми снімо невілним сном,
Душа зневірена дримає,
А хтось над нами б'є крилом,
За нас змагається орлом,
За нас живе і умирає.

И. Нович. Духовная драма Герцена.

стр. 72.

Герцен:

...между тем стало уясняться, что философия без естествоведения так же не возможна, как естествоведение без философии.

* Здесь и далее набранное курсивом Д. Вакаровым подчеркнуто.—
Примеч. сост.

стр. 46.

Герцен, занимаясь философией, прямо указывал, что для него «вопрос науки сочленен со всеми социальными вопросами».

стр. 116.

...Исключительно умозрительное отношение к действительности никогда еще не способствовало глубине и верности социально-политических воззрений!

стр. 269.

Мысль о том, что велик художник, жизнь которого — лучший комментарий к его творениям, а творения — лучшее оправдание его жизни, характеризует тип и характер Герцена-художника так ярко, как не многих людей искусства.

стр. 285.

Герцен:

...Смех имеет в себе нечто революционное... В церкви и во дворце никогда не смеются, по крайней мере открыто.

Крепостные люди лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни равные смеются между собой. Смех Вольтера разрушил больше, чем плачи Руссо...

стр. 300.

Герцен:

...Области искусства принадлежит вся вселенная, вся история и все лица.

М. Алданов. Девятое Термидора.

стр. 15. Ваятель: Воображение Творца велико, но не бесконечно. Бесконечна в мире только человеческая глупость.

И. Крылов. Орел и куры.

Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам никогда до облак не подняться.

Пушкин:

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

Н. Котляревский. Пушкин как ист(орическая) личность.

Н. Поспелов и П. Шаблиовский. Русская литература.

А. М. Горький говорил: «Фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна. Но при всем этом коллективу как бы свойственно

сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами...»

стр. 6.

Но в более широких кругах господствующих классов отношение к народному творчеству было равнодушным или даже пренебрежительным.

Совершенно изменились условия существования народного творчества после Великой Октябрьской социалистической революции. Народное творчество в нашей стране пользуется всеобщим вниманием и любовью.

стр. 8.

А. Дубовиков и Е. Северин. Современная литература.

стр. 13.

А. А. Жданов:

Успехи советской литературы обусловлены успехами социалистического строительства. Рост ее есть выражение успехов и достижений нашего социалистического строя. Наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой.

Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовала бы трудящихся и угнетенных на борьбу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и ига наемного рабства. Нет и не было никогда литературы, которая кладет в основу тематики своих произведений жизнь рабочего класса и крестьянства и их борьбу за социализм. Нет нигде, ни в одной стране в мире, литературы, которая бы защищала и отстаивала равноправие трудящихся всех наций, отстаивала бы равноправие женщин.

Нет и не может быть в буржуазной стране литературы, которая бы последовательно разбивала всякое мракобесие, всякую мистику, всякую поповщину и чертовщину, как это делает наша литература.

*Такой передовой, идейной, революционной литературой могла стать и стала в действительности только советская литература — плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства. (Курсив А. А. Жданова.) **

стр. 13 (он же):

Современное состояние буржуазной литературы таково, что она уже не может создать великих произведений.

Упадок и разложение буржуазной литературы, вытекаю-

* Здесь и ниже пометки Д. Вакарова.— *Примеч. сост.*

щие из упадка и загнивания капиталистического строя, представляют собой характерную черту, характерную особенность состояния буржуазной культуры и буржуазной литературы в настоящее время.

стр. 16 (он же):

Создайте творения высокого мастерства, высокого идейного и художественного содержания! Будьте активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма!

Будьте на передовых позициях борцов за бесклассовое социалистическое общество. (Курсив А. А. Ж.)

М. Горький. Коновалов.

стр. 35. Коновалов:

...Нет, верю... Как можно не верить человеку! Даже и если видишь — врет он, верь ему, слушай и старайся понять, почему он врет. Иной раз вранье-то лучше правды объясняет человека...

Да и какую мы все про себя правду можем сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо...

стр. 35.

М. Горький. О том, как я учился писать.

стр. 96.

В борьбе за жизнь инстинкт самозащиты развил в человеке две мощные творческие силы: познание и воображение. Познание — это способность наблюдать, сравнивать, изучать явления природы и факты социальной жизни, короче говоря: познание есть мышление.

И. Мейер-Грефе. Достоевский-поэт (перевод на венгерский с немецкого Эдена Вилднера) *.

стр. 84.

Человек, который утратил свое детство, потерян. Мир, который не имеет детства, разрушится.

И. Каллиников. Монахи и женщины **.

стр. 321. Зина:

Знаете, почему я вас сюда не хотела впустить? Потому, что я вас не ждала. Если человек кого-то ожидает, думает о ком-то — эти мысли оставляют следы на вещах. Вы, наверно, не поверите, что и вещи потом думают о том человеке. Сидишь, размышляешь, ожидаешь приглашенного, непро-

* Название произведения и цитата приведены на венгерском языке.— *Примеч. сост.*

** Название произведения и цитата приведены на чешском языке.— *Примеч. сост.*

извольно смотришь на вещи и уже чувствуешь, что они не стоят и не лежат так, как полагается.

Ты должен их переставить, поправить, и вдруг вещи изменятся, появится в них душа, выразительная, особенная, а вещи потом вместе со мной ожидают человека, поймут его, и ему также будет с ними приятно, необычайно приятно. И никогда потом эти вещи человеку не изменят, будут для него всегда милыми, и человек будет себя между ними всегда чувствовать как дома.

Пушкин. Переводы: 1750

1. На чешский — 175	7. английский — 60
2. французский — 170	8. итальянский — 50
3. немецкий — 170	9. словинский — 40
4. сербский — 150	10. латышский — 30
5. болгарский — 90	11. эстонский — 25
6. польский — 70	

На французский язык: Толстой — 336, Тургенев — 122, Достоевский — 105, Гоголь — 55, Горький — 50, Лермонтов — 36, Державин — 28, Герцен — 20, Чехов — 18, Крылов — 18, Куроленко — 13.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

СЛАВЯНСКАЯ ЧАЙНАЯ ВЕЧЕРИНКА В БУДАПЕШТЕ

27 ноября сего (1942) года члены будапештского университетского семинара устроили чайную вечеринку с программой и танцами. Инициаторами были проф(ессор) славистики С. Книежа и проф(ессор Е.) Ургеды.

На вечеринке появились по приглашению: декан философского факультета) А. Замбра, деканский делопроизводитель Рюблейн, профессор Мелих, Лазициус, Трочань, Моравчик, Лигети, Поиш, Гадрович, лекторы Попович, Завенский.

Вечеринка началась с чая.

С приветственной речью выступил проф(ессор) Книежа, кот(орый) отметил, что в этом году число слушателей-славистов значительно возросло. Пожелал также, чтобы настоящая вечеринка послужила сближению славян.

После его речи началась (художественная) программа — хорovým пением, в исполнении русских студентов...

Потом следовала хорошая декламация польки Джембовской (из стихотворений Юлиуша Словацкого). (Дальше следовала) чудная игра на скрипке бачванского словака Лабата

в сопровождении на пианино словачки Голочей. Потом поляк Нивинский необычайно хорошо продекламировал отрывок из «Дзядов» Мицкевича и из «Кордиана» Словацкого, указав на различие музыки стиха обоих поэтов и высказав пожелание, чтобы сближение славян произошло именно в области поэзии.

Затем наш поэт П. Продан с чувством продекламировал «Тройку» Гоголя. Дальше следовали песни «Очи черные», «Верховино (свитку ты наш...)», «Цыганский табор», «Чубчик», «Прости-прощай» в исполнении русских студентов и студентов в сопровождении пианино и балалаечного трио (Копик, Фельбаба, Вакаров). Солистами были Копик и Фельбаба.

Песни вызвали бурные рукоплескания. Последним номером было сольное пение словака Боровского в сопровождении на пианино бач (ванского) словака Лабата.

Затем следовали танцы до полуночи.

Студент

ОПИСАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

Так как книжные магазины являются самыми главными распространителями и пионерами всесторонней образованности, попробую описать все то, что такой магазин содержит.

Книжный магазин, который буду описывать, находится далеко от Праги, в Хусте. Попробую воспроизвести в памяти точное размещение товаров в этом магазине.

Уже первый взгляд на роскошную вывеску над широкими стеклянными дверями сообщает нам, что магазин широкого масштаба. На светло-голубой доске надпись: «Дмитрий Богатырев, книжный и писчебумажный магазин». В большой витрине мы видим цвет прозы и поэзии, сегодняшней и вчерашней.

Здесь произведения всех просвещенных народов, книги поэтические, прозаические и научные, в великолепном оформлении. Здесь романы любовные, приключенческие, исторические, фантастические, о мореплавании и десятки других. Здесь книги научные, естествоведческие, исследовательские, социологические. Есть, конечно, и книги религиозные. Рядом с книгами здесь карандаши, ручки, линейки, туши, чернила и масса других школьных принадлежностей самых различных видов. В углу стоит рота деревянных солдатиков, рядом с ними крестьяне и крестьянки в национальных костюмах, разные звери, дома...

Стены украшают снимки из сельской жизни и среды. Больше всего мне понравилась типическая фигура карпато-русского еврея.

Двери книжного магазина украшены самыми различными рекламами, газетами, еженедельниками и другими журналами.

Войдем в магазин. Везде чисто, безупречный порядок. Посередине стоит длинный прилавок, на нем разложены разного вида товары.

На одном месте лежит куча «Rodokapsí» («Карманных романов»), журналов «Стар» и «Агой», за ними научная книга по ботанике, рядом — русские, чешские, венгерские, немецкие и еврейские газеты.

Недалеко лежит книга об изобретениях, возле нее — приложения какого-то исследователя индийских джунглей или какого-то мореплавателя по Тихому океану. Не обходится здесь и без патриотических романов. Здесь имеются переводы Пушкина, Гете, Гюго, Байрона и Твена, наряду с ними — увлекательные книги Жюль Верна и снова какое-то социологическое произведение, сказки.

За прилавком, вдоль стены, длинные, с множеством перегородок, полки, на которых разложены книги, карандаши, ручки, чернила, листы бумаги, линейки, туши и прочие письменные предметы. В углу я вижу гитару, скрипку, мандолину, балалайку и много других музыкальных инструментов. Стены полностью завешаны снимками, газетами, рекламами. Пол покрыт линолеумом.

Все в наилучшем порядке, каждый предмет на своем месте.

Я бы мог очень много написать об этом или другом подобном книжном магазине. Могу сказать, что в торговой сети книжный магазин самый интересный. Мы найдем здесь все, в чем нуждаемся для своего образования по всем жизненным специальностям.

Перевод с чешского

(1938)

SAPIENTER PROVIDENTIA DIVINA NOS FUTURA CELAVIT *

Пословица — краткое, но очень остроумное выражение, которое в сжатой форме выражает большую народную мудрость, обусловленную долголетним опытом.

* Мудро божья предусмотрительность скрыла от нас будущее (лат.).

Мудро божья предусмотрительность скрыла от нас будущее... Какой огромный смысл в этом кратком предложении! Какой была бы жизнь, если бы непредсказуемая судьба открыла для нас будущее?

Была бы все время одинаковой, неинтересной и бесцельной. Если бы человек знал, какое будущее ему предоставила судьба, жизнь потеряла бы для него всякое значение. Человек, который был бы предопределен к гибели, не сопротивлялся бы судьбе, зная, что он не может изменить божье решение. Сознание своего бессилия настолько бы его давило, что ослабело бы всякое его сопротивление и он шел бы с тупым безразличием навстречу жестокой судьбе. Он бы ничего не предпринял, что бы ему облегчило жизнь в несчастье. Даже тот, кому суждено счастливое будущее, не был бы им долго восхищен и жизнь бы совсем потеряла свою цену. Никто бы не чувствовал настоящего счастья, так как счастье волнует, когда придет неожиданно или когда оно достигнуто усилием человека, который затем гордится своим успехом, результатом своего неустанного труда.

Успех придает человеку уверенность в себе и побуждает его к большему труду. Человечество стремится приоткрыть темную завесу будущего, исследует, разгадывает новые и новые тайны природы и этим совершенствует действительность, разрушает старые и создает новые основы жизни. Оно работает и этим живет, так как труд — основа жизни. Если бы человечество знало будущее, не было бы труда и, вероятно, поэтому не было бы и жизни.

(1938)

Перевод с чешского

III. ПИСЬМА

1. М. ЦЕХ *

Прага, 1938.

Марика!

Неужели Ты не сочла нужным мне хоть как-нибудь ответить? Неужели я этого не стою? Ты ли это, Мариянка, — та, которую я знал? Правда, многого я от Тебя не ждал, и во втором письме я это Тебе написал, но почему же Ты заты-

* Здесь и далее см. примеч.

нула дело? Чтобы убить во мне не только начинавшуюся любовь, но и давнюю дружбу? И как тогда понимать Твои письма? Как шутку или издевательство? Ты мне сама написала, что Ты не «кокетка»... и я верил...

Я не изменил ни одному своему слову. Прощай... и не поминай лихом.

М.

В Твоем письме нету и малейшего старания улучшить наши отношения. Оно написано чрезвычайно резко и холодно. Марика, Ты не хочешь ли за что понять меня. Видя, что я нахожусь в страшных сомнениях, Ты не только не стараешься их сгладить, но резко их осуждаешь. Кроме того, в письме полно противоречий, а сама хотела меня «испытать», следовательно, Ты тоже сомневалась. Ты огорчена, что моя терпеливость лопнула.

Почему Ты не хочешь понять меня? Твое письмо от начала до конца проникнуто огорчением, упреками за мои сомнения. А ведь Ты «хотела испытать» мою «терпеливость», следовательно, Ты тоже сомневалась. Но Ты их у себя не замечаешь, замечаешь их только у меня. Ты хотела испытать мою «терпеливость», а не любовь. Если бы я Тебя искренно не любил, я бы спокойно ждал ответа, медлил бы со своим и тоже иногда «испытывал» Тебя. Но мне этого не надо. Я начинал, и я не мог быть такой дрянью, чтобы начипать для развлечения. Тебе нечего было, Мариянка, испытывать меня. Ты говоришь, что я Тебе после двух дней послал письмо, полное сомнений. Это неправда! Это было не два дня, а неделю с лишним. Вообще, Ты несколько...*

Меня жизнь очень часто и очень жестоко испытывала, Тебе это известно, но Ты захотела тоже меня испытать, не стараешься улучшить дела. Всю вину сваливаешь на меня. Хорошо, я виноват. Ты спрашиваешь, откуда у меня взялась мысль, что Ты хочешь покончить со всем. Из Твоего поведения, из Твоего «испытания». Я не сволочь, и не маленький ребенок.

Вообще, в Твоем письме очень много противоречий. Ты пишешь, что я Тебе «самый близкий человек в гимназии», и Ты, несмотря на это, меня испытываешь, вместо того, чтобы опровергнуть мои сомнения, доказать, что я напрасно сомневаюсь в Твоей любви, Ты меня осуждаешь чуть ли не в каждом слове.

Ты утверждаешь, что Ты «никогда не откажешься от моих

* Этот абзац зачеркнут Д. Вакаровым.— *Примеч. сост.*

дружбы», и вместе с тем пишешь в конце: «Жаль, что я так скоро в Тебе разочарована». Если Ты во мне разочаровалась, Ты не можешь больше со мной дружить — любить дружеской любовью.

Здесь полная противоположность мыслей, и чему верить — не знаю. Ты во мне «разочарована», а перед этим заявляешь, что у меня «не хватает совести написать второе «прощай!». Ты во мне разочаровалась, следовательно, все кончено, и не с моей, а с Твоей стороны, а Ты мне пишешь: «Решай сам!» и «подумай хорошенько!» Я, вероятно, настолько Тебе противен, что Ты забыла совершенно мое имя. Ты меня спрашиваешь, сомневаюсь ли я еще все время в Твоей любви.

Но я Тебе отвечу на оба вопроса: да! Ты сама видишь, сколько в Твоем письме резких противоречий, так как я не знаю, чему верить. В любви я тоже сомневаюсь. Почему? Потому, что она ничем не доказана. Твое «испытание» этого не доказывает, — последнее письмо даже не намекает на нее. Твои взгляды тоже. Но сейчас я в одном не сомневаюсь: что во всем этом виновата не Ты! Это не Твои упреки, угрозы, огорчения! Не Твое разочарование! Не Ты придумала «испытание»! Это письмо написано не в Твоем духе!

В этом последнем письме почти полное незнание отношений между мной и Тобой и хорошее знание моей «прошлой любви». Я знаю, чьи когти в этом деле, и вижу цель, к которой они стремятся. Ты не можешь мне, Марьянка, утверждать, что никто из Твоих «подруг» не «подозревает» того, что происходит между нами. Я знаю, кто это знает. Я виноват в том, что не заметил этого раньше. Я не такой дурак, каким меня «кто-нибудь» считает. Раньше я только подозревал, но после этого письма я уверен (Ты можешь отрицать, но я знаю, что говорю), что некоторые из Твоих подруг — бестии, Марьянка. Ты сама говоришь, что я самый близкий человек в гимназии и, если это не комплимент, Ты должна быть ко мне откровеннее, поступать так, как Тебе говорит Твое сердце и совесть.

И то и другое у Тебя выше, чем у «них». Марьянка, одна из Твоих подруг хочет подорвать нашу связь. Почему? Хочет мне мстить, потому что не могла меня покорить и бросить. Потому что я не родился рабом и никогда им не буду.

Напрасно Ты написала, что все зависит от меня. Нет! Все зависит от Тебя. От сознания, кто Тебе дороже, я — или «подруги».

Я не хочу Тебя «испытывать» и потому отвечаю Тебе до каникул. Я бы хотел, чтобы Ты мне отвечала в каком угодно духе, но по-своему. Не думай, что я не могу отличить

черного от белого. И, пожалуйста, без «испытаний», если Ты не желаешь покончить со своей стороны. Я не подлец, я говорю правду в глаза.

Ответ жду с «терпеливостью», по пока что и с сомнениями.

От Тебя зависит, рассеять их или нет. А если Ты разочарована во мне окончательно, то пиши прямо и коротко.

М.

2. Д. ЛАЗАРИУ

Будапешт, 19. IX. 1941.

Милый друг!

Не знаю Твоего адреса, потому пишу тебе в гимназию. Я в Будапеште с 13 сентября. Пару дней пришлось мне пережить трудных, пока я кое-как не устроился в интернате Красного Креста, где и столуюсь. Интернат предназначен для всякого рода молодых подмастерьев и отличается нечистотой. Клочы здесь господствуют. Я подал прошение в министерство и, возможно, перейду в другое место. Занятия у нас начнутся, быть может, 1 октября. Мы еще здесь даже не записаны.

Я получил $\frac{3}{4}$ скидки из школьного, нужно мне платить 46 пенге в полугодие. На это полугодие я обеспечен более-менее. Как дела с Фенциком? ¹ Ты его спроси, кто выиграл конкурс на тему о Духновиче? ² Если я, мог бы мне послать (или Тебе передать) выигрыш — 10 пенге. Если узнаешь его будапештский адрес, сообщи мне. И если можешь, напиши... да нет, еще не надо. Я сам не знаю еще, где буду жить. Здесь нет «К. голоса». Если будет что-нибудь мое, вырежь и пошли мне; потом я закажу газету. Фенцику скажи, что мог бы немного материально поддержать своего литератора.

Сборник ³ будет или не будет? Кто в редакции вообще работает? Расспроси также, кто это Майбородов ⁴. Затем мне сообщи, получили ли вы с Гомичковым ⁵ от Плиски ⁶ письмо и как прошли экзамены Коли ⁷.

Здесь очень скучно и холодно. Будапешт сам по себе прекрасный город. Красивее, чем Прага, но совершенно чужой, и отношение к нам совершенно холодное или лицемерно-добродушное. Еще хорошо, что есть здесь свои, потом сербы, болгары, словены и поляки. Что делает Магдалина ⁸, пишет? Я не знаю, помирились вы или нет? По-моему, конечно, да. А как евреи? ⁹ Остались? Интересно, здесь ни одного еврея

не видал, даже образованного. Ты участвуешь в «Накануне»? ¹⁰ Он уже выходит. Если Ты не послал Линтуру ¹¹ материал, пошли чем скорее. И фотографию пошли тоже Симулику ¹².

Ты мне говорил о денежной поддержке. Я вот что скажу Тебе: учись хорошо, потому что хороший успех имеет значение. Кроме того, Ты будешь освобожден от школьного во втором семестре, быть может, одолжишь что-нибудь. Как же я у Тебя буду просить, если Ты не учишься как следует. Я теперь особенно ясно понимаю и чувствую, что значит хороший (отличный) успех: такому человеку дорога открыта почти. Даже совсем открыта и здесь, в «нашем» государстве.

Не бери пример с Коли.

Итак, не забудь мне прислать вырезки стихотворений, последующих за «Первой любовью», чтобы я знал, когда посылать новые. Как у вас чувствуется, будем мы здесь учиться один год или еще больше? Я думаю, что не больше ¹³.

Итак, желаю много успехов на всех фронтах.

За Родину!

Дима.

З. Д. ЛАЗАРЮ

Будапешт, 14. XI. 1941.

Милый друг!

Спасибо за фотку. Но Ты мог на ее задней стороне что-нибудь нацарапать, хотя бы свое имя. Так как я теперь, кажется, на постоянной квартире, то Ты мне можешь сюда посылать газету, как обещал в свое время. Затем мне сообщи имена следующих поэтов, если знаешь, конечно: Вира ¹, Дубровского ², Майбородова, Дубова ³, Марьяша ⁴, Мирянина ⁵ — и кто они приблизительно. Затем, если когда-нибудь зайдешь в редакцию, посмотри, *есть ли там обзор «Вечная драма»*. Если есть, то на основании этого письма, если иначе не выдадут, возьми и пошли мне *. Я еще, быть может, работаю, а в оригинале у меня не так хорошо она составлена. Если увидишь Керчу ⁶, передай ему привет и благодарность за то, что мое стихотворение «Прелюдии» в сборнике «Будет день» было испорчено, переделано вразрез с моим вкусом.

Впрочем скажи ему, что (сам знаешь) его лирику я очень ценю за глубину, искренность и звучность. Спроси его, не

* Здесь и далее подчеркнута Д. Вакаровым.— *Примеч. сост.*

мог ли бы он посылать сюда один номер газеты на адрес, хотя бы: Vakaró Demeter, bölcsészettan hallgató, Budapest IV, Szlav Filológiai Intézet. Múzeum körút, 8. И «Карпаторусский голос» можешь туда посылать. Но не письма. Вышеуказанный адрес — это наш славянский семинар, в котором читаем и учимся. Это было бы не лишь для меня, а для многих других, заходящих в семинар. Я теперь готовлюсь к экзаменам, которые начнутся с декабря. Материалов много, а я по-мадьярски еще ни гу-гу. То есть кое-что знаю, но не так много. На рождество, быть может, поеду, но в случае прямо накануне его. Теперь у вас конференция, интересно, как пройдет.

До свидания!

Дима.

4. К ИЗЯНАМ И ИЗЯНКАМ

Будапешт, 15. XII. 1941.

Милые подруги, милые друзья!

С большим удовольствием слышим с Кириллом¹ о том, что Вы там в Изе не спите, а все же, насколько в настоящее время возможно, работаете. То, что вы разрабатываете пьесу, в особенности же то, что Циля, Александра², и даже Маруся Симулик³ (насколько мне известно), взялись за балалайки, — это вещь почти неожиданная и очень приятно нас поразившая. Это действительно изянский поступок, которым мы здесь гордимся, рассказывая о нем своим коллегам — как русским, так и представителям других национальностей.

Действительно, всюду хорошо, но в Изе, что ни говори, лучше всего на свете. Это и чужие признают у нас, как, например, Лазарь. Я же упомянул, что мы с Кириллом с гордостью рассказываем о нашей изянской жизни, о нашей интеллигенции, т. е. не о наших предшественниках, а о последователях, одним словом, о Вас, рабах божих, потом о наших селянских девицах и легинях, которые тоже по сравнению с другими очень много стоят.

Правда, нужно признать, что все мы еще не настоящие изяне, что много еще нужно развивать, исправлять, совершенствовать. Но тот путь, который мы самостоятельно пробили, особенно в сторону сближения с народом, — этот путь может быть примером для других. Опять-таки скажу Вам то, что уже тысячу раз говорил: старайтесь как можно теснее сблизиться с народом, дайте ему почувствовать, что мы его собственная интеллигенция, его друзья и защитники, а не паразиты, каких немало на нашей Руси. Изянин

и паразит — это не одно и то же: у кого нет достаточно развитого самосознания и чувства ответственности, тот не может называть себя настоящим изьянином, если бы он тысячу раз родился в Изе. Изьянок, взявшихся за балалайки, приветствуем!

Лишь бы это не был временный и бесплодный порыв! Мы, по-видимому, не увидим Ваше рождественское выступление, но не в этом дело. Мы свое дело делаем, тоже изьянское дело. Мы здесь не раз вспоминаем, гуляя вечером по берегу Дуная, изьянские вечера, песни, танцы, шутки, игру на инструментах. Особенно «Полюшко-поле» никак нельзя так спеть, как в Изе. Ей-ей, не раз нуждаюсь в Олексе ⁴ и Мише-Грице ⁵ (извини, Миша) да и в других вообще.

Смотри, народ, не запускай литературу. Ведь ее для вас составляют, ведь кто ее поймет и поддержит, если не дети Раковского! ⁶ Стыдно было бы для всех нас, если бы вы оказались полунинтеллигентами, не знающими даже своей родной литературы, рождающейся в столь тяжких муках и притеснениях. Мы здесь живем ничего себе. Конечно, без комфорта, во всем свободны, и сами себе пань. Так как те, кому мы пишем, знают нашу жизнь хорошо, то я не буду подробно расписываться. Знаем, каково Ваше положение; все же держитесь, народ, насколько можно. Кто хочет сюда попасть, должен добиваться хороших успехов в науке, хорошей успех имеет огромное значение.

Итак, поздравляем всех: М. Кундюрю ⁷, Олексея, Мирона ⁸, Мишу Кемина и Симулика, Цию, Поланю ⁹, Александру, М. Симулик, Парфения ¹⁰, Мишку ¹¹, Митрофана ¹², Гайдова ¹³, Зеленияка ¹⁴, Ольгу Кемина ¹⁵, Аяну Г. ¹⁶, Цию К. ¹⁷, Мишу Кемина ¹⁸, Мачку ¹⁹, Вучкана ²⁰, Полия ²¹, Ольгу Пристая ²², Андрея ²³, Вучкана ²⁴.

Я все парочки поздравляю отдельно.

Также М. Плиске ²⁵ передайте привет.

Итак, всего хорошего!

За Родину!

Дима.

5. Д. ЛАЗАРИЮ

Будапешт, 17. I. 1942.

Милый друг!

Твою карточку я получил, но не считал ее за ответ на мое письмо: в ней ведь ничего не было существенного. Что касается объяснения Балецкого ¹, то он ничего не объяснил,

и Комлоший², который здесь был, ничего не разъяснил: все слишком замысловато и слишком торжественно для того, чтобы из этого вышло честное и полезное дело. Я не верю им, в первом же номере они печатают только свои вещи.

Ты смотри во все глаза и не радуйся заранее. Шпана была у Фенцика и тоже совершенно впустую. С этим подлицом не может быть серьезного дела. Я не ходил, и нет причины ходить. Я не очень тоскую о пиве. Он еще никому не помог из студентов. Я материалы буду посылать Тебе, и Ты, как мы договорились, будешь давать печатать. Но скажи «Ред. ком.»³, что я даю свои вещи под двумя условиями: 1) что в тексте не изменят ни одного знака препинания; 2) что будут печатать в таком порядке, в каком я посылаю, т. е. в хронологическом. Теперь, т. е. час тому назад, после того как я написал эту часть письма, я узнал, что «Литстраница» будет здесь набираться, печататься на машинке и посылаться в Ужгород. Здесь шпана договорилась с Фенциком. Что на это скажет «Ред. ком.», я не знаю, наверное, желчи прольется на обеих сторонах. Заправлять будет Балецкий. Я еще подробностей не знаю, да и не тороплюсь. Адрес Балецкого: В. Е. Budapest IX, Ul'bi út, 20. Не нужно было затевать этого дела. Ты мне не ответил на два вопроса: 1) Как кончил Коля и где он теперь? 2) Как с премией на тему «Духнович»? Расспроси хорошенько, мне бы пришлось монета. 3) Как дела с Магдалиной? 4) Что с «Самообразовательным кружком»? 5) Есть в Ужгороде симпатичные, красивые и сознательные девицы? Кто такая восьмиклассница Вапко? Пиши подробно, спокойно и не спеши, как в последний раз.

Я 4. XI. 41 г. переехал на новую, третью квартиру. Твое письмо меня уже не застало на месте. Я переехал в „felvidéki» интернат⁵, в котором гораздо лучше себя чувствую, чем в прежнем. Но и этот лишь временный, а постоянный мой адрес: V. D., bh. Bd. VII. Erzsébet körút, 41. Туда пиши, туда и газету можешь направить.

Посылаю Тебе свою фотографию. Ты с ней можешь поступить, как хочешь. На вопрос, как я живу, скажу: не весело. Это видно уже из того, что я здесь вообще не пою. А это серьезное дело. Я здесь все имею даром, а все же не веселюсь. Как я могу веселым быть, когда война приняла такой оборот, когда дома урожай на 2/3 сгнил и вымерз и ожидается голод?

Да и скучно мне здесь, почти что одному. Мы здесь двое в Будапеште: Кирилл и я...

Итак, много успехов на всех фронтах.

До свидания!

За Родину!

Дима.

6. ПЕТАРУ ВРБАШКИ

Хуст, 4. II. 1942.

Дорогой Пьеро¹,

я послал Тебе давно уже свое ответное письмо; получил Ты или нет — не знаю, так как Ты не отвечаешь.

Твое добавочное письмо я тоже получил. Искренне благодарю за приветы. Я совсем не думал, что Поляк² такой поэт, каким оказался в своей приписке к Твоему письму. Привет ему, как и остальным.

Пьеро, я сегодня еду в Пешт, на квартиру VII. Erzsébet krt. 41³. Писать будешь туда, если дольше дома остаешься. Пиши, когда приедешь. Поговорим по душам, сном.

Итак, до свидания!

Твой Димитрий.

7. Д. ЛАЗАРИУ

Будапешт, [II. 1942].

Милый друг!

Наконец я получил от Тебя ответ на свое письмо с конца октября (!). Правда, я получил дома карточку, которую я забрал две недели спустя после рождества. До тех пор она лежала в Хусте на почте, ожидая, когда я приду и уплачу недоимку — 4 филлера. Ты не уплатил 1 ф. Я и не знал, от чего получил «рецепку»¹. Но это все равно не ответ. Я и не знал, где Ты, дома или в Ужгороде. А Ты, оказывается, сидишь себе в Ужгороде и гимны слагаешь. Я бы Тебе не советовал очень усердствовать.

Почему мне о Березнай² ничего не пишешь? Оставил? Я сразу после Твоего выступления расспросил о ней Поповича³, предчувствуя, что здесь чем-то пахнет. «Снежинка»⁴ это подтвердила. Видно, что опять гуляешь. Не работаешь над собой. И я, шпана, и Линтур замечаем, к сожалению, что в стихах не проявляешь прогресса. По крайней мере, в печатаных. Собственно, часть стихотворений ничего, но каким-нибудь «Ты с небом пакт о дружбе заключил» или «ветер ... от скуки лишь играя» портишь все. Нет усиленной

работы над собой. «Она»⁵ — очень хорошая вещь. Мне нравится. Но стихи слабоваты, детски наивны. Шпана вас так раскрикивает, что никогда не захотите больше выдавать. Можно бы подождать. Или прибрать больше шпаны. Лучше бы подождать до выхода «Теплого хлеба»⁷. Сборник — вещь серьезная. Мы бы летом, например, составили и выпустили. Если же хочешь непременно — издавай. У меня нет времени выписывать стихи для сборника. Мои рукописи все у Тебя, выбирай, что Тебе угодно. Потом можешь мне сообщить, что нужно. Я бы хотел, чтобы после «Звезды и очи» вышло стихотворение «Изяне», я его давно послал в редакцию. Еще один совет: никогда не ставь в «Литстралицу» больших вещей сразу. Это других задевает. Я бы хотел, чтобы мои стихи печатались с датой рождения. Это важнее, чем кто-нибудь думает. О высылке мне газеты я Тебе писал еще в предыдущем письме, но безрезультатно. Теперь Орос⁸ от имени нашего семинара послал просьбу в редакцию о высылке газеты для семинара. Хорошо бы было, если бы Фенцик выслал туда несколько экземпляров. Подал тоже в библиотеку редакции о высылке «Карпатского свѣта». Могли бы выслать. Ты мне не пишешь, получили ли Вы мой фельетон «О литературе и о Кобыле». Помести, если доехал и если можно будет. Как Ты кончил полугодие, тоже не пишешь. Что не занимаешься, знаю, к сожалению.

Итак, исправленная строфа «Карпат» будет:

А воронов стаи летают над ними
С надтреснутым криком своим;
Голодные волки лесами густыми
Гуляют с желудком пустым.

Смотри, «Звезды и очи» напечатай, как следует. Собственно, это письмо уже все равно получишь после его выхода.

Итак, не забывай, что я Тебе писал.

Работай, но не торопись чересчур. Нужно работать планомерно, систематически.

Что Тебе Симулик рассказывал?

Когда пишешь, пиши больше.

Скажи Керче, что я вскоре уплачу ему за «Монисты»⁹. Березнай привет.

Всего хорошего. До свидания!

Дима.

Дорогая Вася¹,

вчера я получил Твое хорошее письмо. Я, правда, считал очень возможным то, что Ты мне напишешь, но не рассчитывал наверняка. Нужно Тебя похвалить: письмо очень хорошее, написано простым, ясным стилем, которого я от Тебя не ожидал. Еще в прошлом году Кирилл хвалил Тебя, а теперь я лично убедился в том, что Ты много работаешь над собой. Я тому рад и потому, что Ты изянка, из «моих» изянок, и потому, что Ты мне еще самая близкая особа из женщин.

Правда, в письме нету для меня ничего веселого, но это характер письма не меняет.

Что касается Ольги, то все это я сам знаю. Но Ты сама знаешь, что Ольга без меня едва ли бы имела такое значение, какое имеет теперь. В будущем также. Я скорее обойдусь без нее, чем она без меня. Мне она ничем нигде не помогла, мне и не нужно ничьей помощи; я ее поднял и поставил там, где она стоит. Захочу, подниму еще выше, захочу, повернусь спиной, и ее цена сразу упадет.

Она это хорошо знает и потому так ревниво следит за мной. Она ведь знает, что мне все доверяют, и то, что Тебе говорила, говорила нарочно.

А если же она действительно такая, как о себе говорит, то тогда мне ее не нужно и с возом денег.

Пускай тогда она выбирает «лучшего» из тех дураков, которые будут терпеливо ждать до «после матуры».

Ты не бойся, что я ей открою Твои мне сообщения, за которые я Тебе благодарен.

Что же касается случая с солдатом, то я, к сожалению, не могу Тебе сообщить имени. Письмо могут раскрыть и может выйти скандал. Будьте спокойны: ни одна из «наших» изянок, музыканток, не имеет с этим ничего общего.

А теперь о самом главном. Я не буду это самое главное заключать в *post scriptum*, я не женщина. Но и это Ты очень хорошо написала: ужасно лаконически, но я знаю, чего Тебе эти две строчки стоили.

Ты и Кириллу пиши подобным образом: просто, сжато, коротко и ясно.

Нет, Кирилл не забыл о Тебе. И не раз вспоминает. Что он Тебе очень часто не пишет, так это уже его патура. Кроме того, есть здесь много неприятных забот, которые отнимают хорошее настроение. Их больше, чем Ты можешь

подумать. Мы здесь не дома, а в совершенной чужбине, где нам если и дают что-нибудь, то не из доброй воли.

Много бы писать, да не стоит. Вообще трудностей немало. Человеку не раз не до писем.

Впрочем, Кирилл уже послал Тебе письмо. Ты преданно, но твердо принимай от него случайное нежелательное отношение: тогда он будет Тебя еще больше уважать. Пусть о нашей переписке никто, кроме него, не знает.

Работай дальше, чтоб я мог гордиться.

Желаю всего хорошего.

За Родину!

Дмитрий.

9. В. ГАЙДУ

Будапешт, 17. III. 1942.

Дорогая Вася,

сегодня я получил Твое письмо и — очень удивился. Не ожидал я от Тебя такого тона и ничем его не заслужил. Что хуже всего, ты, иззянка, присоединилась к мнению г-на Фраса Степановича¹, а почему, не знаю. Его злость я понимаю: он уже давно мне портит стихи, как и всем своим сотрудникам. В ответ на его глупые «исправления» я ему писал письма, от которых у него желчь разливалась по нутру. И когда я ему послал фельетон для печати, который он почему-то приписал себе, то он, человек университетски образованный, разразился таким лаем, который во мне и в моих коллегах вызвал одно презрение. Я писал для литературы, а не для его особы, и отвечать такой же руганью не стану.

А о том, что мне дороже — Иза или Будапешт, отвечать не стоит. И прошлое мое, и будущее ясно покажут, как сильно оскандалился Фрас Степанович.

Твое письмо меня гораздо глубже задело. Скажу Тебе одно: хвалил Тебя я искренне и всегда был о Тебе наилучшего мнения. Я знаю, почему Ты рассердилась: честное слово, что ни Твоего, ни моего письма Кирилл не читал. Но совершенно утаить то, что мы переписываемся, я не имею права. Я думал, что его подпись Тебя обрадует, а на деле...

Мне Мишка² задал от Тебя вопрос, над которым я постоянно думал. Это о подарке. Я Тебе все же отвечу. Купить Ты Кириллу можешь часы, самописку³, но самое дешевое и самое лучшее — альбом для фотографий. У него

их много, а альбом уже очень старый. Цвет можешь выбрать любой, но наилучший — это блестящий светло-зеленый.

Я так думаю. Приедет ли он домой или нет, — не знаю.

Если он 29. III. не будет дома, то я думал Тебе посоветовать, чтоб Ты подарок мне прислала, вложив туда для большей красоты Твоей собственной рукой переписанное какое-нибудь его стихотворение, напр. одну строфу из «Народ мы странный» и «Не забуду», чтоб доказать, что Ты интересуешься и умеешь ценить то, чему он посвятил свою жизнь. Но в Твоем письме нет об этом ни строчки. Да, я сказал, чтоб Ты подарок раньше послала мне, а я бы ему точно в назначенный день передал. Смею Тебя уверить, что об этом он не имеет ни малейшего понятия. Твое дело верить или нет.

Что касается моей «весны»⁴, то это странный вопрос. Ты сама знаешь, что я имел наилучшие намерения. Не забывай, что Ты мне прошлый раз писала. Я долго ждал... но до матуры, собственно, до «после матуры» я ждать не намерен.

Вообще удивляюсь, Циля, как Ты могла такое письмо написать и стать на одну ногу с Фрасом Степанычем. У нас с ним счеты давние, и дело еще не кончено. Я не унижусь до такой же ругани, как и он, но он этот спор уже теперь проиграл, хотя иному этого не видно. Я уже не раз воевал и всегда выигрывал, руководясь своей совестью.

Я могу себе представить все Ваши мысли и, может быть, насмешки, и дай бог Вам здравия. Меня это ничуть не оскорбляет. А за мое суждение о Вас, особенно же о Тебе, пусть мне бог заплатит.

Марок Ты напрасно столько наклеила⁵: моих писем никто не открывает.

Всего хорошего.

Дмитрий.

P. S. Я не прекращаю переписки с Тобой, хотя это не так легко. Твоя воля. Но таких писем, как последнее, Ты мне не посылай. Я для Тебя с Тобой переписывался.

Д.

10. М. КЕМИНЮ

Будапешт, 23. III. 1942.

Дорогой друг,

Твоего письма я, к сожалению, не получил. От Лазаря я почему-то не получил двух, это и понятно. Три дня тому

назад я перешел опять на новую квартиру. Адрес мой следующий: Budapest VIII, Múzeum utca 11, Egyetemi Collégium. Предыдущий студенческий интернат был только филиалом этого. Перевод мой случился по недоразумению. Мне хлопцы сказали, что я переложел, но когда я ушел и пришел вечером домой, мой предыдущий gondnok (попечитель интерната) стал кричать на них, почему меня выпустили, что я «тихий мальчик» и начну здесь разводить политику, а он постоянно наблюдал за мной. Вообще, знаешь, дело такое, что все уже меня знают и следят за мной. Потому и писем не получаю. Недавно украл у меня кто-то все мои стихотворения. Напрасно я искал, обещал 5 пенге тому, кто мне их вернет. Между ними было много таких, за которые можно за решетку¹. Я уверен, что они в их руках. А если взять еще мою дружбу с Линтуром, которого они тоже преследуют, то дело ясное: нужно быть готовым на самое худшее. Хотя в глаза нам ничего не говорят, но чувствую, как на нас смотрят. Меня открыто называют то большевиком, то меньшевиком. Ты, Миша, будь добр, сходи ко мне домой, пересмотри в ладе мои вещи, возьми мои рукописи, находящиеся в твердой картонной папке (лубах), затем все мои письма и скажи родителям, чтоб их спрятали на известном месте. К ним присоедини и те рукописи, которые я в это письмо вложил. Не забудь! А то может случиться, что и мои рукописи пропадут, а тогда бы мои долголетние труды исчезли. Мои письма, Тебе посланные, тоже спрячь. Что касается пропавшего письма, то Ты повтори то, что писал. Особенно, что судит шпана о фельетонах. Мне интересно знать, что судят обо мне и о Левицком изяне и, в случае чего, на кого там рассчитывать, их суждения дадут мне картину их самих. Циля уже зарекомендовала себя с очень плохой стороны. Что касается фельетонов, то я свой не писал на Левицкого, как он себе выдумал, а писал вообще для литературы и для назидания тем поэтам, к которым он относится.

Левицкий на меня давно зол за мои острые письма, которыми я его хлестал за искажения моих стихов, и он нашел случай отомстить мне. Это ему, однако, не удалось, во-первых, потому, что меня совсем не знает и бросает мне в глаза совершенные нелепости, как неуважение к Достоевскому, презрение к родному (Изе), любовь к Будапешту. Во-вторых, потому, что уже сильно взбесился, и это препятствует ему видеть вещи в их настоящем свете и хладнокровно размышлять. Фельетон он понял сторцака², как и Циля. Студенты его высмеяли.

Тебе сообщу, что домой мы не будем ехать. Есть работа здесь, и нет у нас лишних денег. Ты, Миша, опиши мне все подробно и то, как вы проведете пасху, и дай Виктору³. Ты передай мою записку Оле К.

Я недавно писал домой, чтоб мне отец взял на себя utal-vánu⁴ на ботинки (félcipő 4 sz.⁵), если себе не взял. Здесь трудно получить. И пусть мне придет чем скорее! Передай всем привет! Циле на ее любезное письмо я уже ответил. Письмо Виктору. До свидания!

Димитрий.

P. S. Házassági⁶ я, конечно, получил. Д.

11. В. ГАЙДУ

Будапешт, 26. III. 1942.

Дорогая Вася,

чтобы много даром не болтать, начну с самого главного: домой на пасху мы не едем. Причин для этого много, но самая главная: у нас нет лишних денег. Ты знаешь, на каких условиях учится изьянский народ. От начала моих университетских студий отец выдал на меня около 30 п., в то время как многие насчитывают свыше тысячи. Потом, я Тебе писал, что имею работу.

Я и не пожалел бы, может быть, денег, но та сила, которая меня неудержимо тянула на рождество, ослабела и постоянно слабеет. С тех пор, как Ольга не сдержала два раза данное слово, я перестал о ней думать. Даже сам удивлюсь.

В прошлом полугодии я, можно сказать, жил лишь мечтами о ней, а теперь даже ясно не помню, как она выглядит.

Я не злюсь на нее. Если бы злился, не печатал бы стихов, ей написанных. Мне интересно, как она относится к ним. Ты передай ей привет. Скажи, что я через Мишу¹ передал.

Что касается подарка, то я уже все сказал в прошлом письме. Я предлагаю альбом, не альбомчик. Самописка когда-нибудь все же попортится, но хороший альбом с фотографиями навсегда останется. И не так дорого. Дорогих подарков делать, конечно, не стоит. Я переехал на новую квартиру², лучшую. Ближе и к университету, и к мензе³, и к Кириллу, и к Дунаю, и к Геллерту. Но самое худшее то, что в этом интернате живут также девицы.

Что касается весны в Изе, то ведь я ли ее не знаю? Ты очень неясно намекаешь на что-то, что будет на пасху, но

чего и описать нельзя. Я не понимаю, какое чудо вы готовите, но едва ли оно превзойдет былые годы. Во всяком случае, опиши это.

Тоже не ясно, какие девочки бы желали «встретиться со своими родными и другими знакомыми». Я знаю, что Вася ожидает Кирилла, но при чем тут я? Конечно, Вася и меня ожидает, чтоб поговорить о многом, но это не самое важное.

О том, забыли ли мы Родину или нет, и говорить не стоит. Загадка и в том, почему Ты должна летом покинуть Изу, и на время ли, или навеки? Пиши яснее. Подарок я едва ли передам тайно, так как не живу вместе с Кириллом. Но попробую.

Что касается Н. Б., то передай ей привет. Жалко, конечно, что мы дома не будем, но я еще дома знал, что не поеду. Кирилл бы охотнее поехал, так как его дело иное, но раз не едем, то оба не едем.

Итак, желаю как можно счастливее провести праздники воскресения.

До свидания!

Дима.

Мой адрес:

Budapest VIII, Múzeum utca 11, Egyetemi Collégium.

12. В. ГАЙДУ

Будапешт, 10. IV. 1942.

Дорогая Вася,

вчера Кирилл приехал и получил свой подарок. Я и не знал, что он послан, так как он был послан на Кириллов адрес. Ему он очень понравился. Что касается меня, то я вообще в Изе не разочаровался. Иза для меня вовсе не одна личность, о чем свидетельствуют 13 карточек, которые я домой послал.

О моей любви к Тане Д., или о ее ко мне, говорить очень преждевременно.

Я глубоко уважаю Таню за интеллигентность и добродушие. Это самая умная наша женщина из тех, с которыми я пока что встречался. А главное, уважаю ее за творчество.

Судя по твоему письму, Ты считаешь меня человеком серьезно раненным, которому нужно лечиться; удивляешься, что я в такое время напечатал «Изу в майскую ночь».

Дело-то в том, что я вообще не ранен и мне не нужно заставлять себя забывать. Это произошло само собой, так что я и не заметил. Стихотворение я напечатал потому, что

пришло его время. Меня оно не тревожит. И чтобы показать, какие чувства у меня были когда-то, но прошли, и чтобы уже раз и навсегда от них избавиться, я буду печатать дальше стихи, которые прямо к ней относятся. То есть, не ей, а той, которую я себе в ее лице представлял.

Я думаю, что тот, кто стихи пишет, важнее, чем сами стихи. Пускай рассказывает, что угодно, тем хуже для нее.

Она привыкнет говорить и думать обо мне, считая меня своим поклонником. И ей очень неприятно будет замечать, что я понемногу ускользаю. Она будет стараться удержать меня тогда, когда я буду холоднее льда и тверже камня; Ты будешь видеть, в каком положении она будет. Ты ее уверяй, что я только о ней думаю.

Кажется, она настоящая ... Значит, не иззянка, в нашем понимании. Ты мне подробно опиши, что она думает, насколько знаешь.

Что с Поланей? Разочаровалась? «Ище тота команиця не зыйшла, вже ся наша вирна любовь розыйшла». Шкода.

Да, что Ольга судит о стихах? Об этом мне еще никто не писал. Что с игрой на балалайке? ¹ Как вы вообще живете? Ты мне все об одном пишешь, думая, что только об этом и забочусь.

Я довольно скучно провел пасху, почти никого из наших не было. Лень было заводить отношения с какой-нибудь венгеркой. Хотя и это возможно в будущем.

Когда пишешь, Циля, то пиши спокойно и обстоятельно. Лучше поздно, чем наскоро.

Привет Твоим родным.

До свидания!

Димитрий.

13. В. ГАЙДУ

Будапешт, 25. IV. 1942.

Дорогая Вася,

Твои письма страшны, но — неясны. Главное, дело то совсем не так обстоит, как Ты думаешь.

О себе я говорить не буду, ведь я русским языком пишу это письмо, как и предыдущие. Присягать я вообще не имею обыкновения, считая свое слово совершенно достаточным. И главное — чего присягать?

Ты написала Кириллу такое письмо, какого не следовало писать. Можно было и другим тоном писать, расспросить

его точно и ясно, что и как, и подождать его ответа. Потом можно принять или отбросить его объяснения...

Я совершенно понимаю Твою стойкость. Ведь кто вас воспитывал в этом духе? Кажется, едва ли кто из нас сделал в этом отношении больше, чем я.

Ты говоришь о какой-то измене, о том, что мы Изу забываем и т. п. Меня Ты, видно, хочешь спасти. Циля, я знаю, что Ты хорошая, просто наилучшая из наших изянок. Я не осуждаю Тебя за письмо. Но почему Ты оскорбила Кирилла, не спросив его, в чем дело? Кто Тебе сказал, что он оскорбил, продал изянскую честь? Что он писал в «Недѣлю»¹— это еще не такое большое преступление. «Недѣля» тоже пишет русским языком, хоть и не языком Пушкина. Если бы Ты занималась языковедением, Ты бы узнала, что по утверждению как заграничных, так и *русских* славных языковедов существует три литературных языка: русский, украинский и белорусский. А некоторые утверждают, что в последнее время начал возникать, формироваться и наш, карпаторусский, тот язык, на котором говорит народ. По-русски должен каждый уметь, кто хочет считать себя, собственно, кто хочет, чтоб его считали интеллигентом, по тот язык или говор, на котором Ты каждый день разговариваешь, тоже нельзя сунуть в гной.

Ведь русский-то никто из Вас и не знает как следует. Вы, Циля, спутали политику, национальные и религиозные воззрения с языковыми. В первых трех, собственно в политическом и национальном отношении, не произошло никакой перемены. Что касается языка, то я, и я уверен, что и Кирилл, больше люблю русский язык и лучше знаю его, чем многие из наших.

Беда-то в том, что наш простой народ совсем не понимает русского языка, если слова чисто по-великорусски произносить. Значит, если кто-то хочет писать только для *нашего* карпаторусского народа, то должен писать по-нашему, по крайней мере, до тех пор, пока народ не будет свободно писать и говорить по-русски. Впрочем, это еще не решено окончательно до окончания войны. Как простой народ будет хотеть, так и будет. Кирилл не угрожает, как Ты думаешь. А я и дальше издаю свои стихи. Во всяком случае, знай: Кирилл не предатель, а искатель правды. Если он ошибается, то сам потом выйдет на чистую дорогу.

Так я не знаю, как Ты, после моих слов, разойдешься со мной или нет. Как хочешь. Но всегда сначала сама обдумай дела и не верь на слово другим. Другие тоже могут заблуждаться. Я то, что писал Кирилл в «Неделю», не

хвалю, но и не осуждаю. Он это сделал не из-за денег, будь уверена.

Что касается нашей жизни, то она очень однообразна. Наука, и больше ничего. В нашем интернате, правда, бывают очень часто танцы.

Ольге скажи, если не порываешь со мной, что я прошу ее вернуть мне мое письмо.

Если бы она не верила, Ты ей покажи это место в письме. Мишку бы Ты могла спросить, когда мне напишет. Грамматику получишь в ближайшее время. Струны тоже, если будут. А Ты пришли фотографии. Советую Тебе.

А насчет народа не беспокойся: народ мы знаем и народ нас знает. Я, по крайней мере, и в будущем не раз зайду на вечерницы, на свадьбу, всегда буду заботиться, чтобы народу было как можно лучше.

Если же разрываешь наши отношения и прекращаешь переписку, то как-нибудь сообщи.

До свидания!

Димитрий.

14. В. ГАЙДУ

Будапешт, 8. V. 1942.

Дорогая Вася,

Твое дело очень запутанное теперь. Запутала его Ты сама, скажу Тебе откровенно. Ты и признаешь это, хотя только наполовину и с разными чисто женскими приемами.

С Кириллом так нельзя. Само собою, *он написал* много такого, чего не желал, но что в возбужденном состоянии не удержал в себе.

Дело в том, что он — украинец и с тем, за кого Ты его приняла, не имеет ничего общего. И понятно, что когда Ты ему, не имея понятия о сути дела, сочинила (под сильным чужим влиянием) свое письмо, он Тебе ответил.

Право спора имеет каждый, но если знает, в чем дело. Мы с ним во многом не сходимся, я пишу по-русски, но отношения между нами не изменились. Я не знаю, что именно Ты ему писала, но, наверное, сильнее, чем мне.

Я проследил внимательно Твое письмо. Ты мне прямо ничего не писала соленого. Я не отвечал сразу, а обдумал все дело и так ответил.

Я вычитал из Твоего письма, что Ты не о том пишешь, о чем бы следовало «спорить». И что он «обманул» Тебя, так об этом я не имею никакого понятия. Я потому так

пишу, что придерживаюсь сути дела и Вам обоим желаю одно хорошее. Твой обман в Тебе поддерживать меня не допустит совесть.

О сестрах милосердия Ты перестань думать, о монашках тоже. Я знаю, что Ты любишь жалеть себя.

Кирилл сказал, что он Тебе второй раз отвечать не станет, оправдываться не имеет за что. Сказал, что и его слова о «азбуке» и другом Ты поняла не так, как следует. Он так думал, что в таких вопросах, как решение о языке, Ты не смыслишь много.

Плохо очень, я уже писал Тебе об этом, что Ты нагрязнула своим письмом, не спросив сначала или его, или же меня, в чем дело, и потом — спорить или разорвать все связи, если на то пошло. Я знаю Твои настоящие чувства, знаю и его хорошо. Он не ответит второй раз, да и о чем он будет Тебе писать после всего? Ругать Тебя не станет, хвалить тоже, извиняться, как он говорит, не за что, а о погоде писать не интересно.

Я хорошо помню одно письмо, которое Ты мне однажды написала, став рядом с Фрасом Степанычем. Мне сильно приходилось сдерживать себя, чтоб не отослать его без ответа, переменив только конверты.

Но, полагаю, оно далеко уступило Кириллу в силе страсти и гнева.

Так рассуждай, Циля, что и как. Пока что Кирилл ожидает, когда Ты ему пошлешь какие-то предметы, я не знаю точно, письма, что ли? — и потом отошлет Тебе все, что Тебе принадлежало. И фотографии, несмотря на то, что он их «недостойн», требует.

Ольга едва ли сожгла письмо. Я знаю ваши хитрости. Впрочем, я знаю, что они сильно против меня настроены, даже сплетничают, но почему, не знаю. Думаю, что откуда-то знают содержание моего первого к Тебе в этом году письма. Хорошо, пусть воюют, — пока меня нет. Ольге скажи, что я не верю в утерю письма и за ее слова обо мне я ей посвящу еще несколько стихотворений. Они уже давно написаны и ждут печати.

А если кому-нибудь пишешь, пиши так, как сама чувствуешь, и смотри на вещи просто.

Мишке я вчера ответил. Привет всем девицам.

До свидания!

Димитрий.

Дорогая Вася,

я даже не знаю теперь, что Тебе ответить. В Твоем письме столько противоречий, все так запутано, что я не в силах разобраться в нем. Ты просишь меня не писать о Кирилле, сама же только о нем и пишешь, о том, как он Тебя оскорбил и как Тебе тяжело. Но Ты никак не хочешь признать своей вины. Ты считаешь *безосновательное* оскорбление Кирилла правильным.

Я уже Тебе писал в прошлом письме, что Кирилл именно *украинец*, а Ты все понимаешь вверх ногами. Он не середняк, и если хочешь знать, то я скорее склонен к «серединке», чем к украинизму. Несмотря на то, я не имею ничего общего с мадяронством. Значит, Кирилл украинец, и все то, что Ты написала ему, не имеет никакого основания.

Ты пойми, что значит получить от любимой женщины оскорбительное письмо, причем обвинения совсем неуместны, его не касающиеся. Я бы на такое письмо даже не ответил. Я знаю, что Ты не из злого намерения написала это письмо, но как ни верти, а факт остается фактом: это письмо тем оскорбительнее, что Ты в нем писала не по сути, а о делах, кем-то выдуманных и распущенных по «всем усюдам». Напрасно Ты считаешь себя правильно поступившей: я не стану перед Тобой кривить душой, скажу прямо: Ты не права. Я врать не стану ни Тебе, ни ему: почему? — объяснять не стану.

Он от Тебя ничего не требует так, как Ты понимаешь. Ни фотографии, ни письма. С письмами Ты сама начала. Грамматики, все Твои письма, альбом, самописка и даже многие фотографии давно спакованы и ждут прибытия Твоих. Впрочем, это Ваше дело. Я вижу, Вы оба одинаково настроены.

По Твоему письму видно дальше, что Ты несколько признаешь свою вину, но так как Ты *девочка*, то, мол, Тебе нужно простить. Ну, а я не согласен с этим. Ты же сама говоришь, что свои слова считаешь *правильными*, что Ты поступила *самостоятельно*, что Ты требуешь *права спора и равноправия отношений*, а в таком случае девочка не девочка. Это дело как раз такого характера, что оскорбление от женщины во сто раз сильнее, чем от мужчины. А еще от любящей (?), а еще *безосновательно!* Нет, Циля, нужно прямо идти. Твое письмо было жестокой ошибкой. Ты, чтоб оправдать себя, ищешь у Кирилла разные посторонние

ошибки. Я не согласен с Тобой. Хотя мы во многом не сходимся совершенно, и я, быть может, лучше всех вас понимаю суть дела, но наши отношения не изменились. У каждого есть свои идеи, и их нужно уважать. А что мое письмо огорчило Тебя, то я не виноват, что не в состоянии врать для того, чтобы Тебя утешить.

Итак, я, быть может, в последний раз написал Тебе свое мнение о вашем деле. Мне уже это надоело, и Ты всегда как-то не так понимаешь. О себе я ничего интересного писать не могу. Учусь, гуляю с Кириллом над Дунаем. Домой приеду, быть может, в июле.

Если встретишь Мошку¹, спроси, почему не отвечает. Мишка тоже. Выздоровливай. Струн нет. Привет.

Дмитрий.

P. S. Знай, что все, что я пишу Тебе, пишу *от себя*, а не как требования Кирилла. Он ничего не требует, по крайней мере, *через меня*.

Д.

16. С. ПАНЬКО

Иза, 30. VI. 1942.

Дорогой Симеон!

Я, кажется, забыл в интернате книгу Greguss Agoston: *Magyar balladák*¹. Будь добр, поинтересуйся, там ли она. Спроси Vass Gábor², моего бывшего сожителя. Если будет, пошли мне, я потом верну расходы. Если нет, отпиши. Очень прошу, поинтересуйся. Мой адрес:

Iza, ur. Huszt.

С приветом

Дима.

17. Д. ЛАЗАРЮ

Иза, 5. VIII. 1942.

Дорогой брат,

я ожидал от Тебя обещанного письма. Видно, отделался наскоро. Но это ничего. Я здесь не скучаю. Гуляем больше, чем когда-либо. Понятно — честным образом, насухо, но хорошо. Твоя хромая Кобыла иногда движется¹, дай ей бог счастья. Но стихи мне какая-то собака все время выкусывает, думая по-собачьи, — что это хорошо. Для собак это хорошо, а для меня — ничуть. Какой Ты редактор, что допускаешь такие насилия? Печатай как следует, тогда буду посылать.

Дела мои ничего. Скоро буду контролером у молотилки. Зарабатывать надо. Ради бога, не пиши под моим именем «профессор». Это смущает здешних мира сего. Оставь это, господин ухажер.

Желаю много успехов!

Дима.

18. С. ПАНЬКО

Иза, 17. VIII. 1942.

Товарищ дорогой,

я получил Твою открытку, спасибо, что потрудились; жаль, что даром. Я работаю, вначале в поле с отцом, а теперь являюсь контролером возле молотилки. Как Ты поживаешь? Слышал Ты, что Горянин¹ стал хохлом?² Я не очень удивляюсь, так как от такого ничего другого и ждать нечего. Можешь это ему передать, Ты с ним переписываешься. Вот тебе и «Страна простацкая»...

Как Твоя отсрочка³, получил Ты уже или нет? Я — да.

Если знаешь какие-нибудь новости о студенческих делах, сообщи, пожалуйста. А Горянину напиши что-нибудь на прощанье. Не ругай его, не стоит этого...

Желаю всего хорошего!

Дима.

19. П. ПЛИСКЕ

Будапешт, 26. IX. 1942.

Дорога Поланя!

... Мені хочеса писати часто, бо через тебе я говорю з усім нашим простим народом, котрый я люблю так, як любив його Духнович, а може, ще булше. Тот муй народ — ото, перший раз, вы, мої прості изяне и изянки, особенно изянки, з котрыми я так зблизився, як лиш мож. Бывав я з вами на вінках, вечерницях не для того, щобы вас дурити, а для того, щобы вас упознати и навікы зв'язати своє життя з вашим. Мені самому чудно, просто не можу собі представити своє життя без вас. Коли думаву про Изу,— я думаву про неї дуже-дуже часто,— то майскоро думаву про вас. Я живу нічого. Бомбы не б'ють, людей не нарушавут, біды не є, айбо и горазду чорт має. Ото все не біда. Буде и у нас великдень!..

До свиданя!

Димитрій.

Будапешт, 8. X. 1942.

Дорогой друг,

думаю, что существующие недоразумения удастся потом упорядочить устно. Если бы Ты сдержал слово и приехал в Изу, то их бы уже не было. Дело в том, что я слышал несколько, не знаю именно, реальных или нет, изречений о себе, которые являются новостью в наших отношениях. Точно их даже повторить не сумею, но вроде «Вакаров такой же, как и другие», причем это сравнение выходило для меня очень не в лестном тоне. Говорили мне даже, что Ты имеешь живое участие в контрреволюции Фраса Степановича и т. д. «На большой дороге» тоже какой-то странный рассказ, какой-то выдуманный для чего-то. Непечатанные стихов... Ты никогда мне не сообщал, что печатать нечего. Я посылал стихи, не знаю, где они. У меня стихи лежат, даже писать неохота, раз их не печатают. Так вот, чтоб в будущем не было недоразумений и чтоб «Лит-страница» имела значение, я Тебе сообщу следующее:

1) Выпускай «Литературную страницу» по возможности регулярно, чтоб не было впечатления упадка¹;

2) Если мою вещь² конфискуют³, сообщи, назвав ее имя. Я буду регулярно посылать по 6—7 вещей, чтоб не было нагромождения. Как только последняя вещь выйдет, кладу на почту письмо с дальнейшим транспортом;

3) В моих словах слогов не сокращайте, напр., -ой вм. -ою⁴, *весьмир* пишете вместе. Последними 2-мя стихами я доволен.

4) Посылай мне 2 номера газеты! Обещал 10, а двух не можешь, хотя я просил уже. С Э. Х. пошли мне. Где «Ольге»?

5) О моих материалах не беспокойся, по крайней мере на полгода, если каждую субботу печатать по 2, хватит. И оять я пишу, хоть много непечатных.

6) Печатай понемногу, но не очень редко.

Тут посылает Тебе и Симулик материал. Прозы у Тебя, кажется, нету. У меня тоже нет. Стоило бы перепечатать моих «Опырей», «Цыгана в анекдотах», которые были прежними редакторами изувечены. Но их вы, кажется, потеряли. Потом не был вообще напечатан рассказ «Богатыри». Знаю, что получили его вместе с «Цыганом». Если увижу, что дело идет, то, возможно, вдохновлюсь еще и начну и прозой писать. Я бы послал Тебе вышеназванные рассказы, но они у меня дома.

Позже пошлем Тебе с Симуликом стихи Полани Плиски на «изяном литературном языке», и Ты их напечатай. Это имеет огромное значение. Селянки-поэтессы — не шутка.

Живу я тут как настоящий пролетарий, дай бог Фенцику так, который нам помогает, нечего сказать, во всех отношениях — языком.

Нет, тут главное то, чтоб литература не угасала, чтоб вождь А.-И. не говорил, что и я начинаю хромать, перестаю работать, потому что против народа иду. Надо мной уже точку поставил, «влюбленный мальчишка и только» — говорит, а себя в гении возвел. Так вот ему-то по морде и нужно дать.

Ну, пока до свидания!

Дима.

21. В. ГАЙДУ

Будапешт, 8. X. 1942.

Дорогая Вася,

спасибо за хорошее письмо; оно и по форме красиво, но главное всегда состоит в содержании. Что касается содержания, то, скажу откровенно, раньше я бы не поверил, что Ты будешь писать такие письма. Видно, что размышляешь, что работаешь над собой. Своим характером Ты немного похожа на «Мать» Горького. Книга, кажется, есть у Линтура¹, можешь одолжить. Ты еще только начинаешь понимать то, что мы с Кириллом делаем; другие даже не начинают понимать еще. Хотя все же в Изе начинает понемногу свет новой, лучшей жизни пробивать себе дорогу. Но очень медленно.

О Кирилле Ты не беспокойся. Он знает, что мы переписываемся, это его ничуть не удивляет и удивлять не может. Он знает, что я могу иметь с женщинами такие же дружеские, честные и безвредные отношения, как и с мужчинами. Для меня и женщина — человек, а не только предмет, которым только можно любоваться, играть в серьезную любовь, использовать и плюнуть. Я не «принц кучерявый», а социалист, для которого и уличная женщина представляет собой живую душу, хотя забитую и испорченную средой и плохим воспитанием. Над ней тоже издеваться нельзя, так как она во сто раз несчастнее других.

Как узнаю из писем, у вас не очень весело. Сидите себе дома и зубрите. Хоть бы в воскресенье вышли, сошлись вместе и хоть поговорили серьезно.

С которой Марусей Ты будешь переписываться, с Кундрей или Пристайей? ² Я думаю, что с Кундрей. Передаю ей привет.

У нас только теперь начинается наука, до сих пор мы часто втроем, изяне, гуляли над Дунаем и не раз вспоминали об изянских временах. Жалко, что Поли ушел из Изы, Ольга, наверное, будет грустить, равно, как и Петро ³ и, скажем, Ты.

Как поживает Ольга Кемиш? ⁴ Ты с кем дружишь теперь? Серьезно ни с кем, по всей вероятности. Вам бы, девчатам, теснее сойтись, сжиться, чтобы осрамить наших белярей. И начать бы вам интересоваться серьезными, глубокими, общенародными вопросами. Особенно социальным положением вас самих и народа. Женским вопросом. Не только зубрить, хорошо наряжаться и завидовать.

Вот Ты и начни понемногу дело. Если приеду домой, помогу. Собственно, я уже начал. Вы лишь сами продолжайте. Если надо совет в каком угодно деле — мой адрес известен. Что, если бы? И читать побольше. Я и в прошлом письме, и всегда буду повторять: читайте как можно больше, но, читая, старайтесь понять, поняв, проводите в жизнь.

Будьте изянками, будьте настоящими женщинами, которым не стыдно и не противно и руку поцеловать.

Передай привет девицам.

До свидания!

Димитрий.

22. П. ПЛИСКЕ

Будапешт, 26. X. 1942.

Дорога Поланя!

Красно дякуву за письмо и стихи. Аж можеш, засылай дале и добре бы, аж бесь пуд каждым написала хоть гуд, коли были написані, щоб приблизно знав, коли котрый появилсь на світ білий. Пиши дале, аж маеш час, и пиши так, як я тобі говорив. Твої стихи бы мали содержати в собі все, чим живе простый народ, головно дівчата. Значит, и инше, не лиш любов.

Ты знаеш, як наш народ живе, що его давит, а що радує, та то все треба помалы вводити в стихи. Мы колись издаме их. Дуже красна пісня «Коли собі погадаву» ¹. З письмами діло так стоит: Ты их можеш давати, кому сама хочеш. Ты им розкажуй. Чим булше дівчат буде знати, тым лише. Я ніяк не могу з усіми переписоватися, я и не знаву усіх

так добре, щоби им писати. Треба бы писати уд рана до вечера каждый день, так що я, пишучи Тобі, пишу прямо усім нашим изьянкам. Я бы так хотів, щоби каждая удчувала, що я вас булше поважаву, як налепканых мукою та намащеных усякою гулімастикю малярських кегель. Знаву, як тяжко вам живеся, не думайте — и нам не ліпше. Прийде час, коли горы будут найкраснійше зеленіти, и всяка нынішня панія пуйде козы ковати. Знаву, як живете, и недаром мене папы ненавидят: я давно удверг усяку пать из ними. Туй мы живеме не так, як у Изі, хоть и туй звыкли заспівати. Кирил и Симулик поздоровлявут Тебе, а я наших дівчат и Твоих домашных.

До свидания!

Димитрій.

23. Д. ЛАЗАРЮ

Будапешт, 2. XI. 1942.

Дорогой друг!

Где газета? Написал в последнем письме, что, мол, «сразу же вышлю», но до сих пор нет. Симулик получает два номера. Жаль, что в стихотворении Полани Плиски случилась опечатка: «боим вяготу», вместо «вбем тяготу». Ее стихи-песни я очень ценю. Понимаешь Ты: простая изьянская девушка говорит о своей жизни, о переживаниях, которые выражают душу всего народа. Она не знала, что стихи будут печататься. Она даже думать не смела о чем-либо подобном. Жаль, что я не дома и не знаю, как на нее подействовала (публикация).

Я думал сначала, что только Тебе буду посылать свои стихи. Но так как у Тебя они идут очень медленно (1 в месяц, даже реже), то придется посылать и в «Слово»¹, которое тоже не против их печатать. Недавно напечатали стихотворение, посланное еще перед пасхой. Я уже было подготовил два «транспорта»² для отправки к Тебе, но пошлю тогда, когда выйдут последние. В ту секунду, в которую я прочитаю последнее напечатанное стихотворение, брошу на почту конверт с дальнейшими. Бомбить Тебя не буду, так как это лишнее. У Тебя еще 4 стиха в запасе. Симулик тоже не очень доволен ходом дела. Мы Тебя не виним, конечно, но все же Тебе эти дела, наверно, не безразличны. У меня есть свыше 30 готовых стихотворений. Если я стану посылать в «Слово», то число их разделится на два. Это ведь разница.

Дела наши очень дрянь. Нам мензу³ не дают и всячески стараются понемножку, конечно, «незаметно», пас выкурить. Очень паршиво живем, питаемся кое-как. Наши депутаты-посранцы ничего живут себе. Говорят речи, строят проекты. А карпаторусское студенчество в Будапеште голодает.

Ты хоть стихи-то печатай и газету шли, а то ужасно не весело.

На рождество, вероятно, буду дома. Если приедешь домой, можешь заехать.

Впрочем, Симулик Тебе расскажет, что значат для русского человека студии в Будапеште. Стихи Полани попробуй печатать в среду, чтобы было больше места для партии⁴, если достаточно материала. Главное, выпускай свою страницу регулярно.

Честь имею вперед поздравить Тебя с днем ангела, который будет в воскресенье 8. XI. У меня завтра, 3-го, день рождения, а 8-го ангела. Впрочем, теперь все равно скучно пройдут.

До свидания!

Дима.

24. В. ГАЙДУ

Будапешт, 7. XI. 1942.

Дорогая Вася!

Очень хорошее дело вы затеяли, нужно действительно, насколько это возможно, работать, а то вы заснете совсем. Если приеду домой, радо помогу вам, если будет нужно.

Я был бы очень рад, если бы вам это удалось. Кто вами руководит? Если сами беретесь за дело, то трудно вам будет, едва ли будет между вами господствовать согласие и дисциплина.

Ты в последнее время пишешь очень высоким стилем, вызываешь меня, чтобы я «молился, чтоб бог укрепил ваши души и мысли» и т. д. Ну, молиться-то я не стану, и бог тут ни при чем. Бог это дело не устроит, у него есть, наверное, иные заботы, а вот вопрос в том состоит, позволят ли вам обстоятельства осуществить начатое, а главное, хватит ли у вас достаточно воли и умения это сделать. Это самое важное, а не мои молитвы.

Я знаю, что Ты недавно была больна, поэтому и появляются у Тебя опять «монашеские» мысли. Но это все равно, лишь бы работали, надеясь в первую очередь на самих себя, а потом на бога. Тогда и выйдет дело.

Ты как стихи пишешь, только «так» или же серьезнее? Если серьезнее, то следовало бы их печатать, чтоб после Полани¹ и из образованных изынок действовал кто-нибудь литературно. Напиши мне свое мнение...

Мы, позá богом, живем. Очень плохого нет ничего, но хорошего тоже. Хорошего немного: две блондинки, которые нравятся одинаково. Одна красивее и женственнее, другая характерней и глубже. Со второй я знаком, с первой пока нет. Но вижу их очень часто и с большим удовольствием. Интересней уроки идут, хотя формально ничего нету.

Если Н. Б. еще ходит в гимназию, передай ей от меня привет. Тут посылаю легитимацию, которую прошу передать Мише²; он передаст домой или же Кундре³.

Передай привет Александре, Полане⁴, Ольге, Марусе С. и домашним.

До свидания!

Димитрий.

25. В. ГАЙДУ И ДРУГИМ

Будапешт, 9. XI. 1942.

Дорогая Вася!
Милые подруги!

Уж никак я не ожидал, что теперешний «Дмитрий»¹ станет для меня настолько памятным.

В субботу я еще ожидал какую-нибудь гратуляцию, но не получил ничего и решил, что, так и быть, в этом году обойдемся и без церемоний.

Сегодня вечером прихожу домой и вдруг вижу на столе прекрасную открытку. Ну, думаю, В. все же догадалась.

Смотрю я дальше, а тут куча подписей, и все девичьи.

Сначала думал, что только изынки, вижу такие знакомые имена, как Василиса, Александра, Поланя, Ольга Кеминь, Ольга Пристая, А. Голоботовская, Маруся...² Но оказывается, это не все. Вижу тут Олю Сокол, Аню Биляк, Наташу, Любу К., Ю. Корж, Елизавету Ч. (?), Сидор, Г. Сливку, Раняк, Игнат, Марусю Л., Деак³ — все те, которых я так хорошо знал и которых в душе уважал больше, чем это показывал. Вижу тут и таких, которых я лично не очень знаю, к сожалению: М. Попдякуник, В. Семен (?)³, которых я все же в лицо знаю, наверное, так как из тех, которые еще при мне были хустскими гимназистками, нет ни одной, которую бы я в лицо не знал.

К сожалению, есть тут такие имена, которых я не могу разобрать. Или даже одни крестные имена. Это нехорошо. Как же я могу знать, кто они? А знать бы хотел.

Так вот, получив открытку, при этом чудесную, я вначале очень удивился, но потом начал так рассуждать:

«Кажется так, что они своим женским инстинктом поняли, почувствовали, насколько я их ценил, уважал, ругал их на кружке и в разговорах за их культурное бездействие, но ругал их со страстным желанием, чтобы они были еще лучше, даже чтобы были лучше всех в мире. Да, зная вас и уважая, быть может, больше всех, я все же не был вами доволен, и теперь не доволен, то есть не совсем доволен, как не доволен самим собой и всей окружающей нас жизнью. Да, не доволен и хочу, чтобы вы все были во сто раз лучше теперешнего, чтобы мы, мужчины, могли во сто раз сильнее вас любить и уважать, и гордиться вами. Ведь большая часть моей поэзии посвящена женщине, ее настоящей красоте и душевной глубине...»

Получив вашу открытку, я подумал: да, мужчины умнее и сильнее, но женщины интеллигентнее, душевно глубже, во сто раз деликатнее, нежнее. И как раз в житейских мелочах, которые большинство мужчин недооценивают, которыми пренебрегают, но из которых складывается действительная, ежедневная жизнь человека, женщина во много раз деликатнее, лучше. Возьмем хотя бы день моего ангела: хотя у меня есть немало хороших приятелей, но ваша открытка единственная, которую я получил по этому случаю. Да, женщина более чутка к подобным мелочам, и горе мужчине—ухажеру или жениху, который недостаточно внимателен к ним; что, по-моему, совсем правильно. Вот за эту чуткость, деликатность я всегда женщин больше ценю, чем мужчин.

Ваша открытка имеет для меня огромное значение. Эти месяцы наших будапештских студий — самые тяжелые, какие мы до сих пор перенесли. Не буду подробно рассказывать; я не хочу жаловаться, возбуждать сострадание; мы перенесли все, твердо и гордо, на то мы мужчины. Но в такие дни ваш привет — золотой солнечный луч среди мрачной ночи.

Спасибо вам за это, мои панночки, мои барышни, я не забуду.

Глубокий привет всем!

Дмитрий.

Будапешт, 14. XI. 1942.

Дорогой Василий Антонович,¹

очень жаль, что во время Ваших посещений меня не оказалось дома, я был в семинаре, IV. Múzeum krt, 6—8, Szlav Filológiai Intézet, 4/c². Там я почти все время провожу, читаю и занимаюсь; там теплее, чем в интернате, где вообще не топят.

Завтра я к Вам по известным причинам приехать не могу; быть может, в следующее воскресенье, если Виктор купит недельный трамвайный билет. Если что-нибудь важное хотите сказать, напишите вкратце. Живу я как истинный пролетарий, который теперь совершенно проникнут желанием бороться за права и честь каждого человека или погибнуть. Это не громкие слова, а твердое решение. Надеюсь, Вы дома не информировали о нашем бытье? Я думаю, родителей? Я сам им ничего не пишу, т. е. пишу в беззаботном тоне. У них довольно своих забот, а я выдержу. Уже дело немного лучше, мензу наконец получили, после того как все, совсем небольшие, капиталы проели. Кирилл, бедняга, ничего не получил, ему никак не везет, хотя заслужил больше всех нас, смотря по поместьям³.

Да, наказывает нас господь за прегрешения наши — сказал бы я, если бы не иначе думал.

Давит нас посредством мелтошагошей и т. п., которых, однако, не давит. Дескать, на том свете будет наоборот. Но я с этим никак не согласен, а скорее согласен воевать до последнего, будет польза или нет. Хотя я знаю, что — будет. Вы после этих слов, быть может, уже и говорить со мной не захотите, считая меня богохулом.

Увы, я притворяться не стану, и я очень изменился с тех пор, как мы возле кашицы разговаривали. Вы, впрочем, летом заметили, когда сказали: «Карамазов!»

Но это не главное теперь. Теперь главное то, что если есть у Вас какие-нибудь планы насчет нашей сходимки, напишите или скажите Виктору⁴. Я бы тоже рад поговорить с Вами, но что поделаешь, далеко загнездились, отцы преподобные.

Итак, честь имею кончить это писание.

Желаю всего хорошего.

До свидания!

Кн. Димитрий Вакаров-Заверблянский⁵.

27. П. ПЛИСКЕ

Будапешт, 19. XI. 1942.

Дорогая Поланя,
насамперед красно дякуву Цили за привіт, а Маріі¹ за легитимацию. Колись у літі Марія скаржилася, що не написав-ем юй ні одно письмо, а ще и до ныні ми не отвітила на вто, що-м юй у Твоюм був написав. Чуву уд Мішки², аж якісь дуже лылаві вечурниці. Що вто вы изыйшли на шило? Дівок у селі ціла латомія, а вечурниці такі, ги команья, як Мішка каже. Сяк я и дому не прийду, не варта. Що я буду тулькый час увечері робити? Аж бесме пришли, та и так не скоро, як Ты пишеш.

Твуй стих³, на жаль, мало исказили, навірно ся забыли, та не так надрукували, як треба было. Ото и изо мнов не раз трафлялося. Стих туй усім студентам дуже полюбився, и не задарь, бо поправді дуже удався.

Помалы пуйдут и другі.

Що не маеш докунчено — докунчи, пиловати дуже не мусиш, сих⁴ раз май мало до рuzдва буде. Посылати ми можеш. Пиши пуд новыми усе датум, то есть день, місяць и гуд, коли написано; ото доста важно.

Поинтересуйся, ци другі дівчата не составляют; дуже добре бы было, аж бы ще пару их узялося за стихи.

Що сегіяш Трифонты пасулі пишут? Навірно, фест жєнив бы ся.

Що Марія задумала, ци уддаєся, ци ніт? Лише водит за нус дурных пану⁵. Хотя не хыбило бы юй уже раз ся утопити — розумієся, не у плєсі, ай у парнах.

Теперь мало май пузно отвічаву, як другый раз.

Теперь якраз зачинатся серйозна наука, перед испытани, котра буде держати так дєсь, може, до Микул. Мусай ся учити.

Поздоровляй усіх дівчат на Твоих вечурницях, Марію и усіх домашных. Привіт уд Кирила и Симулика.

До свидания!

Димитрий.

28. Д. ЛАЗАРЮ

Будапешт, 23. XI. 1942.

Милый друг,

я несколько опаздываю с ответом, но, во-первых, был занят семинарской задачей, а во-вторых, наблюдал, что задумал монсеньор Левицкий! Как видно, этот дрянь-человек спосо-

бен на одни подлости. Лишь бы мешать, портить, показывать, что, дескать, мы-то кто! А сапожник ужасный, особенно что касается литературы. Так Ты что, в отставку ушел вместе со «Страницей»? Я, кажется, прекращу всякие сношения с «Голосом»¹, с органом царских и мадьярских предателей. Неужели он, пройдоха, выкинутый русским пародом к чертовой матери, не понимает, что ему тут не распоряжаться (по-дурацки), а есть хлеб чужой и молчать следует. Объясни ему, пожалуйста, от моего имени! Скажи, что его также виселица ожидает, как и других оппортунистов, даром он против швабов². И как ему не стыдно после проповеди к литераторам ставить дрянные майбородовские стихи, без ритма, без идеи, наполненные сюсюканьем об улетевшем помещицьем рае царской России! Ведь эти стихи уже тошноту наводят своей однообразностью, пустой описательщиной.

Газеты я не получаю. Твой К.—неделяш³. Ю. К., Горянин тоже переступили. А сапожник Левицкий вводит драконовские меры против литераторов и репрезентирует нас престарелым эмигрантом Майбородовым, который никак не может примириться с ходом истории.

Турянин⁴ мне не писал. Мензу я как-то получил, так что ем два раза в день. Иногда и завтракаю — хлебом с водой. Денежные дела можно смело назвать отчаянными. Деньги буквально не знаю, куда девать, раз нет ни филлера⁵. И раздобыть невозможно.

Если Твоя страница крахнула, Ты передай мои и Полянины вещи в «Слово».

Поляня на выход своего стихотворения ответила восторженным письмом. Нужно бы ее поддержать. Тут талант виднеется, который развить нужно бы.

А Левицкого я когда-нибудь увековечу. Хотя возможно, что не будет стоять.

Итак остаюсь

без почтения.

До свидания!

Дима.

29. Д. ЛАЗАРИУ

Иза, 24. XII. 1942.

Дорогой друг,
давно уже писал я Тебе, не знаю, получил Ты или нет. Думаю, что да, но не отвечаешь, по обыкновению. Особенно интересуют меня 2 вещи:

1) Что будет с поэзией вообще, в частности же с моими и Поланиными¹ стихами. Стоит ли слать?

2) Ты ли это выступаешь в «Лит. недѣле»² под инициалами Д. Л.? Я думаю, что — да, и ничего не добавляю, а вспоминаю Твое летнее письмо.

На всякий случай посылаю Тебе несколько стихов. Если не пригодятся, передай их как-нибудь в «Слово». Пиши, приедешь ли домой? Стоило бы поговорить.

Мише³ скажи, что у нас, по всей вероятности, будет рождественская комедия. Можете оба примчать.

Насчет «Страницы»⁴ мне напиши подробно, чтоб я знал, как дела. Если изволишь.

Извини, что так пишу, но и ручка, и чернила, все такое ерихонское, что черт дерн.

Ну, пока жду от Тебя информации.

До свидания!

Дима.

P. S. Привет от Цили.

30. М. СИМУЛИКУ

Иза, 1. II. 1943.

Дорогой Миша,
спасибо за записку, едем в четверг, 4-го, поезжай и Ты, уладим дела вовремя. С Лазарем я свиделся, был с ним в Шандрове¹, все недоразумения устранены. Как видно, цензор съел мои стихи, которые Лазарь обещал выпустить.

Писать я Тебе ни о чем не буду, так как письма — письма; все расскажу, интереснее будет. А рассказывать есть о чем. Я Тебе писал перед рождеством вместе с Цилей, а Ты ничего не упоминаешь. Читаю. Прочитал два чудесных романа из жизни Пушкина. Новых авторов. Каникулы на редкость удались, вечерницы все время посещаем. И теперь иду, только допишу открытку. Сижу и пишу у Оли К., от которой Тебе привет.

До свидания!

Дим.

31. В. ГАЙДУ

Будапешт, 13. II. 1943.

Дорогая Вася,
я долго думал над тем, писать Тебе или нет, так как Твое отношение ко мне во время праздников было довольно стран-

ным. Я точно не знаю, чем это было вызвано, но все же замечал, что произошла какая-то перемена; и не только я замечал это. Я не спрашивал Тебя ни о чем, а старался догадаться, в чем дело. Я Тебя ни в чем не обвиняю, упоминаю об этом только потому, что между нами было что-то вроде дружбы, и я теперь затрудняюсь, как поступить дальше. Кое о чем я и догадываюсь и, возможно, не ошибаюсь.

Мы уже все тут устроились. Миша¹ принят в интернат и освобожден от школьного, так что дело пока очень хорошо. У меня еще все время хорошее настроение. Голода еще нет и, кажется, не будет. Тебя, наверно, интересует, что делает Кирилл. Кирилл читает, ест, пьет воду, спит и, быть может, храпит во сне. И за барышнями — не ухаживает. Ты уже, наверно, испугалась, думая, что да. Пока нет, но кто знает, что будет впереди?

Что делает Оля? Уже два раза мне снилась, и прошлой ночью ужасно хорошо. Наконец хоть во сне она стала такою, как нужно, — нежной, ласковой, такой, как в моих стихотворениях. Слава богу, уже вышли, кроме одного, которого Ты не читала, и, по-моему, самого лучшего.

Ты, может быть, ждешь, когда начну об Алице². Ее нет еще, придет в понедельник. Была тут несколько дней ее подруга, которая сказала, что Алица была долго и серьезно больна. Жалко, что я не знал об этом. Потом ее подруга уехала, передав мне документы Алицы, чтоб я ее записал. Я это и сделал.

Не знаю, что будет, как будет, когда она придет. Может быть, она сама не захочет дальнейшего сближения, что бы мне облегчило душу, так как трудный вопрос мне предстоит в противном случае.

Ты знаешь, приехав домой, я хотел серьезно с Олей покончить, но видя, что это ей далеко не все равно, пожалел ее и вновь начал пробовать сблизиться как следует. К сожалению, мещанские предрассудки остались в ней по-прежнему, придавляя настоящие хорошие чувства, которые в ней безусловно есть; все еще они связаны пристаевщиной. Я ждал проявления чувства, она — формального объяснения. Мои чувства — глубокие, серьезные, и я не очень скоро объяснюсь. До сих пор устно этого вообще не делал.

Так ничего и не вышло. Я опасаясь, что она не устоит. Алица — сильная, опасной соперницей может быть. В ней есть именно то, чего в Оле не видно: простое, прямое, товарищеское отношение, ласковость. И она тут будет, а это много значит. Я это предчувствовал и почему-то не желал об Алице больше думать, чем следует. Я думал устроить

с Олей переписку. Но с ней нельзя еще говорить. Когда я с ней прощался, она после некоторого времени дала мне понять, что ей нужно учить историю и что, дескать, могу идти. Я пошел, спокойно, даже очень спокойно. Кто знает, в настоящее дикое время вернусь ли я домой вообще. Если и вернусь, то не раньше лета. *Но урок истории важнее всего этого!* Тогда я ясно почувствовал, что писать не буду, так как писать и некому и не о чем. Я если люблю, то готов и жизнью пожертвовать, не уроком истории!

Как ваш спектакль? Удался бабский бунт? Еще много лет потечет, пока вы поймете меня. Если сумеете понять. Воюйте себе, делайте, что угодно, я не отплачиваю и не убиваюсь очень. В Тебе что-то кипит, рвется, но направление у него часто плохое и — неустойчивое. Это молодость, иллюзии, жажда деятельности и славы. Это все хорошо, но нужна еще к этому некоторая беспристрастность суждения. Словом, я Тебе написал больше, чем стоило: ведь вопрос в том, для чего Тебе писать вообще, раз Ты так странно ведешь себя. Можешь и не отвечать: я не рассержусь.

Желаю всего хорошего.

Привет Оле, О. Кеминь, Полане³, Александре, М. Симулик⁴.

Дима.

32. Д. ЛАЗАРЮ

Будапешт, 26. II. 1943.

Дорогой друг,

видя, что Ты никак не собираешься писать, хотя ответ за Тобой, берусь я за перо. В первую очередь очень сожалею, что мое последнее стихотворение потеряло хозяина, поэтому прошу Тебя напечатать его еще раз. Когда это произойдет, сразу пошлю дальнейшие вещи. Дело идет о «Вечерней песне». Что касается «Вечерних дум», то какая-то сапожническая рука сочинила из него очень смешной по форме сонет. Ей-богу, в «Голос» стоит посылать стихи. Через месяц я его пошлю еще раз. По возможности не печатай сразу двух моих стихов, достаточно одного, но зато не очень редко. Что Ты Симулика не печатаешь? Ведь его вещи все же лучше колосовских¹, туряниновских и майбородоровских. В них по крайней мере что-то проблескивает. Он очень раздражен.

В общем я живу еще домашним салом, так что беды нет пока.

Последняя Твоя вещь лучше предыдущих. Но я начал, собственно, о своей жизни. Ничего, говорю. В девицах тоже

нет недостатка, теперь скорее они ко мне тянутся, чем я к ним.

Словачка начинает мечтать, что меня беспокоит, так как хорошая девушка, но я не знаю сам себя. И тянет меня и оттягивает. Посмотрим. Она похожа на Анну², только живее гораздо.

Дома тоже не знаю еще, как дела. Когда-то, хотя я лучше выглядел, я и думать не смел, что мне придется лавировать между столькими девушками. Впрочем, лавирую я не подонжуански, а по-вакаровски.

Как Ты? Подаешь на конкурс?³ Я подам что-нибудь. Сербка⁴ еще нет. Когда приедет, я ему предложу переписку с Тобой. Лишь Ты ему не пиши так часто, как мне.

Вообще пока что нет ничего интересного у меня.

Итак, не забудь о стихе.

До свидания!

Дима

33. РОДИТЕЛЯМ

Будапешт, 1 марта 1943.

Дорогі родичі,

шкода, що сте ми не написали, що ци дустали-сте мое письмо через Кеминя, ци нит. Аж дустали-сте, зазвідайте го, защо не пише. Може, ун не дустав. Быв-ем учора ги коло Циля¹, айбо не застав-ем го, десь быв пушов надовго у гості. Попробуву другый раз. Видав, не дуже ранений, кой го не было.

Я живу помалы, так, ги все. Правда, ліпше, як сперед рудва. Обід и вечерю маву постоянно. Вы говорите про пак. Можете загнати, айбо що заженете? Хыба хліб. Сыра, масла ще, набізуно, не с, леквару Вы нігда не чинили, брынды тоже ще не с. Кажу, хыба самый хліб. Можете загнати. Й тенгеричаный.

Вы не никайте на вто, кулько Бердарь² жене. Иван³, може, не має косту, так, ги я.

У Вас десь скоро майже пуцаяя буде ци що. Господь го знає, туй усі дны однакі. Знаву, аж ныні понеділок, айбо якый тыждень, ци білый, ци рябый, ци зеленый — туй ніко не знає.

За два місяці десь и великдень, на якому я майже дома не буду. Так, не забудьте Новтарещука⁴ зазвідати за письмо. Желаву Вам усега найліпшого.

Димитрій.

Будапешт, 10. III. 1943.

Дорогая Вася,
я писал Тебе уже раз посредством Миши¹, но безответно. Ни Мишка, ни Ты мне не ответили, хотя я писал около 14 февраля. Вероятно, письмо не дошло, иначе я не умею объяснить дело.

В этом письме я писал, что мы, сла те господи, устроились, даже Мишка Симулик на этот раз получил и освобождение от школьного, и интернат, и мензу.

Теперь он на несколько дней уехал домой, так что не был на словацкой вечеринке, которая состоялась, как Тебе известно, в понедельник 8 марта. Миша² ждал от Тебя ответа на свое последнее письмо. Вернется к 20-му.

Дальше я писал о том, что даже не знаю, хорошо ли делаю, что продолжаю переписку, так как Твое отношение ко мне в каникулах было необъяснимо странное. Может быть, письмо Ты и получила, но не отвечаешь. Тогда извини, что пишу второй раз.

Дальше я писал об Оле и Алице: что Оля для меня много значит, но ее отношение не предсказывает ничего лучшего, и если придет Алица (она до 15-го будет дома), то я не ручаюсь, что не увлекусь ею; что все бы хорошо было, если бы мы с Олей переписывались, но я ей уже раз писал, и знаешь, с каким результатом. Писал я еще, что хорошо, если бы Алица была совсем равнодушна...

Алица приехала 15 февраля. Записал я ее на университет. Больна была во время каникул. После приезда я стал холоднее к ней, чему была виной свежая ондуляция, чего я терпеть не могу. Дело выходило так, что ничего не будет. И нет пока ничего. Хотя мы потом немного сблизились. Миша² стал замечать, что она как-то задумчивее стала, шпана почему-то стала ее дразнить мною, а меня ею. Я в одно время думал Оле писать, но воспоминание о прошлогоднем письме меня удержало.

Алица благодарит Тебя за привет и в свою очередь передает привет. Я ей рассказал все о том, как она стала в Изе известной, что ее очень заинтересовало. Олей она давно интересуется и предложила послать ей приглашение на бал. Я задиктовал вас обеих. Она думала, что Оля могла бы серьезно приехать, как приехало несколько кошицких гимназисток.

Вечеринка была чудесной, я больше всего с ней танцевал. Интересно, ни с одной мне так хорошо не танцевалось, как

с Олей, хотя тут прекрасный паркет. Танцы кончились, и моя раздвоенность только углубилась: нельзя решить, куда двинуться.

Но так как у Оли есть Цыго³, то, по-видимому, вопрос все же можно будет решить без угрызения совести. Посмотрим.

До свидания!

Дима.

35. РОДИТЕЛЯМ

Будапешт, 25. III. 1943.

Дорогі родичі,

дякуву красно за пакунок, добре придався, хоть теперь діло стоит на много ліпше, як гудтеперь. Из пака ще маву доста. Ще сам не знаву, ци на великдень прийду дому, ци туды, де-м казав. Думаву, що туды, кой-ем ся появ. Кирило прийде майже дому, та ун уповіст, як діло стоит. До великодня раз ніякими паками не журітєся. Пак есте загнали, а письма жадного, ни ут кого!

Пишіть якость! Быв-ем три раз коло Циля, не бай му нич, маєся по-панськы. И міні все напарує ци мало хліба, ци ковбаскы та солонины.

Загнав-ем вам уд нього кексы та яблыка, дустали-сте, гадаву. Хожу д' ньому такой каждую неділю.

Я ся добре маву, бомбардованя не є.

Пишіт, як у вас.

Оставайтесь у здоровлю.

Митер Вакаров.

36. Д. ЛАЗАРЮ

Будапешт, 26. III. 1943.

Дорогой друг,

спасибо за долгожданное письмо; я уже думал, что Ты, не дай бог, помер.

Жизнь моя течет довольно спокойно; дела мои несколько лучше, чем в прошлом семестре. Часто хожу к Пьеру¹, сидим и поем. Серьезно ухаживать еще не начал. Трудно решиться, хотя словачка² очень симпатична. Оля не пускает. Раздвоен я чрезвычайно в этом деле.

Ты ходишь к Керче. Спроси его, получили ли 3 пенге подписных под именем «Vrbáski Péter, Kőlpény»³; на конкурсе я послал под лозунгом «Явор»⁴. Надеюсь, полу-

чили. А ваша редакция ужасна. Никак не может обойтись без каких-нибудь искажений или же «исправлений».

Настоящий Мияотава⁵. Посмотри на стихотворение Плиски: что за свинство?! Все по-фенциковски.

Посылаю Тебе несколько стихов. Печатай их в каком хочешь порядке, но помещай из них следующие: «*Проклятие*», «*Вечерние думы*», «*Вечерняя песня*». Это постигнутые. Смотри как-нибудь за страницей. А то не стоит посылать.

Как Твои дела? Немного тово? На пасху, кажется, домой поеду. Еще точно не знаю. Печатай Симулика, если можешь. Передай привет изынам.

Спроси Керчу, правильная ли дата под последним стихотворением Горянина. Тут некоторые сомневаются, что оно написано в 1943 г.

Переписываешься с бычковскими? Я со времени отъезда ничего не писал и не сообщал своего адреса. Вообще, сегодня я получил первое письмо в этом семестре, и то от родителей. Ходишь к Линтуру? Читай, не пожалеешь.

С подтверждением и фотками справишься как можно скорее. И пиши чем больше, так как я давно уже ничего о вас не знаю.

Письмо рекомандо!
До свидания!

Дмитрий.

P. S. Привет всем, которым я и раньше передавал.

37. В. ГАЙДУ

Будапешт, 3. IV. 1943.

Дорогая Вася,
наконец после двухмесячных ожиданий я получил Твое письмо. Но, к сожалению, это письмо, как и раньше бывало, для меня как-то совсем непонятно. Не хочу оправдываться, так как не имею в чем. Скажу только несколько слов: как думаешь, почему я Тебе *два раза*¹ писал (не знаю, сколько писем Ты получила, одно или два)? В письмах я Тебе сообщал самые интимные вещи. А потом: как думаешь, кто из наших лучше меня относится к Тебе, много ли таких? И самое главное: где, когда и кому я назвал Тебя так, как Ты пишешь? Я ломаю себе голову и никак не могу припомнить ничего подобного; если бы я это *думал*, я бы, наверно, помнил. А если не *думал*, то где, как и когда *сказал*?

Обо мне уже раз выдумали, что я назвал Олю жидовкой, а доказать все же не смогли. Смотри, Ты на протяжении целых

рождественских каникул выступала против меня, а я писал Тебе *два раза*, причем на первое письмо не получил ответа. А кто послал Тебе приглашение на слов. вечеринку? Ты не смотри на то, кто писал адрес; писал Миша², а посылал я и Алица. Оле тоже. Правда, Алица предложила.

Очень жаль, что Твое письмо такое бедное и неясное. Я вообще не знаю, что у вас творится. Мише³ я писал *три раза* — безрезультатно. Это первое письмо, которое в течение двух месяцев получил. На самом деле же оно меня не очень обрадовало. Я понимаю Тебя и прошу извинения в том, о чем, ей-богу, не имею ни малейшего понятия. Да, будучи раздраженным, я иногда произношу слова, которых сам не признаю правдивыми, но по крайней мере — *помню их*. Черт возьми. Алица Тебя благодарила за привет. Не знаю, писал ли я Тебе об этом раньше. Я ей рассказал все, как и почему она стала у нас известной. Мы по-старому в довольно хороших отношениях.

С Мишей³ я еще не говорил, письмо только что получил, предчувствуя, что в нем нет ничего хорошего. Кирилл здоров и ни за кем не ухаживает.

Ну, больше я Тебе писать не могу.

Если Ты *наверное* знаешь, что я произнес это слово, тогда я сволочь и писать мне не стоит. Лучше вообще ничего не писать, чем писать плохие письма.

Желаю всего хорошего.

Дима.

38. М. СИМУЛИКУ

Иза, 4. VII. 1943.

Дорогой Миша,

не знаю, узнал ли Ты уже очень печальное известие: в четверг скончался Коля Роман...¹ Умер паршивой, длинной, совсем не мужественной смертью, которая тянулась почти два года. А какой сильный, жизнеспособный парень был он перед двумя годами! Вот такая отвратительная смерть угрожает нашему Утрину...²

Хороший парень был Коля, а так нехорошо кончил...

Приехал я 18-го июня. Там — ничего. Даже не попрощался. Я почти не ходил в семинар.

Тут — иное дело. Оля отрицает, что стихи ей посвящены, дескать, Дубининой³, а с ней я только шучу... И всегда я с ней только шутил и критиковал, никогда хорошо и серьезно не обращался...

А в Будапеште у меня словачка, с которой я «доживал роман», как Кирилл удачно выразился на вопрос, почему я остался там дольше...

Оля отрицает всех ухажеров... В первое же воскресенье после приезда мы пошли в Дил⁴ танцевать. Во время одного вальса я ей сказал, что чудесно танцует вальс, лучше всех, с которыми я когда-либо танцевал, — что, впрочем, чистая правда. Ну, слава богу, — воскликнула она, — что Тебе раз что-то у меня понравилось! Прямо покраснела от удовольствия. И потом говорила другим, что очень хорошо себя чувствовала, что я с ней танцевал и что, дескать, сразу заметно, что я приехал, так сразу и танцы и т. д. Понимасшь? А «стара»⁵ еще улыбочивее! А я в затруднении. Идти или не идти? Как-то запоздалой кажется эта симпатия. И все, что я делаю, все хорошо! Это уже столпотворение вавилонское, это уже что-то неслыханное! И грустно-задумчивая... И я не очень равнодушен, но все же рассуждаю довольно холодно...

Приезжай, Миша, на Петра⁶, если можешь. Представь себе: до обеда представление в Карпутлаше⁷, в 4 часа волейбольные состязания, вечером театр (пьеса, казачок, оркестр), а потом, вероятно, танцы! Что-то такое не часто встречается!

Вчера Петро⁸ и Мария⁹ обручились. У нотариуса. После Петра будет по-церковному. Вчера «паны» гуляли. Эта свадьба не обещает ничего интересного. Без музыки. Кирилл с Цилей и дальше водится, но счастье незаметно. Нет полного согласия, даже неполное отсутствует, как кажется.

Миша¹⁰ приехал, Хвуст — солдат на два месяца, Парфений и Поляня¹¹ понемногу холодеют. Парфений, а в последнее время очень усиленно — кто, думаешь? — Иван¹², за Олей посматривает. Тут, братец, жизнь интересная. Оля К. — за Мишей К.,¹³ но не за Грицем, а за моим. А он не рад этому.

Циля и остальная шпана Тебя поздравляют. Открытки вызвали большой эффект. Плиска¹⁴ заручена.

Я не получил отсрочки¹⁵. Подаю апелляцию. Возможно, что не свидимся в октябре.

На конкурс не пошлю. Теперь писать некогда, я очень занят программой¹⁶. Но это не беда.

Труднее дело с Олей, так как нелегко решиться.
До свидания!

Дима.

Дорогой Миша,

извини, что я немного опоздал с ответом, был я занят программой, а после этого немного поухаживал. Все вышло на редкость удачно, если опираться на впечатление публики, которая сошлась в рекордном числе, так что только 10-15 изян-селян мы могли впустить на спектакль.

Иван ¹, впрочем, послал сразу реферат в «Слово», не знаю, почему его не видно. Поинформируйся, если успеешь.

После пьесы следовали танцы. Публику в четверть первого нельзя было выгнать из зала. А можно лишь до одиннадцати! И отвечал за все единственно я. Но ничего, все прошло благополучно.

У нашей попадья была гуцулка Маруся ² из Бычкова ³, кончившая в Жевницах ⁴ пять (классов) гимназии. Очень симпатичная украинка, хорошая певица. Мы с ней все время пели дуо.

В среду после праздника мы пошли в Дил ⁵, там она себе очень серьезно ранила ногу, и я до вечера лечил ее, а после каждое утро купал ногу, чистил рану мындрой, заливал из-за неимения юдо-пороха тинктурой, потом прикладывал борную мазь и забинтовывал. Хотя она сама легко могла все это сделать, но пока я не пришел, и пальцем не трогала. Но ни разу ни чуть-чуть не скривила лицо! Твердая гуцулка! А рана была довольно большая. Я так сжился со своей хирургией, что каждый день проводил у нее.

Вчера она ушла, позвав меня в Бычков. Я еще не решил, стоит ли с ней теснее сближаться, неохота мне как-то связываться.

Рану я почти что вылечил, а сердце, кажется, невольно ранил. Чудесно танцует «Гониветер», на одной репетиции танцевала.

Наши барышни все против нее, что понятно.

Ольга мне осточертела, да и всем нам. Танцевал казачка я с Милей ⁶, а она с Гайдовом ⁷, хотя шпана хотела наоборот. Теперь Миля бы «ни с кем ни за что не менялась», говорит. С Олей я ни разу не танцевал, вообще не замечаю ее. На вечеринке она, как говорят, так как я не очень наблюдал ⁸ за ней, даже очень мало танцевала,— очень танцевала с березовским учителем, 28-летним Вурстой ⁹, и нравится он ей. Сла те господи, что нашла, хотя это не совсем на бетон. Играла она свою роль ужасно фальшиво, неестественно. Петрик и Марика поженились, из изянской интеллигенции

все не присутствовали, свадьба вышла скандальная, какая-то лакейская, даже и того хуже.

Наплевать. Кирилл Цилю учит, каждый день там, но Циля все еще наша.

Я со своей шпаной серенады пою, особенно во время пребывания гуцулки. Ей мы дали несколько, что не нравится мадмуазелям. Она еще придет на богородицу¹⁰. Я с ней так сблизился, что только объяснение осталось. Но объясняться мне неохота. Пускай они объясняются, если не могут выдержать, я довольно уже их любил и обожал — понапрасну. Пускай они за мной теперь плюются. Оля как-то сразу посерела. Мы даже не разговариваем с ней, то есть мы все, хотя и не ссорились, а так, надоела и готово. Совсем неожиданно.

Трудно всего описать, а сойдемся когда-нибудь, поговорим подробно.

Что с Лазарем? Шли его домой, а то пропадет.

До свидания!

Дима.

40. М. СИМУЛИКУ

Иза, 3. VIII. 1943.

Дорогой Миша,

завтра я с М. В. Кеминем, Федей и еще с кем-нибудь еду в Бычков. Ты, кажется, рану превратно понял: у меня никаких ран не имеется. Я писал, что, леча рану на ноге, опасюсь сердечных осложнений, хотя рана и не так опасна была. Эти слова я отнес к пациентке, а не к хладнокровному врачу.

Она уже два раза писала, чтобы мы приехали к ней. Писала не мне, так как я не очень спешу с переписками. Она не орлица, как Ты думаешь, а скорее горлица. Очень не любила коммунистов, но в Изе заявила, что если коммунизм то, что я утверждаю, то это очень хорошая вещь, она со всем согласна, кроме атеизма. Зараза, брат. Я боюсь, как бы и молодую нашу попадью не заразил коммунизмом.

Что касается барышень, то я решительно порчусь: чем дальше, тем меньше ими беспокоюсь, но тем больше с ними забавляюсь, не переходя, конечно, известную границу. Меня считают страшным «фиглярем», «ироником» и «непостоянным», что им не мешает, однако, проявлять гораздо больше интереса, чем тогда, когда я был «прямым» и «верным» трубадуром.

Да, брат Миша, прав наш Саша Пушкин, говоря, «чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей» — и наоборот. Оля тоже никак не равнодушна, хотя у нее гораздо больше тщеславия, ревности и зависти, чем истинного чувства. Да, Миша, приходится с большинством из них, и с большинством огромным, дурака валять, чтоб вызвать интерес и респект. А я умею дурака валять ... если нужно.

А свадьба обошлась без музыки и без нас. Никого не пригласили, слава богу, буквально никого. Если бы Ты слышал хоть часть острот, которые родила эта свадьба, то Ты бы заболел.

В понедельник мы повторили пьесу, расширив программу балалаечными номерами. Вышло, как всегда, хотя теперь не было никого из панов. Перед тем мы были в Березове¹, где здорово набили тамошним волейболистам, прошлогоднему «майстру», хотя выступили с двумя резервными. Старые рутинеры начинают говорить: «Что поделаешь, с изынами нам нечего равняться». И не только в волейболе, а и в театральном-музыкальном деле, в устройстве танцев и т. д.

Приезжай на богородицу, а то пожалеешь. У нас большие планы, и если паны не помешают, то мы их и исполним. Боюсь я только того, чтобы не прибыло уж слишком много публики, а то места не хватит.

С Лазарем я еще не виделся. Парфений все больше холодеет, переносит жар на Александру. Как она — еще не видно. Кирилла и Цилю почти что не видно, все время вместе, очень разгулялись. Циля худеет. Кундря имеет ухажера, теолога нашего, православного. Был тут. Высокий, и больше ничего не знаю о нем, так как сблизил не видал.

Итак, еду в Бычков, погуляю и опять за работу. Подготавливаем «Бурю над хатою», ведет теперь Качалова², я буду суфлером и дирижером. Теперь я веду все, что у нас является огромным трудом. Да, в понедельник буду дома.

До свидания!

Дима.

41. Д. ЛАЗАРЮ

Иза, 24. VIII. 1943.

Милый друг,
если б я теперь поехал к Тебе, Тебе бы незачем ехать к нам на богородицу. Нет вообще времени. Потом поеду, если опять не будем что-нибудь готовить, что весьма вероятно.

Потом увидим. Ты радуйся, что я дома, а не там, знаешь, где¹. Как-то не спешат. Привет Твоим родным, Марусе², Меленичу и Вучкану³.

Приезжай на богородицу — не пожалеешь.
До свидания!

Дима.

42. М. СИМУЛИКУ

Иза, 25. VIII. 1943.

Дорогой Миша,
прошение¹ в Будапешт я посылаю сегодня или завтра. Ты тоже не опаздывай, так как можешь быть уверен, что мы еще несколько месяцев посидим там. Война уже так скоро не кончится; хуже дело будет с бомбардировками. Военотсрочку я получил.

В Бычкове я чувствовал себя очень хорошо, мы его ожидали, и нас опять приглашают туда. Изяне — изяне.

Горлицу я, к сожалению, как мне кажется, подстрелил, хотя совершенно невольно, нехотя. Что ж поделаешь. Пишет мне, что в пятницу приедет сюда. Приезжай, увидишь.

Спортивный день и спектакль у нас будет наверняка, танцы едва ли. Трудно теперь устраивать танцы. Сегодня иду требовать, просить, но не думаю, чтобы позволили.

Недавно мне писала Юца², она не знает, что, как и когда надо посылать на деканат, даже бланка не имеет. Алица и Маргита³ на провинции. Об Алице я вспоминаю очень изредка, и то вскользь. Живу тем, что меня окружает.

С Олей мы опять в хороших отношениях, хотя нет ничего особенного, так как мне как-то неохота делать решительного шага.

Она кажется очень охотной, только жалуется, что я всегда был ее противником.

Теперь Тебе не буду много писать, Миша, так как ожидаю Тебя у нас, следовательно, поговорим устно обо всем.

Приезжай, не пожалеешь.

Если и не так выйдет, как бы я хотел, но все же будет кое-что.

До свидания!

Дима.

Иза, 20. IX. 1943.

Дорогой Миша,
письмо Твое я только что получил и сразу отвечаю: еду я в пятницу, так как уже пора привести дела в порядок.

Нечего слишком протягивать, да и — неинтересно, раз знаешь, что незадолго ехать нужно.

Целую прошлую неделю я был на работе с М. Кеминем, Мачкой, Вучканом¹ — поэтом и с инструментами. Поправляли мы дорогу от Изы до Вучковского², продвигаясь каждый день 8—10 километров. Днем работали и попевали, а вечером играли и тоже попевали. Можешь себе представить, как нас полюбили рабочие сотоварищи и те, у кого мы почевали. А шутки! Я страшно люблю коллективную жизнь, и тут мы жили ею, вместе работая, одно кушая, рядом спя и играя.

Вчера мы были в Селище³, где побили Цифрову⁴ команду и драговскую. Бьем всех. Потом были танцы до двух, затем путь домой, месячной ночью, с барышнями. Если бы не мы, изьянки и изьяне, то у них бы никакой забавы и не было. Зато и угостили нас ужином и пивом.

Связываться я не связываюсь ни с кем, так как еще не отвязался от этой проклятой пристаянки. «Ні любити, ні лишити», как говорит песня.

Гуцулка⁵ мне пишет, приглашает к себе, но нет ни времени, ни охоты. Гуцулка пишет, что очень хорошо себя чувствовала в Изе, только не знает, что имела и имеет против нее Оля, за что злится.

Я не знаю, в чем дело, и вот теперь они будут объясняться письменно.

Хорошо что уеду, уйду от Оли. Ревнует, ненавидит соперницу, наполовину считает своим, а поразумения никакого. Все тот же формализм, все те же предрассудки.

И как не осуждаю ее предрассудки и бездушие, — не любить ее не могу, пока я в Изе. Я человек с нервами, но уже мне ужасно надоело. Жаль, что она тут лучше.

Ваша пшана⁶, как вижу, позволяет себе оскорблять меня, называя «молодым фюрером». Я не хочу так сбламироваться, как «старый фюрер». Кроме того, какой бы чин я ни имел, перед ним всегда следует ставить букву т с точкой⁷.

Я спешу, так как нужно письмо отнести одному еврею, который завтра его пошлет Тебе.

Итак, я, а быть может, и Кеминь⁸, еду в пятницу.

До свидания!

Дима.

Р. С. На «Литальманах» я послал 50 пенгов, не знаю, почему не пишут о них. Реферат, который я послал вместе со списком пожертвователей, вышел.

Д.

44. М. КЕМИНЮ

Будапешт, 29. X. 1943.

Дорогой Миша,
что не пишешь?! Я Тебе два раза писал, совершенно напрасно. Ты знаешь, как мне интересны Твои письма.

Письмо ведь Ты получил от меня.

До сих пор я не имею ни малейшего понятия о том, что вы делаете, как живете, кто дома, кого нет, и т. д.

Я живу, как жил: читаю, читаю и читаю. Сажу себе в семинаре, шучу с барышнями и читаю. Хорошо вам теперь: осень чудесная, можно все время волейбол играть.

Передал Ты приветы всем? Давно я уже жду Твоего ответа. Пьеро¹ выпущен, но не знаю, где он. Тот, что мне деньги принес, арестован, и ничего о нем неизвестно.

Ты меня, Мишенька, послужи: попроси *Кундрю*², чтобы подтвердили, что мои старики живут в Изе. Образец я прилагаю. Потом выбери фотографии и пошли. Если у Тебя денег нет, попроси у стариков. Письмо шли *рекомандо*! Мо-нету мне не отдавай марками, пусть стоит. Тебе деньги нужны теперь. Получил Ты платню? Мне отец послал 34 пента. Что за деньги, спроси их.

Пиши, какой повый нотарь. Пиши все, что знаешь об изьянской жизни со времени моего отъезда.

Словачка³ тут, мы с нею по-хорошему, но ничего больше. Получили вы деньги за Селище?⁴

«Соню» я читал, такая дрянь, что хуже нельзя. Можно только оскандалиться. Ищите что-нибудь дома.

Это очень важно.

Итак, до свидания.

Дима.

45. РОДИТЕЛЯМ

Будапешт, 29. X. 1943.

Дорогі родичі,
дуже вам красно дякуву за пак, ані-м го так скоро не чкав.
Дуже добре ся придав, головоно хліб.

И гроші'м дустав, 34 пенге, айбо не знаву, що вто за гроші, я їх не просив¹. Аж мої, не бай, аж Ваші, та верну їх назад, бо я маву кулько-тулько гроши, обы ся убыйти.

Добре, що якось у Вас там иде діло, и у мене иде так, як того треба. Дорого всьо, дорого, айбо я много й не купуву.

Добра на Вас осінь, бо тепло тай сухо. За блоком ходіт фурт, идіт до нотаря, моркніт му дащось и за мене, та просіт.

Що діє Калинка?² Давно'м єї уже не видів. Десь через пудрога місяця ачей прийду дому.

Що так мало пишете, два-три слова, та готово. Най пише Мішка³, у нього малое письмо, а Вы диктуйте, бо для Вашого письма мало міста на одном папери.

Добре, що сте теї загнали, буду помалы варити.

Туй такой упуночи, ити бы помалы спати. Та дякуву Вам ище раз за пак и гроші, поздоровляву Вас обох, Анцю⁴, Калинку и других Цильовых⁵, Юру тютчиного, тютку, зятя.

Желаву Вам много щастя и здорovia.

Ваш Митер.

46. ТОВАРИЩУ-ПОДПОЛЬЩИКУ

Иза, 17. I. 1944.

Дорогой товарищ,

Ты бы хотел, чтоб я Тебе писал побольше, а сам ни черта не написал. Если так пишешь, то лучше оставь. Ты неизменным, несмотря на то, что время более чем серьезное.

Во-первых, Ты не сообщил, передал ли Ты привет офицеру и что он сказал.

Во-вторых, передал ли привет русалке и что она сказала. Ваша карандашная открытка не большое дело.

Теперь слушай: 1) не жалея денег и спишись со всеми настоящими людьми с Мукачевщины и Ужгородчины.

Только о том им пиши, что где Ты есть и что мы должны еще больше смыкаться. Чтоб Ты был постоянно с ними в контакте.

2) я непрямо вступил в контакт с людьми из апуаорszág¹, и мы будем действовать так, как велит ситуация, а не как мы хотим, т. е.

3) Наша работа будет политической и только может быть военной; нам нужно готовить народ и самим в нужное время взять в руки администрацию.

4) Твою вещь я отправляю домой на сохранение, так как она требует немало свободного времени и является горючим материалом; подождет.

5) Сообщи адрес твоей милой, возможно, что придется через нее списываться.

6) С приближением решения борьба обостряется, нужно быть очень осторожным, особенно в переписке.

7) Не сообщай в письме никаких имен вообще, т. е. из наших.

8) О важных вещах сообщай осторожно, о любовных обширно.

Я боюсь за это мое письмо, но надеюсь, что оно еще пройдет безвредно. Постарайся как-нибудь встретиться со мной при первой возможности.

О русалке своей не забывай. Она может играть важную роль — почты.

Я спешу теперь, так как Мошка идет в Хуст и отнесет сие писание. В другой раз напишу и о любви моей, хотя теперь я совсем свободен.

Тут за нами следят, но еще все идет хорошо: мы знаем все.

Не забудь исполнить, что нужно!

До свидания!

Митя.

47. М. СИМУЛИКУ

Иза, 10. II. 1944.

Дорогой Миша,

не могу я пока ехать, так как я не из тех, которые оставляют начатое дело. Моя болезнь ничтожная, но в субботу и в воскресенье представление, а Ты уезжай в Пешт! Черта с два, братец, пускай не записывают, свободнее работать буду¹.

Знаешь, если мотыга не выстрелит, так такого представления у нас еще не было.

Где Ты был, что ничего не писал? Там², наверное, как бывало. Оля теперь не выступает, так как она живет в Хусте, в греко-католическом интернате. Я и не жалею.

Алицы нет еще? Если есть, передай привет и скажи, что не приеду. Очень возможно, что так и будет. Если вы меня не запишете и не выхлопочете мензу³, я едва ли приеду. Хотя приеду, все равно, за платьем, если есть оно еще⁴. Так спешу, Мишенька, надеюсь, свидимся, рассказывать будет о чем.

Оросу⁵ я дал нужные указания. Пишите сразу, когда станет ясно, пойдет или нет⁶.

От изьян привет, читай «Слово».

До свидания!

Дима.

P. S. Привет всем коллегиням и коллегам!

Д.

48. М. КЕМИНЮ

Будапешт, 7. III. 1944.

Дорогой Миша,
жалко, что Ты не описал подробнее происшествие. Хотя и так хорошо.

Лишь бы уже этот Максим¹ двинулся, или же Гриць².

Что касается Зеленька³ и Мачки, то мое мнение таково: Зеленька может спокойно записаться в артисты, так как он, во-первых, кончил гимназию, во-вторых, ничего серьезного не делает теперь, разве что на сцене, а в-третьих, несомненный талант.

Мачке совсем не советую! Вот почему:

1) Человек, который имеет возможность окончить гимназию, однако не воспользуется этим, — *не интеллигент*. Сначала кончить начатое и только потом браться за другое. Может быть, *где-то* гимназия не так важна, но *у нас* — да.

2) Скажу прямо, откровенно: он никогда не будет выдающимся артистом! А средним быть, по-моему, совсем не стоит.

3) Он бесспорно одаренный парень, и если найдет свою *настоящую* дорогу, очень много хорошего может принести и коллективу, и себе. Но не на сцене! Может быть, он за эти слова на меня смертельно рассердится, но все же я буду откровенным, как был и до сих пор. Собственно, я его даже не удерживаю от театра, и даже возможно, что известную роль он очень удачно бы сыграл, но пусть не следует по стопам Гайдова⁴, Микрофона⁵ и Золия⁶, которые уже теперь раскаиваются.

Он *не смеет* поступать необдуманно, так как он уже *ис сам свой*.

Подождите меня, потом обсудим.

Рассчитайтесь с Качаловой. В чем дело? Директором не беспокойтесь. Я с ним буду разговаривать. Но едва ли мы будем на пасху играть. Мачке скажи, что теперь пока есть *более важные* дела, чем театр, от них будет зависеть сущность и форма нашего театра и что его присутствие в Хустской гимназии нужно *не только* из-за науки. Думаю, не нужно распространяться⁷.

Домой передай — почему не пишут и когда мне пошлют оставшееся белье. Получили ли ботинки.

Тут дела ничего. Виктора взяли⁸. Я жив и здоров, работаю. Что касается сердечных дел, то опять разгорается «красная» страсть. Но только внутри, без внешних проявлений. Она особенно. Как-то не хочется пойти на открытую.

Не забывай, что я Тебе писал в предыдущем письме. И Мачке припоминай. Пускай Вас не пугает происшедшее. Но рассуждайте. Ни трусов, ни пустоголовых нам не нужно.

Адрес Лазаря не забудь: очень важно мне знать его.

Если Мопка⁹ не идет, пусть сразу шлет Мишке¹⁰ *крестный лист!* Или же станет излишним.

Передай искренний привет нашим артисткам и артистам, и другой шпане.

До свидания!

Дима.

49. М. СИМУЛИКУ

Мараморош-Сигет, 15. IV. 1944.

Дорогой Миша,

если вернешься назад в Будапешт, то побеспокойся и о моем индексе¹ и о моих работах. О моем индексе беспокойся так, как о своем. Если почта и в дальнейшем не будет принимать посылки, то все же каким-то способом перешлите мои вещи.

Миша, попроси от Буглита — 24, от Ровны (Немецкая улица, 9, 2 этаж) — 36, от супругов Фабиан Левке² (улица Андраши, 7, 3 этаж) — 10, от Михаила Турка³ (в интернате) — 10 пенге, одолженных мной денег. Половину собранных денег отошли в Изу на мое имя, а остальные держи при себе наготове.

17-го, 18-го и 19-го будет суд. Объяви о моем отсутствии руководству левентов⁴.

Отец мой помер в конце марта. Я только спустя десять дней об этом узнал. Дома очень тяжелое положение.

Тебе могу писать по-мадьярски обо всем, кроме моего дела. Пиши, что нового в семинаре.

Поздравляю всех вас. Тебя, твоих родителей, братьев и сестер, а в Пеште — Алицу, Олю⁵, Юдику, Маргиту, Блажену, Лоллиату, Марту⁶, Петра⁷, Микулу⁸, Васю⁹ и других.

Дима.

Дмитрий Вакаров, студент университета, Мараморош-Сигет, тюрьма при прокуратуре.

Перевод с венгерского

50. М. СИМУЛИКУ

Мараморош-Сигет, 5. V. 1944.

Дорогой Миша,
благодарю за письмо, которое мне принесло много радости, особенно одна его часть. Алица, как видно, решила, но совсем поздно, мы уже никогда не встретимся. Если будешь писать ей, то передай от меня сердечный привет. Благодарю и за то, что стараешься о моих делах. Если когда-нибудь встретимся, то отплачу тебе за заботу. Из дому не получил ни письма, ни белья, ни еды, хоть и писал, и передавал со многими. Поинтересуйся и Ты, что там. Последний раз Мильке¹ я писал. И Ты ничего не пишешь, где находятся мои вещи, потому что нужно было бы чистое белье, мыло, зубная и головная щетка, зубная паста, полотенце, около десяти открыток, записная книжка. Если у Тебя мои вещи, то вышли мне то, что я перечислил, а если нет, то напиши, где они, и пришли открытки и записную книжку.

Дорогой Миша, Ты можешь писать чаще, чем я, потому что мне разрешается писать приблизительно два раза в месяц. Или напиши письмо. Можешь писать про все, кроме моего дела.

Я уже после суда... Я здоровый (нет у меня никакой болезни), не болею². Привет Твоим родителям, брату Дмитрию и сестре Оле. Пиши чаще, побольше про нее.

До свидания!

Дмитрий.

Р. С. Пошли также крем «Нивеа» или другое что-нибудь подобное. Не посылай почтой, а принеси в Изу, оттуда принесут сюда.

Д.

Перевод с венгерского

51. М. ШПИЦЕР Д. ВАКАРОВУ

Иза, 28. IX. 1942.

Дорогой друг!

Письмо Твое изволило дойти до моих рук. Спасибо за него. Я пока еще дома, но призыв в солдаты уже находится в моем распоряжении. 5. X. должен явиться в Szombathely¹. Если смогу, напишу потом оттуда. Но сомневаюсь, чтобы нашла возможность писать оттуда по-русски. Говорят, что корреспонденция из лагеря в лагерь проходит через цензуру

и что можно писать только по-мадьярски. Так не знаю. Теперь нахожусь в перманенции². Приготовляюсь.

Жалко, что нам не удалось встретиться перед Твоим отъездом. Ты упрекаешь меня, но я также не виноват. Ты говорил мне прежде, что подождешь до понедельника. Должен был сказать, что уезжаешь в субботу. Или, по крайней мере, должен был в субботу сказать у нас, что уезжаешь и чтобы я зашел к Тебе. Но Ты у нас ничего не сказал. Откуда я мог знать, что Ты в субботу уходишь? А Твое-де навязывание без нужды³ не может никаким образом относиться ко мне... Впрочем, ничего. Не простились, то, надеюсь, скоро свидимся.

Ответ на мое прошение, посланное в Ужгород, последовал. В каком смысле он звучит, не нужно и спрашивать. Гавел⁴ постоял за себя, значит, нужно подождать с матурой. И в лагерь идти. И все ничего бы: и холод, и голод, и работа, но одного боюсь — изолированности от нашего мира. Ты подумай, что значит не получить в руки русское печатное слово. Если бы, по крайней мере, было возможно переписываться с вами, но и это сомнительно. Насчет работы в солдатах, то не знаю, насколько благоприятно будут расположены музы ко мне. Надеюсь, что работа не застрянет. Если будет Тебя навещать «Слово», то я очень просил бы Тебя, Дима, сохранить номера, в которых выйдут мои вещи. Если только возможно это, понимается. Сохраненные газеты Ты мог бы передать у нас дома в ближайший приезд. Да, в субботнем номере «Слова», который Ты не мог получить, был сонет Маеслава⁵ «Жажда» и первая половина рассказа Чендея⁶ «Звоны звонят». Был уже и его конец. Рассказ хорош.

Посылаю Тебе *еврейский текст «Войте, ветры»*^{*7}. Пишу фонетически, точно так, как мы выговариваем. «Балалайку»⁸, как Ты знаешь, я сам желал бы знать. Никто ее в целости не знает. Может быть, кто-то из сожителей в лагере будет ее знать. В этом случае я пошлю Тебе дополнительно. А слов танца, что Титус⁹ играл, я также не знаю, к сожалению.

Будь добрый, передай Кириллу, что книгу Я. К.¹⁰ я передал его родителям.

Уезжаю из дому в воскресенье после обеда и в понедельник утром буду в Будапеште. Если нужно долее ждать дальнейшего поезда, то можешь ждать моего посещения.

Передай привет шпане, в частности Кириллу, Продану и Симулику, если он уже там. Мы ничего о нем не знаем.

* Подчеркнуто М. Шищером.— *Примеч. сост.*

Да, не забудь спросить Продана о Марте¹¹. Потом напишешь мне его мнение.

С искренним приветом и до свидания!

Мойсей.

52. ПЕТАР ВРБАШКИ Д. ВАКАРОВУ

Кулпин, 10. II. 1943.

Дорогой Митя!

Я получил давно уже Твое второе письмо, но не знал, где Ты, в Б. П.¹ или дома. Ты мне не писал ничего об этом, когда приедешь в Б. П., я Тебе раньше не писал.

Вчера, когда я получил Твою карту², Поляк³ был у меня, но мы тотчас не отвечали потому, что у меня было молодое, веселое общество — девушки и мальчики. Ах, если бы Ты видел, как сербски⁴ поют русские песни и танцуют казачок!

Я не знаю, как выглядит мое писание и мой русский язык, но оно мне стоит немного⁵ труда и все-таки не могу все хорошо написать, что хочу и как думаю, однако верю, что этим способом лучше всего учусь по-русски. Конечно, лучше бы было, если бы имел с кем говорить.

Дорогой Митя, Ты не знаешь и не понимаешь, что значит за меня⁶ русский язык. Ты можно, кроме женщин, не любил никого. Я печален и грустен за русским языком, потому что не могу его слышать и говорить. Но все-таки он мне друг.

Дорогой Митя, я не поэт, чтобы знал все сказать, что чувствую. Совсем понимаю Тургенева, когда сказал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!». Он мне теперь тоже поддержка и опора...

Об этом и обо всем мы еще поговорим. Мы до сих пор и не говорили почти ничего, но все-таки я узнал Тебя.

Ты знаешь, что я не имею работы в Б. П. и для того я не спешу. Поляк тоже! 1. III. приедем! Тебе нужно теперь поискать *Horvata Pal'a*⁷, я ему дал одно письмо за Тебя.

Я думаю, что теперь Тебе хорошо! Хорошо чувствуешь себя! Шлю привет Алице и Юце!

Тебе желаю всего лучшего!

До свидания!

Петр.

ПРИМЕЧАНИЯ

История публикации произведений Д. Вакарова ярко освещает обретение писателем антифашистом, патриотом новой жизни, высокого советского гражданства.

При жизни Д. Вакарова, в 1940—1944 гг., в закарпатской периодике опубликовано 67 стихотворений (отдельные перепечатывались), рассказ, фельетон, две этнографические записи. Из-за отсутствия в условиях хортистско-фашистского режима демократических изданий Д. Вакаров, как и другие прогрессивные литераторы края, для общения с читателем, для формирования его общественного мнения вынужден был использовать буржуазную печать. В частности, он выступал на страницах газет «Русская правда», «Русское слово», чаще всего в «Карпаторусском голосе». Благодаря прогрессивно настроенным сотрудникам (И. Керча, Д. Лазарь, И. Комлоший), на страницы этих реакционных изданий, выходивших в Ужгороде, иногда прорывались патриотические, даже антифашистские произведения. Реакционные издатели и цензура ставили преграды, часто не пропускали в печать буптарские произведения, конфисковали самое смелое слово, в лучшем случае искажали текст. Чаще всех такая участь подстерегала Д. Вакарова (об отклонении стихов цензурой нередко встречаем сообщения в «Почтовом ящике»), а на своевольные исправления текстов поэт неоднократно отвечал гневным протестом.

В годы Советской власти в Закарпатье литературное наследие Д. Вакарова обретает новую жизнь. Оно изучается, публикуется в печати, издается. Так появляются книги, которые все полнее представляют литературное наследие писателя: «Избранные стихи» (Ужгород: Закарпат. обл. изд-во, 1955, с. 88), в пер. Д. Павлычко на украинский язык — «Вибрані поезії» (К.: Молодь, 1957, 76 с.), «Избранное» (Ужгород: Закарпат. обл. кн.-газ. изд-во, 1963, 248 с.; сост. И. Л. Хоменко), «Избранное» (Ужгород: Карпати, 1970, 296 с.; сост. И. Л. Хоменко), а также массовое издание поэзий в миниатюрном оформлении «Удар за ударом» (Ужгород: Карпати, 1980, 196 с.; сост. Д. М. Федака; тексты напечатаны параллельно — в оригинале и в пер. Д. Павлычко на украинский язык).

В основу данного издания положены заботливо собранные и изученные составителями сохранившиеся рукописи Дмитрия Вакарова, черновые наброски, прижизненные публикации его художественных произведений. По ним восстановлены подлинные тексты, нередко печатавшиеся в сокращенных, местами измененных вариантах, уточнены даты написания. При составлении книги учитывались послевоенные издания и публикации произведений Д. Вакарова, мера использования их отражена в «Примечаниях».

Принципы построения издания. Литературное наследие Д. Вакарова систематизировано и размещено соответственно жанровым разновидностям и формам, в отдельных разделах. В пределах каждого из них произведения подаются в хронологическом порядке (с сохранением авторской формы обозначения дат их создания), в тех случаях, когда даты отсутствуют, ориентировочно восстановленные нами подаются в скобках.

В «Примечаниях» указываются источники, по которым печатаются тексты (если рукопись — где хранится и какие варианты известны), отражаются первые прижизненные публикации произведений Д. Вакарова, а также характер и формы послевоенных публикаций (как и ранние, они поданы в уточненном виде), существующие их варианты. Дополнительно делается ссылка на тексты первого издания, а при необходимости и последующих. Ранее допущенные сокращения нами восстановлены в соответствии с оригиналом; в случаях, когда имеется несколько вариантов стихотворений, существенные различия также приводятся в «Примечаниях» (отдельные строки, строфы, целые тексты). Указываются иногда лица, которые выявили и сохранили ту или иную рукопись Д. Вакарова. Расшифровываются также упоминаемые в материалах Д. Вакарова персоналии, географические наименования, отдельные факты, выражения.

Говоря о таком объеме и формирующемся на апробированных принципах издании, с благодарностью отмечаем ту теплую заботу, с которой на протяжении многих лет разыскивали, собирали и хранили рукописи произведений Д. Вакарова и другие материалы, связанные с его жизнью и творчеством, Д. В. Лазарь (им, ближайшим другом Д. Вакарова, сохранены важнейшие автографы), П. В. Линтур, А. О. Олексик-Вакарова, М. В. Кеминь, М. Д. Попович, В. А. Сочка, В. В. Гайдю (Галас), К. И. Галас, И. В. Жулан, М. В. Симулик, С. И. Панько, П. М. Антолик (Плиска), В. А. Сабов, И. М. Чендей, Н. И. Сирко, Петар Врбашки, И. Л. Хоменко, Е. Д. Довганч, В. С. Поп. Представленные ими материалы в значительной мере легли в основу предыдущих изданий и максимально использованы в настоящем. Эти люди были первыми исследователями и популяризаторами творчества писателя-борца, прокладывали ему дорогу в современность. Следует отметить пристальное внимание к творчеству Д. Вакарова писателей М. Стельмаха, Д. Павлычко, Л. Тендюка, К. Ваншенкина, Б. Харчука, М. Рубашова, П. Скунца, В. Басараба, В. Фединишица, В. Пагири, научных работников О. Килимника, Б. Бурияка, И. Вишневого, В. Микитася, Ю. Балегу, П. Лисового, А. Мишанича, И. Ильницького, И. Сенько, В. Логойды, Н. Лембака и др.

Особо следует вспомнить о кропотливой работе инициатора и фактического составителя первого издания Д. Вакарова «Избранные стихи» — Михаила Поповича, который, возвратившись из концлагеря, где находился вместе с Вакаровым, как моральный долг перед светлой памятью павших в борьбе, как их завещание носил в душе эту идею.

Заслуживает доброго слова участие в подготовке текстов предыдущих изданий Д. Вакарова писателей В. И. Ладыжца (он редактировал первый сборник Д. Вакарова «Избранные стихи», а позднее его «Избранное», 1970), П. Н. Скунца — редактора «Избранного» (1963), которое стало этапом в освоении наследия Д. Вакарова (разделы «Проза», «Письма» были новыми), В. С. Басараба — редактора книги воспоминаний «Я навіки прийшов у життя» (сост. Е. Д. Довганч).

Редакционная комиссия выражает благодарность за помощь, оказанную в подготовке издания материалами и советами, сестре поэта А. О. Олексик-Вакаровой, И. Ф. Комлошику, В. В. Гайдю (Галас), родным П. В. Линтура и С. И. Панько, писателю Д. В. Павлычко, докторам наук А. В. Мишаничу, В. В. Нимчуку, кандидатам филологических наук В. И. Лаверу, С. В. Мишаничу, научным работникам Закарпатского краеведческого музея.

В издании сохранены характерные особенности языка Д. Вакарова, который свои произведения писал на русском языке. В силу

своего революционного сознания поэт не втягивался, к его чести, в разжигаемые буржуазными идеологами языковые споры. Не отрицая украинского литературного языка, не умаляя значения диалекта, говора, его право на существование, Д. Вакаров с гордостью заявляет в письме от 25 апреля 1942 г., что русский язык должен каждый знать, «кто хочет считать себя, собственно, кто хочет, чтобы его считали интеллигентом».

Тяготение Вакарова и его собратьев по перу к русскому языку, как и ориентация на Восток, были унаследованы от передовых писателей-просветителей Закарпатья XIX века, во главе которых стоял Александр Духнович, и их последователей.

Эта ориентация в условиях фашизации политической жизни края, социального и национального гнета со стороны иностранных поработителей, которые всячески старались выбить из сознания трудящихся Закарпатья чувство кровного единства с Советской Украиной и братской Россией, была, безусловно, своеобразной формой протеста и борьбы за освобождение и воссоединение с матерью-Отчиной.

Несомненно сравнительно хорошее знание Д. Вакаровым русского языка. Если учесть, что русский язык Д. Вакаров, как и большинство его товарищей-литераторов, изучал главным образом в атмосфере изоляции от живой языковой стихии, становится очевиден его подвиг и простиительны встречающиеся недочеты, книжные лексемы, обороты, некоторая неточность в употреблении слова и в ударении. Д. Вакаров — колоритная творческая личность и в языковом спектре, что не всегда и не во всем учитывалось в предыдущих изданиях.

Чувствуется умение молодого писателя успешно подчинять языковые «ресурсы» творческим задачам. Ориентацией на рукописи, стремлением сохранить в издании лексические и стилистические особенности языка Д. Вакарова обусловлены отдельные слова и стилистические формы, которые по тем или иным причинам «выбиваются» из нормативного современного литературного языка (они выносятся и объясняются в конце книги в словаре). В текстах сохранены диалектизмы, которые автор вводит особенно активно в прозаические произведения и фольклорно-этнографические записи не только в форме отдельных слов, но и целых фраз, отрывков. Д. Вакаров мастерски использует народный говор, главным образом родного села Изы, откуда происходят герои его произведений.

В употреблении диалектизмов живой разговорной речи в русском тексте Д. Вакаров ориентировался на лучшие литературные традиции Н. Гоголя, В. Короленко, М. Шолохова, произведения которых хорошо знал.

В предыдущих изданиях встречается разноречивость в принципах передачи языковых особенностей, исправление текста, подгонка диалектизмов то под литературную норму, то под невыразительный говор.

В этом издании соблюдены определенные языково-правописные принципы.

С целью передачи диалектных особенностей, преимущественно в речи героев, сохраняются в текстах Д. Вакарова такие местные формы написания:

а) твердое окончание в глаголах третьего лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени (трощит, бжит, робит, видит, идут, падут);

б) «ы» в словах типа — таких, сліды, ты, бы, быв, плывут;

в) уканье (ун, гуд, вуз, нуч, докунчено и т. п.);

г) окончание «-е» в глаголах первого лица множественного числа настоящего времени (сидиме, чуеме, дрижиме);

д) окончание «-ву» в глаголах первого лица единственного числа настоящего и будущего времени (знаву, поміряву, дякуву, поздоровляву, провандруву);

е) окончание «-и» в словах типа: очи, (в) радости, марности;

ж) диалектные формы: местоимений — ня, тя, го, і, ти, впи (соответственно: меня, тебя, его, ее, тебе, они), существительных, прилагательных женского рода в творительном падеже (світлыв бідов);

з) написание литературных источников соответственно названию оригинала («Карпаторусский голос», «Литературна недѣля»).

Исправления сделаны в отдельных случаях. Прежде всего, когда писатель стремится передать в транскрипции диалектное произношение.

а) устранено смягчение согласных в словах типа «світ», «смія-тися», «последний»;

б) «э» в обозначении твердого произношения в диалекте заменяется на «е» (сэсь, энтэлэгэнты);

в) «ѣ» передано через «е» или же «і»;

г) «ъ» в конце слов опущено (это, как и «ѣ», употребляется автором в ранний период творчества);

д) в специфических фонетико-диалектных формах слов в позициях с предыдущим открытым слогом заменены буквы е на с (типа знаеш — знаещ, маеш — маещ), и на і (типа твои — твоі и производных еи — еі). В окончаниях глагольных форм второго лица единственного числа настоящего времени употребляемый автором мягкий знак опущен.

Заметно стремление Д. Вакарова в авторской речи придерживаться православных норм современного литературного языка, употребленные диалектизмы брать в кавычки. Он последовательно пользуется современной орфографией и орфоэпией.

Язык его выдержан с ориентацией на русский литературный (в пределах владения им).

Диалектизмы, малоизвестные слова объясняются в отдельном, помещенном в конце книги, словаре.

Издание значительно разнообразнее, богаче всех предыдущих как тематически, так и жанрово-стилистически. Это вызвано стремлением восполнить тот пробел, о котором в свое время упоминал М. Стельмах, преклоняясь перед мужественной судьбой и талантом поэта-борца: «... есть еще немало несобранных ранних произведений Вакарова у его друзей и знакомых. И эти произведения нужно с любовью собрать и с любовью донести до людских сердец».

Отдельные части составили: разделы «Поэзия» — М. В. Симулик, В. А. Сочка, В. С. Поп, И. Л. Хоменко; «Рассказы. Фельетоны» — В. С. Поп, В. А. Сочка; главы раздела «Дополнение»: «Письма» — М. В. Симулик, И. Л. Хоменко; «Фольклорно-этнографические записи» — В. С. Поп; «Записная книжка» — Е. Д. Довганич, В. А. Сочка; «Студенческая тетрадь» — В. А. Сочка; «Объяснение слов и выражений» — В. С. Поп, М. В. Симулик.

Примечания подготовили — В. С. Поп (вводная часть; к разделам «Поэзия», «Рассказы. Фельетоны», к главе «Фольклорно-этнографические записи»); М. В. Симулик (к главе «Письма»); В. А. Сочка (к главам «Записная книжка» — в соавт.; «Студенческая тетрадь»); Е. Д. Довганич (к главе «Записная книжка» — в соавт.).

Фотоиллюстративные материалы подобрали А. О. Олексик-Вакарова, И. Л. Хоменко, В. С. Поп, В. А. Сочка.

Отчизне («Ты — моя вера...»). Печатается по первой публикации — «Из тетради стихов Дмитрия Вакарова» в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 26 октября; в изданиях впервые появилось в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 24. В Закарпатском краеведческом музее * хранится авторский черновик стихотворения.

Мечты («Тебя когда вспоминаю...») ... Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура, где имеется и вариант этого стихотворения «Грезы».

Марианна. Печатается по книге «Избранное», 1963, с. 14. Впервые опубликовано в газ. «Русская правда», 1940, № 38 от 23 февраля, потом в кн. «Будет день» (Хуст, 1941, с. 30); в послевоенное время — в пер. Д. Павлычко на украинский язык в кн. Д. Вакарова «Вибрані поезії», 1957, с. 69—70; в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 14. Рукопись одного из наиболее ранних вариантов стихотворения находится в ЗКМ. Отличаются варианты незначительно.

Марианна — Марианна (Мария) Цех, юношеское увлечение Д. Вакарова, с которой он поддерживал связь во время обучения в Пражской русской гимназии и в первые месяцы после возвращения его в период фашистской оккупации Чехословакии и Закарпатья в Изу, ее — в родной поселок Буштино в Закарпатье.

Весенняя тоска. Печатается с уточнением даты по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 53 от 26 июля и № 31 от 13 мая 1942 г. (Стихотворение отклонялось буржуазной цензурой осенью 1940 г. и в начале 1942 г.). В послевоенное время впервые напечатано в пер. Д. Павлычко на украинский язык в кн. «Вибрані поезії», 1957, с. 67—68, в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 16. Один из черновых вариантов стихотворения хранится в домашнем архиве П. В. Линтура.

«Люблю гулять в глухих местах...» Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 74 от 8 октября (перепечатано в «Карпаторусском голосе», 1942, № 4 от 21 января), в послевоенное время — в «Избранном», 1970, с. 233. Печатается по первой публикации.

И ты — Родина моя. Печатается по автографу, хранящемуся в фондах ЗКМ. Впервые опубликовано в сокращенном виде под заглавием «Родина моя» в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 65 от 3 сентября, в изданиях Д. Вакарова — «Избранное», 1963, 1970 — с. 17.

Сентябрь 1939 года. Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября и в альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 40 с примеч. М. Поповича; в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 62, по которому печатается.

Песни льются. Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 63—64.

Иза («Иза русская, православная...»). Печатается по автографу, хранящемуся в фондах ЗКМ. Впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 198—199 (в сокращенном виде).

* Далее подается также сокращенно — ЗКМ. (Фонды художественных произведений, писем Д. Вакарова в ЗКМ составляют рукописные тетради и отдельные автографы стихотворений, найденные и переданные Е. Д. Довганичем, И. М. Чендеем, И. Л. Хоменко, М. В. Симуликом, В. В. Гайду (Галас).) — *Примеч. сост.*

Раковский — И. И. Раковский (1815—1885), писатель, журналист и общественный деятель Закарпатья, пропагандировавший русский язык и литературу, выступавший против денационализации украинского населения края. Похоронен в с. Изе.

Звезды. Печатается по первой публикации в газ. «Карпато-русский голос», 1942, № 32 от 16 мая. В «Избранном» (1963) стихотворение печаталось с пропуском двух последних стрóf, которые в «Избранном» (1970) подавались в «Примечаниях».

К милой. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпато-русский голос», 1941, № 69 от 23 сентября. В послевоенное время впервые опубликовано в пер. П. Скунца на украинский язык в газ. «Закарпатська правда», 1980, 2 февраля; в оригинале — в настоящем издании.

«Ну, куда же ты рвешься, безумное сердце?..». Печатается по черновой рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. Впервые опубликовано в «Избранном», 1970, с. 234.

«Взвирая на стихов своих помятые листы...». Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура.

Тебе. Печатается впервые по записи В. С. Басараба от И. В. Гайдю, которому Д. Вакаров записал это стихотворение в тетради.

Буря («Пляшет дикая стихия...»). Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 72.

«...Звучат как-то грустно...». Печатается по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура (в одном из вариантов имеется заглавие «Морской волк»). Впервые опубликовано в «Избранном», 1970, с. 208.

«С жалься ты надо мной...». Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся в ЗКМ.

«Я видел сон, прелестный сон...». Печатается впервые по рукописи, хранящейся в ЗКМ.

К В-ой. Публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура.

«Вот совет тебе сердечный...». Стихотворение печатается по черновому наброску, хранящемуся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано под названием «В альбом В.» с примеч. В. В. Линтур и И. М. Сенько в альм. «Сонячий годинник», 1976, с. 138.

«...Я вчера так безумно желал...». Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Стихотворение свидетельствует о сложности формирования реалистических принципов Д. Вакарова, испытавшего на раннем этапе некоторое влияние натурализма.

Мать. Печатается с уточнением даты по автографам, хранящимся в фондах Закарпатского краеведческого музея, а также у В. А. Сочки. Впервые опубликовано в газ. «Карпато-русский голос», 1940, № 58 от 30 июля (повторно — 1941, № 54 от 29 июля), в послевоенное время в пер. М. Петренко на украинский язык с примеч. И. П. Вишневанского в журн. «Жовтень», 1962, № 7, с. 103, в оригинале — в «Избранном», 1970, с. 237—238.

П. м. б. ж. следует читать: «Посвящаю моей будущей жене».

Прелюдии. Имеются три рукописных варианта стихотворения — хранящийся в ЗКМ, у В. А. Сочки и в домашнем архиве П. В. Линтура, по которому печатается. Впервые опубликовано по одному из

ранних вариантов в сб. «Будет день» (Хуст, 1941, с. 31), в послевоенное время — в «Избранном», 1970, с. 209.

Лица — Елизавета Кривская, ученица Хустской гимназии.

Исповедь («Ох, помню, как ты трепетала...»). Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура.

К Марии III. Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 42 от 4 июня. В послевоенный период впервые представлено в пер. Д. Павлычко на украинский язык в кн. «Вибрані поезії», 1957, с. 62, в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 205.

Буря («Разыгралася стихия...»). Печатается по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 69 от 18 сентября (позднее — в № 62 от 21 августа 1941 г.). В послевоенное время в сокращенном виде опубликовано в «Избранном», 1963, с. 206; 1970, с. 211. Развивает мотив одноименного стихотворения.

Сон. Печатается по черновой рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 80 от 30 октября. В послевоенное время печатается впервые.

София — София Плиска, ученица младших классов Пражской русской гимназии, окончившая учебу в Хустской гимназии.

Певцы. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 18 от 5 апреля, в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 24, по которому печатается. Ранний вариант стихотворения хранится в домашнем архиве П. В. Линтура. В рукописи его посвящение: «Шлеядцам».

Круговорот. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 42 от 14 июня. В послевоенное время впервые напечатано в «Избранном», 1970, с. 23 (без последней строфы).

Пробуждение. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 5 от 21 января. В послевоенное время впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 24.

Проклятье. Печатается по черновой рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 16 от 10 марта в несколько измененном виде. В послевоенное время печатается впервые.

Очи карие. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 81 от 5 ноября. В послевоенное время печатается впервые.

Отчизне («Грустишь ли, я тяжко вздыхаю...»). Печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. Впервые опубликован текст, адекватный автографу, в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 45 от 14 июня; в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 207 (без посвящения).

Д. Лазарь — друг Д. Вакарова на протяжении многих лет, начиная с Пражской русской гимназии, уроженец соседнего с Изой с. Александровки (в то время Шандрово) Дмитрий Васильевич Лазарь.

К ней. Печатается по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 51 от 19 июня. В послевоенное время впервые опубликовано в пер. Д. Павлычко на украинский язык в кн. «Вибрані поезії», 1957, с. 66, в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 25.

Песня («Подожди, не спеш...»). Публикуется по первоначальному тексту — в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 18 от 8 марта. В послевоенное время впервые напечатано в «Избранном», 1970, с. 235.

Я пришел. Печатается по первой публикации — в газ. «Кар-

паторусский голос», 1941, № 40 от 31 мая. В послевоенное время подавалось Д. Павлычко в пер. на украинский язык — в кн. «Вибрані поезії», 1957, с. 63.

Сальдо («...И в детстве ласки я не знал...»). Публикуется по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура, которая в сравнении с первопечатным вариантом («Избранное», 1963, с. 212) полнее. По рукописи установлена дата написания стихотворения (в «Избранном», 1963, дата была под вопросом). В другом черновом варианте имеются такие заключительные четверостишия:

Любви я жаждал идеальной,
Какой-то новой, неземной,
И в жизни пошлой и печальной
Искал предмет любви святой.

Искал я много во всем мире...
Одни страдания нашел...
О них пою на грустной лире,
Пока закат мой не пришел...

В. Горемыка — литературный псевдоним закарпатского поэта Ивана Юрьевича Керчи.

Уныние. Печатается по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1940, № 71 от 27 сентября; за послевоенное время подается впервые. Черновой вариант рукописи стихотворения без заглавия хранится в домашнем архиве П. В. Линтура. В первопечатном тексте, близком к автографу, в четвертой строке пятой строфы вместо последнего слова «паразитов» поставлено многоточие... Выразившееся в этом стихотворении минутное угнетенно-унылое настроение, такое нехарактерное для мировоззрения и творчества Д. Вакарова, в данном случае вызвано литературными влияниями, личными неудачами в любви и особенно предчувствием усложнения политической обстановки в Европе, над которой нависли ступившиеся тучи фашизма.

М а р а м о р о ш с к а я м а й с к а я н о ч ь. Печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 34 от 10 мая, несколько позже в том же виде в «Карпаторусском голосе», 1942, № 21 от 5 апреля; в послевоенное время — в «Избранном», 1970, с. 218—219 (без первой строфы, которая перенесена в «Приложение», и без указания даты написания). В первой и последующих публикациях стихотворение печаталось с «Посв. Ольге». Установлена по рукописи дата написания стихотворения.

Ю. К.—Юлия Корж, ученица шестого класса Хустской гимназии. Звезды и очи. Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура, текст которой адекватен первой публикации в «Карпаторусском голосе», 1942, № 9 от 14 февраля. В послевоенное время впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 26.

В посвящении подразумевается Ольга Юрьевна Пристая, односельчанка Д. Вакарова, в то время ученица Хустской гимназии. Ей поэт посвятил ряд своих стихотворений, ее упоминает и в письмах.

В мире звезд и бездн. Впервые стихотворение опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 84 от 15 ноября, вторично на протест Д. Вакарова против своеговольного искажения текста редакцией и по его требованию помещено в «Карпаторусском голосе», 1941, № 87 от 29 ноября, по которому печатается. В послевоенное время подавалось в изданиях Д. Вакарова, начиная с «Избранного», 1963, с. 208.

Завет. Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Первая публикация — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 21 от 5 апреля; в послевоенное время печатается впервые.

Мы. Печатается по первой публикации — в газ. «Молодь Закарпаття», 1963, 22 марта с примеч. И. Л. Хоменко «Поет пескорсної юності». В изданиях Д. Вакарова — «Избранное», 1963, с. 27; 1970, с. 38 стихотворение подавалось в сокращенном виде (вместо пяти четверостиший — три).

Косари. Печатается по авторской рукописной тетради, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 28 с сокращениями и изменениями.

«Мне жалко напрасно потерянных лет...». Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 19 от 25 февраля, в послевоенное время — впервые.

Первая любовь. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 65 от 10 сентября. В послевоенных изданиях («Избранное», 1963, с. 30; 1970, с. 31) печаталось в сокращенном виде (с пропуском третьей строфы).

«Кто знает судьбы предрешенные?..». Печатается впервые по рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Это стихотворение относится к периоду, когда Д. Вакаров еще не нашел активных форм борьбы с фашизмом. В нем поэт отозвался на острые политические события того времени, исход которых не мог до конца постичь, чем и объясняется выразившийся пессимистический тон произведения.

Кинешь в зором. Печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. В изданиях стихов Д. Вакарова («Избранное», 1963 и 1970) печаталось в сокращенном и измененном виде (в рукописи десять строф, в изданиях — восемь).

Консонанс («Кто жил без веры, упования...»). Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в газ. «Русское слово», 1942, № 36 от 13 мая, в послевоенное время — в пер. В. Лучука на украинский язык («Жовтень», 1962, № 7, с. 103), в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 33.

Есть ли? Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 26 от 25 апреля, в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 35, по которому печатается в настоящем издании. В первопечатном варианте стихотворение имеет пять строф. Последние три звучат так:

И полюбить горячо, беспримерно,
Быть верной подругой всю жизнь без возврата?
Бывали такие, хоть редко чрезмерно,
Но есть ли сегодня, в эпоху разврата?
О я бы ее, как богиню, прославил,
Всю душу пред ней бы раскрыл,
Ей замок из грез и идей бы поставил,
И к высшему счастью ей путь бы открыл!
В этом замке волшебном была бы царицей,
Я был бы ее трубадур,
И слава была бы ей верною птицей,
Как слава Джиоконды...

Я бы желал.. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 1 от 7 января. В послевоенное время в сокращенном виде (только вторая строфа, начинающаяся словами «О, если б ты была мне вечно недоступной...») впервые публиковалось в «Избранном», 1963, с. 36.

Посвящено ученице Хустской гимназии Елизавете Кривской.

«...И душа моя неясно ...». Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся у В. С. Попа.

Две бездны. Печатается по рукописи, хранящейся у М. В. Симулика. Впервые опубликовано под заглавием «Две вещи» в «Избранном», 1963, с. 216.

Консонанс («Когда настроенной гитары...»). Печатается впервые по рукописи, хранящейся у М. В. Симулика.

Ольга П. — имеется в виду Ольга Приста.

Проблески. В домашнем архиве П. В. Линтура имеются идепичные черновой и чистовой варианты стихотворения, по которым печатается. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 9 от 10 февраля (с обозначением даты и места написания — «Иза, 1941»), перепечатано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 36 от 26 июня, в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 29. Дата написания уточнена нами по рукописи.

Дикая роза (По Гете). Печатается по рукописям, хранящимся в ЗКМ и в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в газ. «Русское слово», 1942, № 82 от 21 октября.

К неизвестной подруге («Милая, милая девушка...»). Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ (в домашнем архиве П. В. Линтура имеется черновой вариант стихотворения, близкий к чистовому). Впервые напечатано в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 77, где публиковались только первые две строфы без заглавия, по начальной строчке «Милая, милая девушка...».

Очи («Очи, волшебные очи...»). Печатается по черновому автографу из рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. В первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 83 от 25 ноября по вине редакции стихотворение было присоединено к произведению «Синь». По поводу этого своеволия автор выразил протест редакции газеты. Соответственно первой публикации включено в стихотворение «Синь» в «Избранном», 1963, с. 39—40; 1970, с. 39—40. В «Избранном», 1970, с. 231 в разделе «Первые публикации» подавалось и как отдельное стихотворение без указания месяца и даты написания.

Синь. Печатается по чистовому автографу, хранящемуся в Закарпатском краеведческом музее, по которому уточнена и дата написания. Близки к нему неполные тексты черновых рукописей стихотворения, находящиеся в домашнем архиве П. В. Линтура и В. А. Сочки. В первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 83 от 25 ноября к нему по вине редакции было присоединено стихотворение «Очи» («Очи, волшебные очи...»). По этому поводу (за своеволие и искажение текста) Д. Вакаров выразил редакция свое недовольство. В послевоенных изданиях («Избранное», 1963, с. 39—40; 1970, с. 39—40) стихотворение «Синь» печаталось в сокращенном виде по первой публикации (с ее погрешностями).

«Мне кажется, что я здесь жил когда-то ...». Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура (сохранилось два похожих черновых варианта). Впервые опубликовано с примеч. В. В. Линтур и И. М. Сенько в альм. «Сонячній годишник», 1976, с. 137—138) в несколько измененном виде.

О жизни! Ты — миг... Печатается по первой публикации — в «Избранном», 1963, с. 13. В домашнем архиве П. В. Линтура имеется черновой автограф стихотворения, в котором вдвое больше строк, представляющих интерес для изучения начального периода творчества поэта:

ся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые в сокращенном виде опубликовано по черновой рукописи в «Избранном», 1970, с. 206—207. В автографе имеется тринадцать строф (все пронумерованы). В указанном издании опущены строфы 7—13-ая.

В далеком будущем. Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

«И поэзию, музыку, сказки ...». Печатается впервые по черновой рукописи, хранящейся у М. В. Симулика.

«Как больно верить в земное ...». Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Впервые опубликовано в «Избранном», 1970, с. 50. В другом варианте (обнаружен в фондах ЗКМ) имеется заглавие «К...», иная расстановка строф и новое предпоследнее четверостишие:

В снега ушедшие просторы
Меня зовут...
Но ваши горестные взоры —
Не уведут.

Это одно из ранних стихотворений, написанное в период глобального наступления фашизма, после захвата гитлеровскими войсками столицы Чехословакии Праги и хортистскими гонимыми родного края Д. Вакарова — Закарпатья, что и отразилось на выраженном в произведении настроении.

«Если нету огня, ты не пылай ...». Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 73, по которому печатается.

Другу. Впервые опубликовано в сб. «Избранные стихи», 1955, с. 73. Печатается по этому изданию.

Небесные очи. Имеются два близких автографа (в ЗКМ и в домашнем архиве М. В. Симулика), по которым печатается. В послевоенных изданиях («Избранное», 1963, с. 46; 1970, с. 45) стихотворение подавалось в сокращенном и искаженном виде.

Слезы («Слезы бессильные...»). Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 47, по которому печатается.

Что я люблю. Имеется три рукописных варианта стихотворения: первый — в фондах ЗКМ (от 9 января 1941 г.), второй — в домашнем архиве П. В. Линтура (от 9 января 1941 г.), третий — в архиве сестры поэта А. О. Олексик-Вакаровой (датируется 1940 г.). Существенных отличий в вариантах нет. Печатается по более позднему варианту рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура — от 9 января 1941 г. Впервые опубликован под названием «Что я люблю» ранний стихотворный вариант в газ. «Русское слово», 1942, № 23 от 25 марта, а также в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 76 от 31 октября. Две первые строчки в четвертой строфе:

Люблю я сердце непокорное —
Свободный дух —

были сняты цензурой в газ. «Карпаторусский голос» от 31 октября 1942 г., о чем имеется в одном из автографов отметка поэта. Впервые в послевоенное время стихотворение опубликовано Е. Д. Довганичем в журн. «Україна», 1954, № 16, с. 11 с предисл. «Пісні непокірного серця» О. В. Килимника. В кн. «Избранные стихи», 1955, с. 75 стихотворение напечатано в сокращенном и значительно изме-

пенном виде (вместо пяти строф три). В «Избранном», 1963, с. 109 и 1970, с. 104 стихотворение перепечатывалось без заглавия (с начальной строчкой «Алмаз мне очень нравится...»).

Весною (Из Гейне). Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 32 от 6 апреля; в послевоенных изданиях — в «Избранном», 1970, с. 225.

Мольба. Впервые произведение опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 19 от 24 марта. Имеется (без заглавия) неполный текст стихотворения в черновом варианте, хранящемся у М. В. Симулика. Печатается по первой послевоенной публикации — «Избранное», 1963, с. 47.

«Зачем я без любви люблю ...». Печатается по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 6 от 31 января; в послевоенное время впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 44.

Неизвестной подруге («Где ты, знакомка?..»). Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 38.

Удар за ударом. Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 66—67. Четвертая строфа печатается впервые по машинописной копии рукописи стихов Д. Вакарова, подготовленной в 1954 году Закарпатской организацией Союза писателей Украины (хранится в фондах ЗКМ).

«Утром и в сумерки ясные ...». Печатается впервые по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. В этом стихотворении наблюдается переход поэта к углубленному осмыслению природы и человеческого бытия, о чем свидетельствуют подобранные антонимы и их написание с прописных букв.

Карпатское утро. Печатается по рукописи, хранящейся у М. В. Симулика. Впервые опубликовано в газ. «Русское слово», 1942, № 26 от 5 апреля (повторно — в «Литературном альманахе», Ужгород, 1943, с. 9), в послевоенное время — в журн. «Костер» (СССР, Прага), 1946, № 2, с. 29, в изданиях — в «Избранном», 1963, с. 216—217; 1970, с. 221—222. В настоящем издании дата установлена по автографу.

Бокораша. Печатается по хранящейся у В. А. Сочки рукописи, о которой он впервые написал в статье «Неизвестные рукописи Д. Вакарова» (газ. «Карпати и газ со», 1984, 7 января). Произведение представляет собой неоконченную поэму. Впервые опубликовано с примеч. В. С. Басараба «И зорко путь свой наблюдают...» (газ. «Молодь Закарпаття», 1985, 30 марта). Имеется также черновой вариант, состоящий из пяти строф, в рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура.

Вечерние думы. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 9 от 10 февраля. В послевоенных изданиях («Избранное», 1963, с. 41; 1970, с. 41) стихотворение печаталось в сокращенном виде (восемь строк вместо восемнадцати).

Мои силуэты. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 10 от 10 февраля. В послевоенное время печатается впервые.

А. В. Духнович. Печатается по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 29 от 19 апреля. В послевоенное время опубликовано в пер. В. Фединипинца на украинский язык (газ. «Радянська Верховина», 1980, 1 ноября; с. Межгорье Закарпатской обл.), в оригинале — впервые.

А. В. Духнович (1803—1865) — прогрессивный закарпатский писа-

тель, педагог, культурно-просветительский деятель, в творчестве которого ярко выражены идеи патриотизма, единения Закарпатья с матерью-Отчиной — Украиной и Россией.

Новые люди. Печатается по рукописи, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Под названием «Изяне» (Марш) в ЗКМ имеется вариант стихотворения, по которому установлена дата написания.

И за в майскую ночь. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 21 от 5 апреля. В послевоенное время подается впервые.

Посв. Ольге — Ольге Пристае.

«Россия, мать родная...». Печатается впервые по черновой заготовке, хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура.

Незванный гость. Печатается по первой публикации в альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 43—44. Начиная с первого издания произведений Д. Вакарова («Избранные стихи», 1955, с. 68—69), стихотворение включалось во все книги поэта. В настоящем издании добавлена предпоследняя строфа по первой публикации.

Триолет («Когда я музыку внимаю...»). Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 68 от 3 октября, в изданиях Д. Вакарова — в «Избранном», 1963, с. 57, по которому печатается.

Слезы («Слезы невинные, перлы бесценные...»). Имеются два идентичных автографа стихотворения (в ЗКМ и в архиве В. А. Сочки), по которым печатается. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 26 от 24 апреля, в изданиях — «Избранное», 1963, с. 45; 1970, с. 44 (подавалось в сокращенном и измененном виде без заглавия) с начальной строкой «Слезы невинные, перлы бесценные...». В ЗКМ хранится и вариант стихотворения «Слезы» со следующими последними строками:

Тем, что сегодняшний мрак озаряете
Светлым и чистым огнем,
Думать о жизни меня заставляете
И о народе моем.
Слезы бессонные, слезы обильные,
Вы завладели душой.
Горькие слезы, но слезы всеисильные —
Слезы Отчины родной.

Ольге («Оля, Оля, сколько горя...»). Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 68 от 3 октября. В предыдущих изданиях Д. Вакарова, начиная с «Избранного», 1963, с. 70, стихотворение подавалось в сокращенном виде (два катрепа вместо пяти).

Родине («О Родина моя, народ мой горемычный...»). Печатается по рукописи, хранящейся в Закарпатском краеведческом музее. Впервые опубликовано, близко к рукописи, в журн. «Україна», 1955, № 28, с. 11 Е. Д. Довганичем с предисл. «Пісні непокірного серця» О. В. Килимника; без заглавия — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 36, где текст начинался строкой: «О, край Карпатский, край мой горемычный». В последующих изданиях Д. Вакарова стихотворение публиковалось в несколько сокращенном и измененном виде под заглавием «Родине».

Сердце. Печатается по чистовому автографу, хранящемуся в фондах ЗКМ. В первом черновом варианте (от 22. X. 1941 г.), хранящемся у В. А. Сочки, во второй строчке второй строфы вместо «все

от 5 декабря, в пер. П. Н. Скунца на украинский язык в газ. «Закарпатська правда», 1980, 2 февраля.

Смотри. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпато-русский голос», 1942, № 4 от 24 января.

Моя Родина. Печатается по рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в кн. «Избранное», 1963, с. 43.

Вьюга. Печатается по кн. «Избранное», 1963, с. 20. Впервые опубликовано в сокращенном виде (без последней строфы) в Хустской райгазете «Сталинське слово» («Ленінська правда»), 1955, 15 сентября, чуть позже — в газ. «Закарпатська правда», 1955, 8 октября Е. Д. Довганичем. В фондах ЗКМ имеется черновой автограф стихотворения, в котором после второй находим такие строфы:

Мать на постели лежит безгласно,
Бредит, бедняжка, в жару.
Кто ей поможет, несчастной,
В зимнюю пору, всем злу.

Двое малюток, покрытых тряпицами,
С ужасом диким в глазах —
То вдруг заплачут, то зарыдают,
А слезы все льются в кровать.

«Мамочка, милая мама, хорошая
Мамочка, есть мы хотим!»
Мать их не слышит... Лишь вьюга с порошею
Тихо доносится к ним.

Боже всеведущий! Где ж сожаление?
Где же мирская любовь?
Ты ль беззащитным одно упование,
Ты ли спасешь бедняков?

«Немного лет пройдет ...». Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 32. В черновой рукописи стихотворения, хранящейся в ЗКМ, имеется следующая строфа:

Немного лет пройдет,
и люди быстро, смело
В межзвездный мир
попынут, как орлы.
О, мне туда, туда всегда хотелось,
Где нет банкиров, панства
и тюрьмы.

Будет день! Впервые опубликовано в альм. «Радянське Закарпаття», 1952, № 1, с. 40 с примеч. М. Д. Поповича, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 39, по которой печатается.

«Хочу я звонко, полнозвучно...». Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 30.

Леса. Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 29.

Присяга. Печатается по кн. «Избранные стихи», 1955, с. 27—28. В первой публикации — в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 26 октября дан несколько иной вариант, в частности начальных строк:

По полям, лесам и горам,
где ни кинешь взором —
Всюду горе и нужда,
слезы и беда.

Ходит в горах всюду голод,
бродит лютый холод.
На душе одна печаль —
мне народа жаль.

М а й. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 37 от 6 июня. В послевоенное время впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 222.

О ль г е («Олька, ты царица моих сновидений...»). Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Вначале стихотворения в рукописи и в первопечатной публикации («Карпаторусский голос», 1943, № 8 от 3 февраля) имеется обращение «Олька». В послевоенных изданиях впервые представлено в «Избранном», 1970, с. 232.

М е ч т ы («Всегда один...»). Печатается по автографам, хранящимся в фондах ЗКМ и у В. А. Сочки. Стихотворение известно в нескольких вариантах. Наиболее ранние относятся к 22. XII. 1940 г. Впервые напечатано в «Избранном», 1963, с. 71. Под названием «Всегда один...» имеется рукопись варианта стихотворения с той же датой — 10. II. 1942 г. В нем отдельные строчки имеют различное звучание. Так, в первой строфе третья и четвертая строки звучат:

Всегдазираю к небесам,
Стремлюсь душой в весьмир просторный.

Блуждаю взором к небесам,
Лечу душой в весьмир просторный.

В предпоследней, пятой, строфе вторая строка имеет редакцию: «Прославить солнце и полет».

В одном из автографов есть такая третья строфа:

Взлететь, как сокол сизокрылый,
Навстречу Млечному Пути,
Оставить шар земной, унылый,
Любовь в весьмир перенести!

С м о т р и ш ь ... Печатается по автографам (хранятся в Закарпатском краеведческом музее и у В. А. Сочки) с установлением даты написания. Впервые опубликовано в газ. «Русское слово», 1943, № 34 от 2 мая, позже — в «Литературном альманахе» (Ужгород, 1943, с. 9—10), в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 218—219; 1970, с. 223—225 с пропуском третьей строфы.

М о е й и з б р а н н о й. Как совет, печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. Впервые опубликовано в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 78 в сокращенном виде.

«Озеро сонными плещет волнами ...». Печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 34 от 18 июня. В послевоенное время печатается впервые. Рукопись стихотворения поэт подал редактору готовившегося в 1942 г. сб. «Теплый хлеб» Е. Д. Балецкому. В автографе находим такую пометку автора: «Примеч. Подчеркнутые начальные буквы прощу печатать толще. Это акrostих. Д. В.».

«Гармония — моя стихия ...». Печатается впервые по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Вторая строфа стихотворения, имеющаяся в черновой рукописи поэта, включалась во всех предыдущих

изданиях Д. Вакарова в стихотворение «Люблю тебя, мой край при-вольный...».

Весна. Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 27 от 29 апреля, в послевоенный период — в этом издании.

Друзьям-поэтам. Впервые опубликовано под заглавием «Нашим поэтам» в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 21 от 5 апреля, в послевоенное время — в «Избранном», 1963, с. 74, по которому печатается.

Нет. Печатается по рукописи, хранящейся у В. А. Сочки, и по первой публикации в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 50 от 25 августа. В послевоенные издания не включалось. В домашнем архиве П. В. Лингура обнаружен черновой вариант стихотворения с небольшими отличиями. Например, вторая строфа в нем звучит так:

Это иззянка, верная телом-душой,
Посвятившая жизнь и труды для народа,
Коллективный принявшая жизненный строй,
Полюбив настоящую жизнь и свободу.

Триолет («Весне — волшебнице веселой...»). Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 23 от 6 апреля, в послевоенное время — в пер. Д. Павлычко на украинский язык в кн. «Вибрані поезії», 1957, с. 71, в оригинале — в «Избранном», 1963, с. 75, по которому печатается.

Пригча о чудотворном маляре. Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ.

Впервые представлено в пер. В. Федипишинца на украинский язык в сб. «Віщій вогонь» (с. 16—17). Является пародией на Гитлера.

«Весь мир — это краски и тоны ...». Печатается впервые по черновому наброску, хранящемуся в фондах ЗКМ.

«Сущность весьмира — одна ...». Печатается впервые по черновому наброску, хранящемуся в фондах ЗКМ.

«Встанем, карпатские братья...». Печатается по рукописи, хранящейся в Закарпатском краеведческом музее. Впервые опубликовано в сб. «Избранные стихи», 1955, с. 85 в сокращенном виде; в «Избранном», 1970, с. 258—259 полный текст стихотворения приведен в «Примечаниях».

А. С. Пушкину. Печатается по черновой рукописи, хранящейся в ЗКМ. Впервые опубликовано (под названием «А. С. Пушкину») с сокращением последних двух строк в «Літературній газеті», 1955, 17 февраля с примеч. Е. Д. Довганича; в газ. «Закарпатська правда», 1962, 10 февраля с примеч. И. Л. Хоменко. В изданиях появилось впервые в сокращенном виде в «Избранном», 1963, с. 76 под тем же названием «А. С. Пушкину», в автографе — «На смерть А. С. Пушкина».

Мое творчество. Печатается впервые по автографу, хранящемуся в фондах ЗКМ. Впервые опубликовано в пер. Л. Тендюка на украинский язык в журн. «Україна», 1958, № 5, с. 25.

«Я сердцем чувствую и верю ...». Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

Думы. Публикуется по автографам, хранящимся в фондах Закарпатского краеведческого музея и у В. А. Сочки. Впервые напечатано в «Избранном», 1963, с. 78.

Гитара. Печатается по рукописям, хранящимся в Закарпатском краеведческом музее и у В. А. Сочки (близкий черновой вариант). Впервые опубликовано в газ. «Карпаторусский голос», 1943, № 8 от 3 февраля, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 81—82. В книгах стихов Д. Вакарова пропущена предпоследняя строфа («Туда бы, где сердце мое...»), включенная в настоящее издание; во второй строфе вместо «миллионной глуши» напечатано «многолюдной глуши».

Чайка. Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Впервые опубликовано с предисл. «Пісні непокірного серця» О. В. Килимника Е. Д. Довганичем (близко к рукописи, но без последней строфы) в журн. «Україна», 1955, № 26, с. 11, в изданиях Д. Вакарова — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 25—26, где в третьей строфе заменено «семьей однолитной» на «семьей монолитной». В автографе стихотворения между второй и четвертой строфой имеется четверостишие (ниже приводим его) с зачеркнутой автором последней строчкой, которую восстановить не удается:

Тираны, тираны, наступит пора,
Когда мы сурово за все рассчитаемся
И ваши следы затереть постараемся.

В черновом варианте рукописи последние строки звучат так:

Как чайка смертельно добитая,
Так ты, моя Родина, кровью залита,
С надеждой глядишь
на багряный Восток.

Многим. Печатается впервые по автографу, хранящемуся в ЗКМ. Черновой вариант стихотворения, очень близкий к чистовому, хранится у В. А. Сочки. Впервые опубликовано с примеч. «Неопубликований вірш Д. Вакарова» И. Л. Хоменко в газ. «Закарпатська правда», 1963, 30 мая. В «Избранном», 1963, с. 91 дано в сокращенном виде.

В одном из автографов имеется такая последняя строфа:

Так споем же мы «память» вам «вечную»,
«Вечный покой»,
И с любовью простой, поперечною
Спихнем на гной.

Ужасной красавице. Печатается по автографу, хранящемуся в ЗКМ. Первая публикация — в «Избранном», 1963, с. 93.

Так трудно... Имеются два автографа стихотворения, хранящиеся в ЗКМ. По более полному варианту печатается впервые. В предыдущих изданиях отсутствовала вторая строфа. Первая публикация стихотворения — в газ. «Русское слово», 1944, № 31 от 16 апреля, в послевоенное время — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 83.

Родное. Печатается по рукописи, хранящейся в Закарпатском краеведческом музее. Текст чернового варианта, который находится у В. А. Сочки, почти совпадает с вышеупомянутым. Впервые в сокращенном виде стихотворение опубликовано без названия в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 84 (с начальными словами «Родные Карпаты, родные долины...»).

«Один, всегда один, как тополь среди поля...». Печатается по адекватным рукописям, хранящимся в ЗКМ, а также

у М. В. Симулика. В первой публикации — в «Избранном», 1963, с. 223 стихотворение печаталось в сокращенном (без последних трех стрóf) и в немного измененном виде.

Бунтари. Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября и почти одновременно в альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 39 с примеч. М. Д. Поповича, по которым печатается. В изданиях (начиная с кн. «Избранные стихи», 1955, с. 23) печаталось без последней строфы, которая добавлена в настоящем издании по первопечатным текстам.

К отцу. Впервые опубликовано под рубрикой «Из тетрадки стихов Дмитрия Вакарова» в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 26 октября, в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 43 с примеч. О. В. Килимника; в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 48—49, по которой печатается.

Наш путь. Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября и в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 41 с примеч. О. В. Килимника, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 50, по которой печатается.

Инвалиды. Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 51. В черновой рукописи, хранящейся в ЗКМ, стихотворение имеет следующий вариант:

Просят помочь инвалиды
На казенных костылях.
Сердце плачет от обиды,
Горечь на глазах.

Ныне плечи их в заплатах,
Ноги в постолах.

Много, много их в Карпатах,
Кто без рук, а кто без ног.

За буржуев, за богатых
Вились на чужих полях.

Не помогут им магнаты,
Не поможет бог.

Не жди! Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября и в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 41 с примеч. О. В. Килимника, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 62, по которой печатается.

Песня («Сложили мы песню...»). Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября и в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 42 с примеч. О. В. Килимника, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 53, по которой печатается.

Вперед! Впервые опубликовано в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 43 с примеч. О. В. Килимника, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 55—56, по которому печатается.

«Люблю тебя, мой край привольный ...». Печатается по первой публикации — в сб. «Избранные стихи», 1955, с. 80.

«Алмаз мне очень нравится ...». Печатается по кн. «Избранное», 1963, с. 109. Впервые опубликовано в такой редакции в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 75. Стихотворение развивает и углубляет мотив, известный из досоветской печати и с автографа под названием «Что я люблю». Настоящий текст в значительной мере имеет самостоятельное значение.

Строят... Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября и с примеч. М. Д. Поповича в альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 40—41, в изданиях — «Избранные стихи», 1955, с. 31, по которому печатается. В первом варианте заключительные строчки последней строфы звучали так:

Лесоруб кулак сжимает
И готовит он топор.

Я бью пером! Печатается по кн. «Избранные стихи», 1955, с. 34. Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября под названием «Изменнику».

Мой товарищ. Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября и почти одновременно в альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 39 с примеч. М. Д. Поповича, в журн. «Советская Украина», 1954, № 12 с примеч. О. В. Килимника; в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 32, по которой печатается.

Над лесами гомон птичий. Впервые опубликовано в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 42 с примеч. Д. М. Поповича, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 37, по которой печатается.

Голодный поход. Впервые опубликовано под заглавием «Забастовка» в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября, почти одновременно в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 42 с примеч. М. Д. Поповича, в журн. «Советская Украина», 1954, № 12, с. 41 с примеч. О. В. Килимника. В изданиях произведений Д. Вакарова, начиная с кн. «Избранные стихи», 1955, с. 41—42, печаталось под заглавием «Голодный поход». Печатается по изд. 1955 г. с добавлением заключительной строфы по машинописной рукописи, подготовленной в 1954 г. Закарпатской организацией Союза писателей Украины.

Жандармы. Впервые опубликовано в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 41 с примеч. М. Д. Поповича, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 43, по которому печатается.

Лесорубы. Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября, в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 39—40, с примеч. М. Д. Поповича, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 45, по которой печатается. В черновом варианте, хранящемся в ЗКМ, а также в первопечатных текстах последняя строфа звучала так:

Вы о чем поете песни
На откосах синих гор?
— О свободе мы заводим
Песни с давних пор.

Ренегаты. Впервые опубликовано под названием «Ренегаты» в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 26 октября и почти одновременно в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 42—43, с примеч. М. Д. Поповича. В изданиях Д. Вакарова стихотворение имело название «Паутина». Подается по первоначальному тексту.

«Отдает уже гнилью могильною...». Начиная с первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 40, печаталось в сокращенном виде во всех изданиях произведений Д. Вакарова. Имеются автографы стихотворения, хранящиеся в ЗКМ, по одному из которых печатается, с добавлением второй—пятой строф. Первая строфа в черновике стихотворения имела вид:

Засмердел уже гнилью могильною
Безобразно раслухший живот...
С жизнью пошлой, горбатой, бессильною
Мы сведем окончательный счет.

Время настанет. Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября. Печатается по «Избранному», 1963, с. 64.

«В крови захлебнулся мир старый ...». Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 61. Вторая его строфа — отзвук заключительных строк стихотворения «Шорьвы», которое, как и первое, представляется не вариантом, а самостоятельным.

Не будет! Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 65, с добавлением второй строфы по машинописной рукописи стихов Д. Вакарова, подготовленной в 1954 г. Закарпатским отделением Союза писателей Украины (хранится в фондах ЗКМ).

Мстители. Впервые опубликовано в газ. «Закарпатська правда», 1954, 3 октября, в изданиях — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 70, по которым подается текст.

Из хат выходят на просторы ...». Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 57.

Все сами возьмем! Печатается по первой публикации — в кн. «Избранные стихи», 1955, с. 59—60.

Рассвет. Впервые опубликовано в газ. «Советское Закарпатье», 1954, 3 октября и в лит. альм. «Радянське Закарпаття», 1954, № 1, с. 38—39 с примеч. М. Д. Поповича, в журн. «Смена», 1955, № 12, с. 17 с примеч. А. Роготченко. В пер. Д. Павлычко на украинский язык (Вакаров Д. Вибрані поезії, 1957, с. 63) опубликован более ранний вариант стихотворения, взятый из досоветской периодической печати, — под заглавием «Я пришел...» (газ. «Карпаторускый голос», 1941, № 40 от 31 мая), мотив которого развивает «Рассвет». Печатается по изданию «Избранное», 1963, с. 119.

РАССКАЗЫ. ФЕЛЬЕТОНЫ

Иван Прокуп. Печатается по рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура (черновой вариант у В. С. Попа). Впервые опубликовано в измененном в языковом отношении виде в «Избранном», 1963, с. 123—126; перепечатано в «Избранном», 1970, с. 117—121.

Где счастье? Печатается по черновой рукописи в тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в несколько измененном виде в «Избранном», 1963, с. 127—128; перепечатано в «Избранном», 1970, с. 122—123.

Большая перемена. Печатается по рукописной тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. Впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 129—130; перепечатано в «Избранном», 1970, с. 124—126. Юмореска, имеющая жанровые черты фельетона.

Купер, Тейлор — популярные в свое время американские киноактеры.

В Карпатах. Печатается по черновой рукописи в тетради «Жизнью и фантазией», хранящейся в домашнем архиве П. В. Линтура. В настоящем издании учтены отдельные моменты первопечатного варианта. Впервые опубликован в газ. «Карпаторускый голос», 1940, № 76 от 15 октября, № 77 от 18 октября, № 78 от 22 октября; в послевоенное время в несколько измененном виде печатался в сб. произведений студентов Ужгородского госуниверситета «Голоси молодих» (Ужгород, 1961, с. 61—64, с примеч. М. В. Симулика «Кілька творів Д. Вакарова» и обозначением жанра — «Очерк»), в «Избранном», 1963, с. 131—136; 1970, с. 127—133.

Красна — полонина в Межгорском и Тячевском районах.
Теребля — горная речка, протекающая по территории Межгорского, Хустского, Тячевского районов, впадающая в Тису.
Колочава — село в Межгорском районе.
Горинчево — село в Хустском районе.
Драгово — горное село в Хустском районе.
Вовцары — горное ущелье в районе с. Драгова Хустского района.
Вульшаны — Ольшаны, горное село в Хустском районе.
Мерешул — Мерешор, село в Межгорском районе.
Лазы — хутор с. Колочава Межгорского района.
Богатыри. Печатается по черновой рукописи в тетради «Жизнь и фантазия». Впервые опубликовано в несколько измененном в языковом отношении виде в «Избранном», 1963, с. 137—141; перепечатано в «Избранном», 1970, с. 134—139.

Дил — название горы возле с. Изы.

Майдан — село в Межгорском районе.

Рика — название реки, протекающей по Межгорскому и Хустскому районам, через с. Изу; впадает в Тису.

Любовь гимназиста. Неоконченный рассказ, впервые опубликован в «Избранном», 1963, с. 132—148, в настоящем издании печатается по черновой рукописи в тетради «Жизнь и фантазией». Текст рассказа сверен с автографом.

О литературе и о Кобыле. Фельетон. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1942, № 9 от 14 февраля, № 11 от 21 февраля. В послевоенное время с некоторыми изменениями и купюрами помещен в «Избранном», 1963, с. 161—163; 1970, с. 163—166.

В первопечатной публикации чувствуются купюры, искажение, а также перестановка отдельных мест в тексте.

Унгвар — венгерское официальное название г. Ужгорода в досоветский период.

Черт Иванович — имеется в виду литературный редактор газеты, белоэмигрант Н. Левицкий, который, как и многие другие сотрудники буржуазной печати, часто произвольно искажал тексты художественных произведений прогрессивных писателей, чем неоднократно в письмах возмущался Д. Вакаров и за что объявлял редакции протест.

«... хвост (под который ей дадут)...» — автор намекает на то, что скоро такие меценаты литературы, как адресат Левицкий, получат свое: Закарпатье будет освобождено. Об этом Д. Вакаров говорил в письме к Д. Лазарю от 23 ноября 1942 г.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Активное увлечение Д. Вакарова фольклором и этнографией выразилось в дошедших до нас записях. Большинство их сделано писателем (судя по деталям изложения и диалектным особенностям языка) в его родном селе. Сюда относятся записи: «Свадебные обычаи», «Рассказы об упырях», «Цыган в анекдотах» (последние два в 1941 г. были опубликованы).

Особое место среди фольклорных записей Д. Вакарова занимают песни. В Закарпатском краеведческом музее хранятся именуемый нами «Песенник». Это тетрадь небольшого размера и объема — 26

страниц с надписью на чешском языке «Словарь чешского языка». Первые четыре страницы занимает чешско-русский словарь. Начиная с пятой страницы, густо, убористым почерком (химическим карандашом и черными чернилами) Д. Вакаровым записано 55 популярных в народе песен фольклорного и литературного происхождения. Все пронумерованы римскими цифрами, куплеты — арабскими. Обнаружены еще три песни, каждая на отдельном листе. Записи сделаны в 1936—1938 гг. — на русском, украинском, чешском и сербохорватском языках.

Из песен литературного происхождения дооктябрьского и советского периодов записаны «Зимний вечер» А. Пушкина, «Парус», «Бородино» М. Лермонтова, «Реве та стогне Дніпр широкий» Т. Шевченко, «Коробушка» («Коробейники») Н. Некрасова, «Верховинець» («Верховино, світку ты наш...») М. Устияновича, «Широка страна моя родная» («Песня о Родине») В. Лебедева-Кумача, «На закате ходит парень» («И кто его знает...») М. Исаковского, «По долинам...» («По долинам и по взгорьям») П. Парфенова, «Полюшко-поле» («Полюшко») В. Гусева. Судя по некоторым существенным признакам, песни записаны не с печатных текстов, а с голоса исполнителей (некоторые, возможно, с патефонных пластинок).

Большинство произведений — народно-поэтического характера. Здесь и давние русские песни героико-патриотического звучания («Волга» («Из-за острова на стрежень...»), «Варяг» («Наверх вы, товарищи, все по местам»), «Двенадцатый год», «Гусары», «Эх, ухнем!..»), и традиционные русские романсы, лирические и шуточные песни («Брошу я горькую водицу пить...», «Ваня» («Понапрасну, Ваня, ходишь...»), «То не ветер...», «Там, под горкой», «Моряк», «Березонька», «Одену черно платье...», «Из-за леса, из-за рощи», «Зачем любить?», «Посею лебеду» и т. д.).

Значительное количество фольклорных текстов — как сугубо карпатского ареала, так и общеукраинские, русские — преимущественно новейшего происхождения. Последние, благодаря стараниям прогрессивно настроенных учителей, активно распространялись, приобретали органическую прописку в силу близости закарпатцам мотивами, поэтической выразительностью и мелодичностью. Языковое оформление (с особенностями определенных диалектных черт в том или ином тексте) свидетельствует о том, что Д. Вакаров записывал их от носителей и исполнителей разных регионов Закарпатья, хотя большинство отображает языковые сферы родного поэта с. Иаы. Эти записи Вакарова тем более представляют определенный интерес, что в них ярче запечатлена текстуально-мелодическая трансформация песен на закарпатской почве. Поэтому заслуживают публикации.

Судя по форме записей текстов в «Песеннике» (иногда ссылки на определенную известную мелодию, нумерация куплетов, четкое обозначение припева, повторов), можно сделать вывод, что Д. Вакаров делал эти записи с ориентацией на их широкое и активное распространение, популяризацию.

Что касается советских песен, которыми Д. Вакаров, по свидетельству друзей, был особенно увлечен — он использовал наименьшую возможность для их записывания и вдохновенного исполнения, то упоминаемые записи имеют исключительно важное историко-культурное значение. Прежде всего как свидетельство идейно-эмоциональной силы советской песни за пределами своей родины и, с другой стороны, — как свидетельство тяготения трудящихся Закарпатья к Советской Отчизне.

Кстати, записи отдельных песен сделаны Д. Вакаровым в период

просмотра советских кинофильмов, а также с программы концерта известного хора А. Александрова, на котором присутствовал поэт в конце 30-х гг. в Праге и о котором восторженно делился впечатлениями, рассказал друзьям и в родном крае.

Следует отметить глубокий интернационализм Д. Вакарова, что выразился в записях и исполнении песен. Так, кроме упомянутых, он записал и любил исполнять грузинскую «Сулико», сербскую «У той черной горы».

Песни на тексты из «Песенника» Д. Вакаров включал в репертуар балагаечного оркестра в с. Изе и в Хустской гимназии, увлеченно организовывал их коллективное пение под собственный аккомпанемент любимой гитары (воспетой им в стихотворении «Гитара»), на вечеринках, концертах, гуляньях, собраниях гимназической молодежи. Не случайно его, влюбленного в песню, тепло называли запевалой.

Записи фольклорно-этнографических материалов сделаны Д. Вакаровым квалифицированно, с вниманием к точности передачи не только содержания текста, но и языка.

Увлечение песнями отразилось в художественном творчестве поэта, прозаика.

Свадебные обычаи. Этнографический очерк (написан как школьное сочинение ученика седьмого класса гимназии), печатается по рукописи, хранящейся у В. С. Попа. Впервые опубликован с некоторыми изменениями, купюрами в «Избранном», 1963, с. 149—156, переиздан в «Избранном», 1970, с. 149—157.

Зимние рассказы об упырях. Печатается по первой публикации — в «Календаре на 1941 год» (Ужгород). Первопечатное название — «Зимние рассказы и «Опыри». После Великой Отечественной войны включен в измененном в языковом отношении виде в «Избранное», 1963, с. 157—160; 1970, с. 158—162. Рассказ был отмечен премией на литературном конкурсе как «лучший бытовой рассказ» («Карпаторусский голос», 1940, № 90, 11 декабря).

Цыган в анекдотах. Печатается по первой публикации — в газ. «Карпаторусский голос», 1941, № 1 от 4 января; № 3 от 14 января. В послевоенное время представляется впервые. В первопечатном тексте анекдотам предпосылалось истолкование в духе не лучших образцов народных анекдотов о натуре представителей цыганской народности — как «довольно простоватого», но «ловкого хитруна и фиглира», а также еврейской национальности — как «виртуоза во всякого рода уловках». (Вообще же Д. Вакаров в силу присущего ему классового подхода к представителям других национальностей осуждал евреев-эксплуататоров, грабителей народа и с уважением относился к евреям-труженикам, дружил с еврейским юношей односельчанином поэтом М. Шпицером.) В заключение этого вступления указывается на историзм изложенных в анекдотах событий: «Теперьшний цыган уже, конечно, другой, и жизнь совсем не та, а до мировой войны (имеется в виду первая мировая война.—*Сост.*) случалось многое».

Из «Песенника». Отобранные тексты публикуются впервые по «Песеннику», хранящемуся в ЗКМ (передан К. И. Галасом). Записи ориентировочно относятся к 1936—1938 гг. Песни группируются: украинские, русские (в тетради — в перемешку). Поскольку тексты приводятся как свидетельство интереса поэта к песенному народному творчеству и отражают основные принципы его записывания, в издании сохранены наиболее характерные языковые формы, с которыми песни бытовали в Карпатском регионе и записаны при их живом звучании. Заменены имеющиеся в записях украинских тек-

тов: *ы* на *и* (в словах типа *ты, кобы, сивый, плывут*); *и* на *і* (*ї*) — в словах типа *очи, челюсти, козакови, иди, мой*; *о* на *і* (в словах типа *ноч, мой, рок, свободно, зобралися*); — это не противоречит отмеченной тенденции самого Д. Вакарова приближать к литературным нормам языка записи песен, тем самым географически расширяя сферы их бытования.

«Од броду до броду...». Песня-баллада печатается впервые по автографу на отдельном листе, хранищемся в ЗКМ. Судя по отдельным словам и их написанию, запись сделана (датируется 1942 г.) с голоса выходцев из гудульских регионов с некоторыми языковыми наслоениями закарпато-украинских народных говоров.

II. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И ЗАМЕТКИ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Из прочитанной литературы

Весной 1978 г. найдено неизвестную до этого времени часть записной книжки (алфавитной) Д. Вакарова с 83 по 116 страницу (шесть букв латинского алфавита: M, N, O, P, Q, R). Ее обнаружил и передал сестре поэта В. И. Вучкан. По содержанию можно определить, что ее вел Д. Вакаров в Будапеште в последний период пребывания в нем. Она показывает, чем жил тогда поэт, какие книги читал, какие наиболее весомые мысли записывал из всего прочитанного.

В центре внимания Д. Вакарова, как видно, была русская литература, произведения пролетарских поэтов, известных советских писателей, отрывки из произведений которых он цитировал.

Встречаем также записи на венгерском и чешском языках, на которых были прочитаны (в переводах) книги немецкого литературоведа И. Менера-Грефе «Достоевский-поэт» (с. 89), французского писателя Андре Моруа «Поэт на костре» (с. 94), русского прозаика И. Каллиникова «Монахи и женщины» (с. 93—94).

Д. Вакаров был знаком и с книгой, написанной на венгерском языке, «История всеобщей литературы», по которой сделал выписки из разделов древнеиндийской (с. 95—106), китайской (с. 107—108), японской (с. 108—109) литературы.

На с. 103 записной книжки встречаем цифры: Д. Вакаров записал, на какие иностранные языки и сколько раз переводились произведения А. С. Пушкина, а также какие русские писатели и сколько раз были переведены на французский язык.

Д. Вакаров вел свои записи сначала химическим карандашом, потом черными чернилами.

Первые публикации в советской печати о сохраненной части записной книжки Д. Вакарова появились в областных газ. «Закарпатская правда» (1978, 18 мая) и «Молодь Закарпаття» (1978, 26 августа). Их авторами были В. Басараб и Е. Довганич. Полностью выписки печатаются впервые.

Справки о писателях и литературоведах, упоминаемых Д. Вакаровым:

Алданов Марк (псевдоним Марка Александровича Ландау; 1889—1957) — русский писатель и исследователь литературы. В 1919 г. эмигрировал во Францию. Писал исторические романы, в т. ч. «Девятое Термидора» (1923), из которого и сделал выписку Д. Вакаров.

Бедный Демьян (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова; 1883—

1945) — русский советский поэт, баснописец, мастер политической сатиры.

Вилднер Эден — венгерский переводчик.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — революционер-демократ, русский писатель, публицист, литературный критик.

Горький Максим (псевдоним Алексея Максимовича Пешкова; 1868—1936) — основоположник литературы социалистического реализма, родоначальник советской литературы.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — русский писатель.

Дубовиков А. — русский советский литературовед, автор учебника по русской советской литературе.

Жданов Андрей Александрович (1896—1948) — деятель Коммунистической партии и Советского государства.

Зорьева Н. — пролетарская поэтесса.

Каллиников Иосиф Федорович (1890—1934) — русский писатель. После Великой Октябрьской социалистической революции эмигрировал (жил в Праге). Написал трехтомный роман «Мощи», в котором раскрывается лицемерие церковников, показана закулисная сторона деятельности монахов.

Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — русский литературовед, академик. Был первым директором Пушкинского дома.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — русский писатель, баснописец, журналист.

Меиер-Грефе И. — немецкий литературовед, написавший книгу «Достоевский-поэт» (Берлин, 1925).

Моруа Андрэ (псевдоним Эмиля Герцога; 1885—1967) — французский писатель, автор литературно-критических эссе, биографических романов из жизни известных писателей.

Нович (псевдоним Иоана Савельевича Файнштейна; 1906—1984) — русский советский литературовед и критик. Написал книги об А. Герцене, Н. Чернышевском, М. Горьком. Одна из его книг — «Духовная драма Герцена» (М., 1937).

Олесь Александр (псевдоним Александра Ивановича Кандыбы; 1878—1944) — украинский поэт. В 1919 г. эмигрировал. Жил в Будапеште, Вене, Праге.

Поспелов Н. — русский советский литературовед, автор учебника по русской литературе.

Северин Е. — русский советский литературовед, автор учебника по русской советской литературе.

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — русский писатель.

Шаблиовский П. — русский советский литературовед, автор учебника по русской литературе.

Шкулев Филипп Степанович (1868—1930) — один из зачинателей пролетарской поэзии в России. Его стихотворение «Кузнецы» стало революционной песней.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

Рукописная тетрадка Д. Вакарова относится к будапештскому периоду его жизни. Тетрадка небольшого формата (17 на 12 см), в ней всего 16 страниц, исписанных химическим карандашом.

Первые четыре страницы тетрадки (не имеющей обложки) содержат описание «Славянской чайной вечеринки в Будапеште» с датой 27 ноября (1942). Затем следуют записи по лекциям преподавателя университета Николая Гарчара, которым отведено полных

девять страниц. Четырнадцатая страница заполнена расписанием лекций преподавателей Золтана Трочаньи, Иштвана Книежи, Николая Гарчара, Ласло Гадровича, Йожефа Густа, Димо Боиклиева, а также лекций по военному делу. На пятнадцатой странице тетрадки записано всего двенадцать слов по военному делу и карандашом нарисован боевой патрон с его составными частями. Шестнадцатая страница чистая.

Записки Д. Вакарова составлены главным образом на русском языке, но есть записи (особенно названия источников) и на венгерском, латинском, немецком, чешском языках.

О студенческой тетрадке Дмитрия Вакарова в печати впервые упоминалось в очерке В. А. Сочки «На землю падали листья» («Закарпатская правда», 1970, 1 ноября).

Славянская чайная вечеринка в Будапеште. Судя по содержанию и подписи «Студент», дневниковая запись была черновым изложением будущей корреспонденции, которую, однако, Вакаров не послал в редакцию ужгородской газеты.

Справки о лицах, которые присутствовали на славянской чайной вечеринке в Будапеште, и упоминаются Д. Вакаровым:

Книжежа Иштван (1898—1965) — языковед, заведующий кафедрой славянской филологии Будапештского университета, с 1939 г. член-корреспондент Венгерской академии наук, а с 1947 г. академик. Читал лекции по сравнительной грамматике славянских языков, по старославянскому языку, по исторической грамматике словацкого языка, вел курс «Славянские народы и языки», семинар по старославянскому языку.

Ургедьи Эмилия — преподаватель словацкого языка, в годы народной власти в Венгрии — доцент Будапештского университета.

Мелих Янош (1872—1963) — языковед, доктор филологических наук, профессор славянской филологии Будапештского университета.

Лациус Дюла (1896—1957) — языковед, доктор филологических наук, профессор Будапештского университета, читал лекции по памятникам письменности Древней Руси, а также введение в фонологию с частым использованием теоретического наследия И. А. Бодуэна де Куртене и других русских ученых. С 1945 г. был действительным членом Венгерской академии наук.

Трочанья Золтан (1886—1971) — литературовед и языковед, переводчик, профессор Будапештского университета. Переводил на венгерский язык произведения А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского. Закарпатским студентам-русистам, в том числе и Д. Вакарову, читал лекции по русской классической литературе и исторической грамматике русского языка.

Моравчик Дюла (1892—1972) — ученый-византолог, профессор Будапештского университета, в годы народной власти в Венгрии — академик, лауреат премии им. Лайоша Кошута.

Лигети Лайош (род. в 1902 г.) — языковед-оренталист, профессор Будапештского университета, в годы народной власти в Венгрии — академик, лауреат премии им. Лайоша Кошута.

Пош Дуже (1886—1973) — языковед, профессор Будапештского университета, в годы народной власти в Венгрии — академик, лауреат премии им. Лайоша Кошута, крупный специалист по истории венгерского языка.

Гадрович Ласло (род. в 1910 г.) — языковед-славист, профессор Будапештского университета, с 1970 г. действительный член Венгерской академии наук. Область его научно-исследовательской дея-

тельности — главным образом сербо-хорватская филология. Закарпатским студентам-русистам читал лекции по старославянскому языку. Вместе с профессором Ласло Гальди составил большой русско-венгерский (1951) и венгерско-русский словари (1952).

Попович Иван — преподаватель сербского языка в Будапештском университете.

Завиский Збигнев — преподаватель польского языка в Будапештском университете.

Продан Петр Степанович (род. в 1919 г.) — закарпатский поэт, автор книги стихотворений «Яблоня» (1942), бывший студент Будапештского университета, в годы Советской власти в Закарпатье — на педагогической работе, отличник народного образования УССР, заслуженный работник культуры УССР.

Копик Степан, Фельбаба Иосиф, Лабат Ян, Боровский, Джембовска, Новинский, Голочей — тогдашние студенты университета, с которыми Д. Вакаров был знаком.

Справки о других лицах, упоминаемых в «Студенческой тетради» Д. Вакарова:

Гарчар Николай — преподаватель Будапештского университета (окончил Пражский университет, трагически погиб в Будапеште в 1944 г.). Читал закарпатским студентам-русистам лекции по языку памятников письменности и литературы Закарпатья. В своих лекциях опирался на работы русских ученых-карпатологов А. Л. Петрова и Ю. А. Яворского, чешского исследователя памятников литературы и фольклора Закарпатья Франтишка Тихого, на плоды научной и литературной деятельности Василия Довговича, Михаила Лучкая, Ивана Фогарашия, Александра Духновича, Евмения Сабова и др.

Среди записок Д. Вакарова по лекциям Н. Гарчара на 5—6 стр. студенческой тетрадки находим ссылки на следующие работы А. Л. Петрова:

1. Памятники угрорусской письменности (Журн. министерства народного просвещения. СПб., 1893, кн. 10, 516—549);

2. Старая вера и уния в XVII—XVIII вв. (Сб. ст., посвященных В. М. Ламанскому. СПб., 1905, 185—257);

3. Архивы и библиотеки Угорщины (Живая старина. СПб., 1903, кн. 3, 276—278);

4. О подложности грамоты Теодора Кориатовича 1360 г. (Сб. ст. по славяноведению. СПб., 1906, 270—279);

5. Угрорусские заговоры и заклинания начала XVIII в. (Живая старина. СПб., 1891, кн. 4, 122—130; журн. «Листок». Ужгород*, 1892, № 21—24);

6. Старопечатные церковные книги в Мукачево и Унгваре (Журн. министерства народного просвещения. СПб., 1891, кн. 6, 209—215).

Есть в тетради Вакарова также упоминания об Урбарии Марии Терезии. (Урбарием называли юридический документ, который устанавливал обязанности крепостных крестьян по отношению к помещикам. Урбарием Марии Терезии в 60-х гг. XVIII в. должен был воспрепятствовать дальнейшему росту эксплуатации крепостных крестьян помещиками и способствовать взысканию на-

* В библиографических описаниях старое название «Унгвар» заменено на «Ужгород». — *Примеч. сост.*

догов с помещичьих земель в пользу государственной казны. Однако и Урбариум Марии Терезии не улучшил материального положения крепостного крестьянства в австро-венгерской монархии.)

На 7-й странице тетради Д. Вакарова есть запись об «Урбаре», предназначенном специально для населения Закарпатья. «Урбар» был напечатан кириллицей в венской типографии. Представление об этом юридическом документе Н. Гарчар давал студентам (в том числе и Д. Вакарову) по работе А. Петрова «Первый печатный памятник угрорусского наречия «Урбар...» (Материалы для истории Угорской Руси, т. V. СПб., 1908), на ознакомление с которой ориентировал слушателей.

Отдельное место в тетради Вакарова отведено «Грушевской типографии XVII века». Информацию о Грушевской монастырской типографии поэт мог получить по печатным источникам закарпатского писателя и этнографа *Анатолия Кралицкого* (1835, с. Чабинь на Пряшевщине — 1894, г. Мукачево), а также *Евмения Сабова* (1859, с. Вербяж Воловецкого р-на — 1934, г. Виноградово, бывший Севлюш) — составителя «Хрестоматии церковно-славянских и угро-русских литературных памятников. С прибавлением угро-русских народных сказок на подлинных наречиях» (Ужгород, 1893, с. 232), автора ряда статей о литературе Закарпатья. Д. Вакарову были известны его работы.

Среди записей по лекциям Н. Гарчара упоминаются и такие лица и их работы: *Тихий Франтишек* (1886—1971) — чешский ученый-славист, автор научно-популярных статей, посвященных культуре Закарпатья, в частности творчеству М. Лучкая, А. Духновича, А. Павловича, А. Кралицкого, составитель ряда сборников произведений закарпатских писателей; *Довгович Василий* (1783—1849) — закарпатский поэт, член-корреспондент Венгерской академии наук, писавший свои художественные произведения и научные работы также на венгерском и латинском языках (на стр. 9 тетрадки Д. Вакаров отмечает, что из 190 стихотворений В. Довговича 131 написано на латинском языке); *Лучкай Михаил* (1789—1843) — закарпатский историк и филолог, автор написанных на латинском языке «*Grammatica Slavo-Ruthena*» и шеститомной «*Historia Carpatho-Ruthenorum*», был лично знаком с выдающимися славянскими учеными и писателями Яном Колларом, Б. Носаком-Незабудовым, И. Срезневским, Я. Головацким; *Таркович Григорий* (1754—1841) — известный в то время книжник, знаток старославянского языка, был в переписке с выдающимся чешским ученым-славистом Й. Добровским, а также И. Орлаем — воспитателем Н. В. Гоголя; (на стр. 8 тетради Д. Вакаров записал: «Таркович — основатель нового стиля, состоящего в синтезе церковнославянского и разговорного языков»); *Фогараший Иван* (1786—1834) — закарпатский языковед, историк, автор работ «Русько-угорска ілі мадярска граматика для скорого и легкаго обученія», «Вобще о различии славянских паречий, собственно же о мало и карпато или угрорусских», пересланных И. Орлаю в Россию; *Бачинский Андрей* (1732—1809) — список Мукачевской епархии, содействовавший изданию книг об истории края. (Д. Вакаров упоминает два «Циркуляра», окружные послания А. Бачинского с датами 1798 и 1806 г., в которых констатируется, что «в самое умаление день от дне приходит Русцизна наша и отечество наше», содержатся призывы изучать и пропагандировать русский язык; *Бидерман Игнац Герман* (1831—1892) — австрийский буржуазный историк, экономист, написавший о Закарпатье книгу на немецком языке «Венгерские русины, их террито-

рия, занятия, история» (Иннсбрук, т. I, 1862; т. II, 1867). В записи Д. Вакарова назван второй том этого издания.

На 10-й странице тетради Д. Вакаров упоминает об *Александре Духновиче* (1803—1865) — выдающемся закарпатском поэте, педагоге, культурно-просветительном деятеле, составителе первых в Закарпатье литературных альманахов, авторе «Народной педагоги в пользу учителей и учителей сельских» (1857). «Книжницы читальной для начинающих» (1847), ряда работ в области философии и истории. Рукой Вакарова в тетради записано: «1859 г. Семейная библиотека Духновича».

Дата 1859 совпадает с актом основания первой публичной библиотеки им. Александра Духновича. Акт этот был составлен и подписан А. Духновичем в Пряшове 13 июня 1859 г. Библиотека же была передана монастырю в Красном Броде на Пряшевщине. В акте передачи «Семейной библиотеки Духновича», который опубликовал Анатолий Кралицкий («Свѣт», IV, 1878, с. 252), была выражена воля поэта: «...желаю и распоряжаю, да она (библиотека.—*Сост.*) не будет исключено для монастырских токмо обывателей, но да будет всеобщая и публичная для каждаго учитися желающаго...».

Одиннадцатая и часть двенадцатой страницы тетради Вакарова заняты выписками из анонимного «Тереблянского пролога», составленного на церковнославянском языке русского извода и найденного в Закарпатье Ю. А. Яворским, который описал этот пролог в книге «Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI—XVIII веков» (Прага, 1934).

На 12-й странице тетради Вакаров упоминает о грамматике *Арсения Коцака* (1737—1800) — закарпатского филолога и педагога. Вакаров в своей заметке имел в виду рукопись его «Грамматики русской сирѣчь правила извѣщательной...», о которой встречались одобрительные отзывы в печати и в лекциях преподавателей.

На 13-й странице тетради названо книгу «Введение в историю русского языка» *Дурново Николая Николаевича* (1876—1936) — советского филолога-слависта, члена-корреспондента АН СССР, автора первого русского словаря лингвистических терминов «Грамматический словарь» (1924). Вакаров на лекциях Н. Гарчара и Л. Гадровяча неоднократно слышал о труде Н. Дурново «Введение в историю русского языка» (1927).

На странице 14-й, в расписании лекций, которые слушал Д. Вакаров, встречаются имена еще двух преподавателей Будапештского университета, а именно: *Густы Йозефа* (1887—1954) — специалиста по классической филологии, который читал лекции по творчеству поэта-гуманиста Януса Пяниониуса и других латиноязычных авторов средневековой Венгрии, а также Древнего Рима; *Боиклиева Димо*, преподававшего болгарский язык и литературу. Его лекции слушали все тогдашние закарпатские студенты-русисты, в т. ч. и Д. Вакаров. Особенно интересными были лекции о творчестве Христо Ботева и Ивана Вазова, о научной деятельности известного ученого-слависта, закарпатца по происхождению, Юрия Венелина-Гуды.

Печатается по рукописной тетрадке, хранящейся у В. А. Сочки.

Описание книжного магазина. Печатается впервые по рукописной студенческой тетради, хранящейся в ЗКМ. Автограф написан на чешском языке как школьное сочинение ученика седьмого класса Пражской русской гимназии. Перевод с чешского М. В. Сиमुлика.

Sapienter providentia divina nos futura celavit.

Печатается впервые по рукописной студенческой тетради, хранящейся в ЗКМ. Одно из школьных сочинений свидетельствует о том, что его автор в то время находился только в начале пути формирования материалистических взглядов. Перевод с чешского М. В. Симулика.

III. ПИСЬМА

Дмитрий Вакаров с большим уважением относился к своим близким, друзьям и товарищам. Составителям этого издания удалось отыскать значительное количество писем, частично неизвестных читателю. В письмах Д. Вакарова открывается душевный мир поэта-юноши, учащегося и студента, постигающего окружающую действительность и выражающего к ней свое отношение. Они дополняют общественный и литературный облик писателя-гражданина, борца и человека.

Публикуемые письма Д. Вакарова охватывают период с 1938 по 1944 г., т. е. время обучения поэта в Пражской гимназии. Будапештском университете, пребывания в тюрьме. Они свидетельствуют, что до самого дня ареста Д. Вакаров вел активную борьбу с фашизмом. (В письмах сохранены оригинальные подписи автора.)

1. М. ЦЕХ — Прага, 1938.

Письмо публикуется впервые по черновой рукописи из ученической тетради Д. Вакарова, хранящейся в фондах ЗКМ. Это единственное из обнаруженных писем Д. Вакарова периода его обучения в Пражской русской гимназии. Третий абзац со слов «в Твоем письме...» и до «...что моя терпеливость лопнула» был зачеркнут Д. Вакаровым.

¹ *Марика* (она же *Марианна*, *Мария*) — Марианна Васильевна Цех, ученица младших классов Пражской русской гимназии. (См. примеч. к стихотворению «Марианна».)

2. Д. ЛАЗАРИУ — Будапешт, 19. IX. 1941.

Печатается полностью по рукописи, которая хранится в ЗКМ. Впервые опубликовано в сокращенном виде с обозначением ошибочно предполагаемого адресата М. Кеминя в «Избранном», 1963, с. 167; 1970, с. 169.

Дмитрий Васильевич Лазарь — друг Д. Вакарова по Пражской гимназии, уроженец с. Александровки на Хустчине. В то время ученик Ужгородской гимназии, поэт, энтузиаст литературного дела; в 1942—1943 гг. редактировал «Литературную страницу» газ. «Карпаторусский голос». Содействовал появлению в печати многих стихотворений Д. Вакарова и других молодых литераторов. Сохранил несколько тетрадей со стихотворениями, писем Д. Вакарова. Фамилия душевного друга упоминается во многих письмах автора.

¹ *Фенцик* — С. А. Фенцик, униатский поп, реакционный деятель, лидер фашистской партии, был связан с заграничными разведками. После оккупации Закарпатья хортистами — ставленник фашистского режима, депутат парламента. Лицемерно заигрывал с литературной молодежью, выдавая себя за мецената. В дальнейших письмах под этой фамилией имеется в виду он же.

² В газ. «Карпаторусский голос» был объявлен конкурс, в котором принял участие Д. Вакаров, на лучшее произведение о А. Духновиче (см. примеч. к стихотворению «А. В. Духнович».)

³ Д. Вакаров спрашивал о сборнике стихов, который планировала издать газета.

⁴ *Майборода* (Майбородов) — В. Майбородов, белоэмигрант, печативший, по словам Д. Вакарова, «дрянные стихи» в газ. «Карпато-русский голос».

⁵ *Гомичков* — Золтан Гомичков, ученик Ужгородской гимназии, (сын изьянского нотариа).

⁶ *Плиска* — Полапа Михайловна Плиска, односельчанка Д. Вакарова, имевшая в то время начальное образование, писала стихи, по словам Д. Вакарова, «на изьянском литературном языке» — языке, близком к диалекту. В дальнейшем Д. Вакаров называет ее то по фамилии, то по имени.

⁷ *Коля* — здесь и в дальнейшем имеется в виду Николай Дмитриевич Меленич, друг Д. Вакарова по Пражской, в 40-е гг. ученик Хустской гимназии, молодой поэт. Односельчанин Д. Лазаря. В переписке автор упоминает его и по фамилии. В годы Советской власти в Закарпатье Н. Д. Меленич — на педагогической работе.

⁸ *Магдалина* — здесь и в дальнейшем имеется в виду Магдалина Дзюба, ученица Ужгородской учительской семинарии, знакомая Д. В. Лазаря.

⁹ В это время фашистские оккупанты преследовали еврейское население, распространялись слухи о создании гетто. Д. Вакаров интересовался положением в Закарпатье.

¹⁰ Литераторы Ужгорода готовили к изданию сб. стихов и прозы «Накануне», который вышел в 1941 г.

¹¹ *Линтур* — П. В. Линтур, готовивший после выхода «Будет день» (1941) новый сборник хустских литераторов.

¹² *Симулик* — здесь и в дальнейшем имеется в виду Михаил Васильевич Симулик, односельчанин, друг Вакарова, в то время ученик Хустской гимназии, поэт, прозаик. В годы Советской власти в Закарпатье — на педагогической работе, доцент Ужгородского государственного университета.

¹³ Д. Вакаров полагал, что война с фашистскими захватчиками окончится за один год.

З. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 14. XI. 1941.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ *Вир* (Юрий Вир) — псевдоним Евгения Леонтьевича Недзельского, буржуазного литературоведа, журналиста, поэта.

² *Дубровский* — Юрий Юрьевич Качий, в то время ученик Ужгородской гимназии, молодой поэт.

³ *Дубов* — Василий Дмитриевич Юрко, в то время ученик Хустской гимназии, член литературного кружка.

⁴ *Мариаш* — Виктор Мариаш, член Мукачевского литературного кружка, выступавший со стихами в местной периодической печати.

⁵ *Мириянин* — Владимир Грабарь, в то время начинающий литератор из Ужгорода.

⁶ *Керча* — здесь и в дальнейших письмах имеется в виду Иван Юрьевич Керча (1914—1951), поэт, редактор сб. «Будет день» (1941) и ряда других, сотрудник газ. «Русская правда», затем «Русское слово». Был связан с партизанским движением в Закарпатье. После освобождения Закарпатья Советской Армией был избран заместителем председателя Народной Рады Закарпатской Украины, работал заведующим областным отделом народного образования, заместителем председателя Закарпатского облисполкома.

4. К ИЗЯНАМ и ИЗЯНКАМ — Будапешт, 15. XII. 1944.

Полностью печатается впервые. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 167—168; 1970, с. 170—171. Письмо по почте в 1941 г. получила Василиса Васильевна Гайду. Все упоминаемые в письме юноши и девушки — односельчане Д. Вакарова, в то время ученики Хустской гимназии. Письмо хранится в архиве адресата.

¹ *Кирилл* — здесь и в других письмах имеется в виду Кирилл Иосифович Галас, односельчанин, поэт, друг Д. Вакарова, в то время студент философского факультета Будапештского университета. В годы Советской власти в Закарпатье — на педагогической работе, доцент Ужгородского государственного университета.

² *Александра* — здесь и в дальнейших письмах имеется в виду Александра Юрьевна Орос.

³ *Маруся Симулик* — в отдельных письмах *Маруся С.*

⁴ *Олекси, Олексей* — Алексей Петрович Хвуст. В дальнейшем Д. Вакаров называет его по фамилии.

⁵ *Миша-Гриц* — Михаил Федорович Кеминь, друг Д. Вакарова.

⁶ *Раковский* — И. И. Раковский (1815—1885). См. примеч. к стихотворению «Иза» («Иза русская, православная...»).

⁷ *М. Кундря* (в некоторых письмах *Кундря*) — Мария Михайловна Кундря.

⁸ *Мирон* — Мирон Галас.

⁹ *Поляня* — Пелагея Дмитриевна Изай.

¹⁰ *Парфений* — здесь и в дальнейшем имеется в виду Парфений Михайлович Сабов.

¹¹ *Мишка* — Михаил Андреевич Симулик.

¹² *Митрофан* — Митрофан Пасулька.

¹³ *Гайдов* — Иван Васильевич и Дмитрий Петрович Гайду, друзья Д. Вакарова.

¹⁴ *Зеленяк* — Дмитрий Степанович Зеленяк, односельчанин Д. Вакарова.

¹⁵ *Ольга Кеминь* (в других письмах *Оля К.*) — односельчанка.

¹⁶ *Анна Г.* — Анна Голоботовская.

¹⁷ *Цяля К.* — Василиса Кеминь.

¹⁸ *Миша Кеминь* — Михаил Васильевич Кеминь, близкий друг Д. Вакарова. В нескольких письмах упоминается по имени — Миша, Мишка, Миша К.

¹⁹ *Мачка* — здесь и в других письмах имеется в виду Михаил Васильевич Мачка, друг Д. Вакарова.

²⁰ *Вучкан* — Василий Ильич Вучкан, друг Д. Вакарова.

²¹ *Поли* — здесь и в других письмах имеется в виду Павел Гомичков, сын изьянского нотариуса.

²² *Ольга Пристая* (в других письмах *Ольга, Оля*). См. примеч. к стихотворению «Звезды и очи».

²³ *Андрей* — Андрей Михайлович Кундря.

²⁴ *Вучкан* — Василий Андреевич Вучкан.

²⁵ *М. Плиски* — Мария Михайловна Плиски, сестра Полины.

5. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 17. I. 1942.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ *Балецкий* — Емельян Дмитриевич Балецкий (1919—1982), в то время студент философского факультета Будапештского университета, поэт, прозаик. В послевоенное время работал заведующим кафедрой русского языка Будапештского университета.

² *Комлоший* — Иван Федорович Комлоший, в то время ученик

Мукачевской учительской семинарии, писатель; позднее — на педагогической работе, отличник народного образования УССР, краевед.

³ «Ред. ком.» — редакционная комиссия газ. «Карпаторусский голос».

⁴ «Самообразовательный кружок». — При средних учебных заведениях в то время создавался под руководством опытного преподавателя так наз. «Самообразовательный кружок», в программу которого входило чтение собственных произведений учащихся, а также произведений классической русской и других литератур, проведение концертов художественной самодеятельности, литературных викторин. Д. Вакаров интересовался деятельностью такого кружка в Ужгородской гимназии.

⁵ Имеется в виду общежитие для студентов из Верхней и Северной Венгрии.

6. ПЕТАРУ ВРБАШКИ — Хуст, 4. II. 1942.

Публикуется по рукописи, хранящейся у М. В. Симулика, которому во время пребывания в Югославии передал письмо-открытку Петар Врбашки. Д. Вакаров отправил письмо в Югославию в 1942 г., его сохранила в Кулине сестра Петара Любинка. Случайно уцелело после обыска и ареста брата. Письмо впервые опубликовано в газ. «Закарпатская правда» от 1 февраля 1979 г. (См. статью М. Симулика «Обращение к другу».)

¹ *Пьеро* — Петар Врбашки, серб, друг Д. Вакарова, в то время студент Будапештского политехнического института. Петар вместе с Д. Вакаровым и Я. Бачиком входил в студенческое антифашистское подполье. Член компартии, сейчас живет в СФРЮ.

² *Поляк* — Ондрей Поляк, друг П. Врбашки и Д. Вакарова, словак из Бачского Петровца (Югославия), студент юридического факультета Будапештского университета. Занимался литературой. В настоящее время живет в ЧССР.

³ *Квартира* — здесь и далее имеется в виду общежитие.

7. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, II. 1942.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ «*Рецепка*» — здесь: извещение почты.

² *Березнай* — Андрея Березнай, ученица пятого класса Ужгородской гимназии, знакомая Д. Лазаря.

³ *Попович* — Михаил Михайлович Попович, студент юридического факультета Будапештского университета, живший в одном общежитии с Д. Вакаровым.

⁴ «*Снежинка*» — стихотворение Д. В. Лазаря, посвященное А. Березнай, опубликованное в газ. «Карпаторусский голос».

⁵ «*Она*» — стихотворение Д. В. Лазаря.

⁶ Название сб. — В 1942 г. Д. Лазарь, В. Диянич и Ю. Качий издали сб. стихов «Тройка».

⁷ Студенты-закарпатцы Будапештского университета в 1942 г. подготовили в печать сборник стихов и прозы под названием «Теплый хлеб». Сборник не вышел.

⁸ *Орос* — Василий Иванович Орос, студент философского факультета Будапештского университета. В годы Советской власти в Закарпатье — на педагогической работе, доцент Ужгородского государственного университета.

⁹ «*Монисты*» — сб. стихотворений И. Керчи для детей, изданный в 1941 г.

8. В. ГАЙДУ — Будапешт, 11. II. 1942.

Письмо печатается впервые по рукописи, хранящейся в домашнем архиве В. В. Гайду, фотокопия — в фондах ЗКМ.

¹ *Вася* — Василиса Васильевна Галас (девичья фамилия Гайду), в то время ученица Хустской гимназии, односельчанка и одна из самых близких подруг Д. Вакарова. На протяжении трех лет (1941—1943) Д. Вакаров вел с ней активную переписку, обмениваясь даже интимными вопросами своей юношеской жизни. В дальнейших письмах Д. Вакаров называет ее по имени — Цилей, Васей.

9. В. ГАЙДУ — Будапешт, 17. III. 1942.

Письмо полностью печатается впервые. Сокращенная публикация его — в «Избранном», 1963, с. 168—169. Рукопись хранится у адресата, копия — в фондах ЗКМ.

¹ *Г-н Фрас Степанович* — имеется в виду литературный редактор газ. «Карпаторусский голос» Н. Левидкий, зло высмеянный Д. Вакаровым в фельетоне «О литературе и о Кобыле». (См. примеч.)

² *Мишка* — М. В. Кеминь.

³ *Самописка* — авторучка.

⁴ Д. Вакаров планировал приезд в Изу весной 1942 г. во время весенних каникул.

⁵ Для большей уверенности в получении писем в Венгрии на конверты наклеивали больше почтовых марок, чем предусматривалось тарифом.

10. М. КЕМИНЮ — Будапешт, 23. III. 1942.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. Отрывок письма приводился в статье Ю. Сухана «Письма Дмитрия Вакарова» («Советское Закарпатье», 1955, 28 декабря).

¹ Стихотворения острой идейно-политической тематики Д. Вакаров хранил отдельно в особой тетради.

² *Сторцака* — здесь: с ног на голову.

³ *Виктор* — Виктор Орос, студент медицинского факультета Будапештского университета, друг и соклассник по гимназии Д. Вакарова. Замучен в 1945 г. в фашистском концлагере за участие в работе советской разведывательной группы Ференца Патаки.

⁴ Здесь: ордер на покупку (венг.).

⁵ Здесь: полуботинки № 4 (венг.).

⁶ Здесь: свидетельство о бракосочетании родителей (венг.).

11. В. ГАЙДУ — Будапешт, 26. III. 1942.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся у адресата, копия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде опубликовано в «Избранном», 1963, с. 169—170.

¹ *Миша* — М. В. Кеминь.

² Новая квартира — имеется в виду студенческое общежитие по ул. Музейная, 11, в центре Пешта.

³ *Менза* — здесь: студенческая столовая.

12. В. ГАЙДУ — Будапешт, 10. IV. 1942.

Письмо печатается впервые по рукописи, хранящейся у адресата. Фотокопия письма — в ЗКМ.

¹ Д. Вакаров всегда заботился о созданном им в родном селе Изе балалаечном оркестре, участниками которого были также гимназистки и крестьянки. В данном письме он спрашивает, не включилась ли в игру на балалайке и В. В. Гайду.

13. В. ГАЙДУ — Будапешт, 25. IV. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде впервые публиковалось в «Избранном», 1963, с. 170—172.

Языковой вопрос в Закарпатье в годы господства фашистских захватчиков особенно обострился и волновал всю передовую молодежь. Хорстистские оккупанты всячески содействовали созданию так называемого «подкарпатурського языка». Они создали в 1941 г. «Подкарпатское общество наук», одной из задач которого было песетовать и холить данный язык. С этой целью была издана и «Грамматика руського языка», составленная заправилой «общества» Ив. Гарайдой, а также ряд учебников для начальных и средних школ. На этом искусственно создаваемом языке печатались в то время в Закарпатье все официальные издания «общества» в т. ч. и «Литературна недѣля».

¹ «Недѣля» — здесь и далее имеется в виду журн. «Литературна недѣля». По отношению к нему Д. Вакаров занимал открыто отрицательную позицию, что видно из дальнейших писем. Но здесь, в языковом споре, он, видимо, не считал нужным говорить об идейной направленности этого буржуазного органа, пытаясь таким образом защитить своего товарища от поспешных нападков.

14. В. ГАЙДУ — Будапешт, 8. V. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 172—173.

15. В. ГАЙДУ — Будапешт, 22. V. 1942.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся у адресата. Впервые опубликовано в «Избранном», 1963, с. 174—175.

¹ *Мошка* — Мойсей Шпицер (1921—1944), поэт, односельчанин и друг Д. Вакарова, ученик Хустской гимназии. Писал под псевдонимами Михаил Вершинский, Максим Беспризорный, погиб в фашистском концлагере.

16. С. ПАНЬКО — Иза, 30. VI. 1942.

Публикуется впервые. Рукопись — в домашнем архиве С. И. Панько. Письмо-открытка было послано во время летних каникул С. И. Панько, студенту философского факультета Будапештского университета, который оставался в Будапеште для работы почтовым служащим. В годы Советской власти в Закарпатье С. И. Панько — член Союза писателей СССР.

¹ Книга: Грегус Агостон. Венгерские баллады.

² *Ваш Габор* — студент Будапештского университета.

17. Д. ЛАЗАРЮ — Иза, 5. VIII. 1942.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ Намек на фельетон «О литературе и о Кубыле».

18. С. ПАНЬКО — Иза, 17. VIII. 1942.

¹ *Горляни* — литературный псевдоним И. С. Лявинца, автора сб. стихов «Страна простацкая» (1942).

² «...стал хохлом» — литераторов, которые писали на так называемом «подкарпатурськом языке» и выступали на страницах журн. «Литературна недѣля», Д. Вакаров с издевкой называл «хохлами».

³ *Отсрочка* — здесь: отсрочка от военной службы.

19. П. ПЛИСКЕ — Будапешт, 26. IX. 1942.

Печатается в отрывке по первой публикации в статье «Незабутні поради», помещенной в сб. воспоминаний о Д. Вакарове «Я навіки прийшов у життя», Ужгород, 1975, с. 48.

20. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 8. X. 1942.

Полностью печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах

ЗКМ. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 176—177; 1970, с. 181—183.

¹ Одним из средств борьбы против оккупационного режима Д. Вакаров считал литературу, печатание художественных произведений в тогдашней периодике. Большое значение придавал он появлению «Литературной странички» в газете, поэтому требовал от Д. Лазаря регулярного ее выпуска.

² *Вещь* — имеется в виду стихотворение.

³ Часто цензура конфисковала патриотические стихотворения Д. Вакарова, как и других поэтов. Поэтому Д. Вакаров неоднократно письменно жаловался в редакцию и просил сообщать ему о конфискованных стихотворениях.

⁴ Д. Вакаров имеет в виду окончание слов в творительном падеже единственного числа — *-ой* вместо *-ою*.

21. В. ГАЙДУ — Будапешт, 8. X. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде впервые публиковалось в «Избранном», 1963, с. 177—179.

¹ *Линтур* — Петр Васильевич Линтур (1909—1969), в то время преподаватель русского языка и литературы Хустской гимназии, руководитель литературного кружка, так наз. Хустской литературной школы, воспитатель прогрессивной ученической молодежи, составитель сб. «Будет день» (1941). Советуя побольше читать художественную литературу, Д. Вакаров рекомендовал друзьям обращаться к П. В. Линтуру, имевшему немало книг советских писателей, которые охотно давал надежным гимназистам. У него были произведения М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, А. Жарова и др. Любимого учителя Д. Вакаров называет во многих письмах. После освобождения Закарпатья Советской Армией П. В. Линтур был избран заместителем председателя Народной Рады Закарпатской Укранины, работал заведующим отделом культуры Закарпатского облисполкома, доцентом Ужгородского государственного университета.

² *Присяга* — Мария Юрьевна Присяга, сестра Ольги, односельчанка Д. Вакарова, выпускница Хустской гимназии.

³ *Петро* — Петр Константинович Кеминь, односельчанин, служащий нотариата в с. Изе.

⁴ *Ольга Кеминь* — сестра Петра, ученица Хустской гимназии.

22. П. ПЛИСКЕ — Будапешт, 26. X. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у В. С. Попа. Впервые опубликовано в газ. «Ленінська правда» от 3 ноября 1970 г. (г. Хуст, Закарпатской обл.).

¹ Стихотворение «Коли собі погадаву» М. В. Симулик и Д. В. Лазарь подготовили и рекомендовали в печать.

23. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 2. XI. 1942.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. Отрывок письма полностью опубликован в статье Ю. Сухана «Письма Дмитрия Вакарова» («Советское Закарпатье», 1955, 28 декабря) и ошибочно приписан как адресату М. Кеминю.

¹ «Слово» — здесь и в дальнейшем имеется в виду газ. «Русское слово».

² Здесь имеются в виду два пакета со стихами.

³ *Менза* — здесь: питание в студенческой столовой. Студенты из Закарпатья в то время в Будапеште с трудом получали талоны даже в столовую самого низкого разряда.

⁴ Д. Вакаров требовал печатать стихи по средам, не загромождал литературную страницу другими материалами.

24. В. ГАЙДУ — Будапешт, 7. XI. 1942.

Печатается полностью по рукописи, хранящейся у адресата. Впервые в сокращенном виде опубликовано в «Избранном», 1963, с. 179—180.

¹ Поляна — Полина Плиска.

² Миша — М. В. Кеминь.

³ Кундря — Михаил Кундря, работник Изьянского нотариата.

⁴ Поляна — Пелагея Изай.

25. В. ГАЙДУ И ДРУГИМ — Будапешт, 9. XI. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у адресата. Фотокопия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде впервые публиковалось в «Избранном», 1963, с. 180—182.

¹ «Дмитрий» — день Дмитрия.

² Д. Вакаров в первую очередь называет имена односельчанок, учениц Хустской гимназии, которых организовала для поздравления поэта В. Гайду: Василиса — она же, Александра — Александра Орос, Поляна — Пелагея Изай, Ольга Кеминь, Ольга Пристая, А. Голоботовская — Анна Голоботовская, Маруся — Мария Симулик.

³ Имена других учениц восьмого класса Хустской гимназии, подписавших открытку: Оля Сокол, Аня Биляк, Люба К.—Люба Копинец, Ю. Корж — Юлия Корж, Елизавета Ч.(?) — Елизавета Чепканич, Сидор — Анна Сидор, Г. Сливка — Гермина Сливка, Раяк — Маргарета Раяк, Игнат — Юлия Игнат, Маруся Л.—Мария Лях, Деак — Юлия Деак, М. Попдякуник — Мария Попдякуник, Ю. Семек(?) — имеется в виду Юлия Семек.

26. В. САБОВУ — Будапешт, 14. XI. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся у А. О. Олексик-Вакаровой. Впервые опубликовано в газ. «Ленінська правда» от 3 ноября 1970 г. (г. Хуст Закарпатской обл.).

¹ Василий Антонович Сабов — в то время слушатель Будапештской духовной православной семинарии, односельчанин Д. Вакарова.

² Адрес философского факультета Будапештского университета и славянского семинара, где занимался Вакаров и другие студенты-слависты.

³ Имеется в виду материальное положение.

⁴ Виктор — Виктор Орос. См. примеч.

⁵ Кн. Вакаров-Заверблянский — Д. Вакаров в ироническом плане употребил свое изьянское прозвище.

27. П. ПЛИСКЕ — Будапешт, 19. XI. 1942.

Печатается по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. В сокращенном виде и с языковыми изменениями публиковалось в «Избранном», 1963, с. 182. Написано на диалекте.

¹ Мария — Мария Плиска, сестра Полины.

² Мишка — М. В. Кеминь.

³ Имеется в виду стихотворение «Коли собі погадаву», опубликованное в газ. «Карпаторусский голос».

⁴ Сих — здесь: этих стихотворений.

⁵ Дурных панів — здесь: женихов.

28. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 23. XI. 1942.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 182—183; 1970, с. 189—190.

¹ «Голос» — здесь и далее имеется в виду газ. «Карпаторусский голос».

² *Швабы* — так в Закарпатье в досоветский период называли немцев.

³ *Неделяши* — так недружелюбно Вакаров называл литераторов, сотрудничавших в журн. «Литературна недѣля».

⁴ *Турьянин* — Василий Васильевич Дьянич (1925—1980), поэт, в то время ученик Ужгородской гимназии. В годы Советской власти в Закарпатье — член Союза писателей СССР.

⁵ *Филлер* — венгерская денежная единица.

29. Д. ЛАЗАРЮ — Иза, 24. XII. 1942.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ *Поланя* — Полина Плиска.

² «Лит. недѣля» — журн. «Литературна недѣля».

³ *Миша* — М. В. Симулик.

⁴ «Страница» — литературная страница в газ. «Карпаторусский голос».

30. М. СИМУЛИКУ — Иза, 1. II. 1943.

Открытка печатается по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. Впервые опубликована в «Избраппом», 1963, с. 183—184.

¹ *Шандрово* — верховинское село, ныне Александровка Хустского района Закарпатской обл.

31. В. ГАЙДУ — Будапешт, 13. II. 1943.

Письмо печатается впервые по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ.

¹ *Миша* — М. В. Симулик.

² *Алица* — здесь и в других письмах имеется в виду Алица Гробонова, словачка, студентка философского факультета Будапештского университета.

³ *Поланя* — Пелагея Изай.

⁴ *М. Симулик* — Мария Симулик.

32. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 26. II. 1943.

Письмо печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ *Колосов* — Иван Францух, в то время ученик Мукачевской гимназии.

² *Анна* — Анна Кривская, ученица Хустской гимназии.

³ Конкурс на участие в «Литературном альманахе», выпущенном в 1943 г.

⁴ *Серб* — Петар Врбашки.

33. РОДИТЕЛЯМ — Будапешт, 1. III. 1943.

Печатается по автографу, хранящемуся у В. А. Сочки. Написано на диалекте. Впервые опубликовано в статье В. А. Сочки «Неизвестные рукописи Вакарова» (газ. «Карпати игас со», 1984, 7 января).

¹ *Цильо* — Василий Онуфриевич Вакаров, брат Д. Вакарова.

² *Бердарь* — здесь: Василий Гайду, изянский крестьянин, отец Ивана Гайду.

³ *Иван* — Иван Васильевич Гайду, односельчанин и друг Д. Вакарова, выпускник Хустской гимназии.

⁴ *Новгарещук* — здесь: М. В. Кеминь, его прозвище.

34. В. ГАЙДУ — Будапешт, 10. III. 1943.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ.

¹ *Миша* — М. В. Кеминь.

² *Миша* — М. В. Симулик.

³ *Циго* — ученик Хустской гимназии.

35. РОДИТЕЛЯМ — Будапешт, 25. III. 1943.

Печатается по рукописи первой публикации в «Избранном», 1963, с. 184. Написано на диалекте.

В 1942—1943 гг. в Венгрии была введена жесткая карточная система на хлеб и другие продукты питания. Студенты университета получали 150 г. хлеба в день. Поэтому Д. Вакаров иногда просил родителей выслать ему кукурузного хлеба, но это не всегда удавалось, так как пересылка хлебных продуктов была запрещена.

36. Д. ЛАЗАРЮ — Будапешт, 26. III. 1943.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ, фотокопия — в домашнем архиве И. Л. Хоменко.

¹ *Пьеро* — Петар Врбашки.

² *Словачка* — Алица Гробонова.

³ Домашний адрес Петара Врбашки, подписавшегося и внесшего деньги на «Литературный альманах» (1943).

⁴ Имеется в виду конкурс на участие в «Литературном альманахе» (1943).

⁵ *Миногоавр* — мифическое чудовище, порождение противоестественной любви.

37. В. ГАЙДУ — Будапешт, 3. IV. 1943.

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся у адресата, фотокопия — в фондах ЗКМ.

¹ Имеются в виду письма от 13. II. 1943 и от 10. III. 1943 г.

² *Миша* — М. В. Симулик.

³ *Миша* — М. В. Кеминь.

38. М. СИМУЛИКУ — Иза, 4. VII. 1943.

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся у адресата.

¹ *Коля Роман* — соклассник Д. Вакарова по гимназии, участник литературного кружка Хустской гимназии. Умер от чахотки в 1943 г.

² *Угрин* — Иван Угрин (1923—1947), закарпатский прогрессивный поэт, литературный псевдоним Бурлак.

³ *Дубинина* — Ольга Михайловна Дубинина, выпускница Хустской гимназии, участница литературного кружка Хустской гимназии.

⁴ *Дил* — гора за Рикой возле с. Изы.

⁵ «*Стара*» — имеется в виду мать О. Ю. Пристай.

⁶ *На Петра* — церковный праздник.

⁷ *Карпуглаш* — приселок с. Изы, где в здании начальной школы Д. Вакаров — гимназист и студент устраивал спектакли и проводил другие культурно-массовые мероприятия.

⁸ *Петро* — П. К. Кеминь.

⁹ *Мария* — М. Ю. Пристай.

¹⁰ *Миша* (он же по кличке Гриц) — Михаил Федорович Кеминь.

¹¹ *Поланя* — Пелагея Изай.

¹² *Иван* — И. В. Гайду.

¹³ *Миша К.* — М. В. Кеминь.

¹⁴ *Плиска* — здесь: Мария Плиска.

¹⁵ Здесь: отсрочка от военной службы.

¹⁶ *Программа* — здесь: представление для населения. Во время каникул Д. Вакаров организовал театральные и музыкально-инструментальные представления, на которые собиралась молодежь и из ближайших сел. Вечера он использовал не только для культурно-

просветительской работы среди трудящихся, но и для информирования ближайших друзей о положении на фронтах, о партизанской борьбе, а также для навязывания новых контактов.

39. М. СИМУЛИКУ — Иза, 20. VII. 1943.

Печатается по рукописи, хранящейся у адресата, копия — в фондах ЗКМ. В сокращенном виде впервые публиковалось в «Избранном», 1968, с. 185—186.

¹ *Иван* — И. В. Гайду.

² *Маруся* — Мария Дмитриевна Думницкая-Рябец, ученица Пражской гимназии.

³ *Бычков* — Великий Бычков, поселок в Раховском районе Закарпатской обл.

⁴ *Жевнице* — квартал Праги, где находилась украинская гимназия.

⁵ *Дил* — гора за Рикой возле с. Изы.

⁶ *Миля* — Эмилия Михайловна Мигалка, односельчанка, подруга Д. Вакарова.

⁷ *Гайду* — здесь и далее имеется в виду Дмитрий Петрович Гайду, односельчанин, товарищ Д. Вакарова, выпускник Хустской гимназии.

⁸ *Наблюдаю* — здесь: обращал внимание.

⁹ *Вурста* — Михаил Васильевич Вурста, учитель начальной школы с. Березова Хустского района.

¹⁰ *Богородица* — здесь: церковный праздник.

40. М. СИМУЛИКУ — Иза, 3. VIII. 1943.

Печатается полностью впервые. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 186—188. Рукопись хранится в фондах ЗКМ.

¹ *Березово* — село в Хустском районе Закарпатской области.

² *Качалова* — Мария Ивановна Качала, дочь И. П. Локоты (1884—1942), крестьянина из Великого Бычкова, одного из выдающихся руководителей рабочего и коммунистического движения в Закарпатье. С 1929 г. член ЦК КПЧ, сенатор чехословацкого парламента от Компартии. Умер в г. Ош Киргизской ССР.

41. Д. ЛАЗАРЮ — Иза, 24. VIII. 1943.

Открытка печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ.

¹ Д. Вакаров с удовлетворением отмечал свое освобождение от несения военной службы в хортистской армии.

² *Маруся* — двоюродная сестра Д. В. Лазаря.

³ *Вучкан* — Василий Иванович Вучкан, работник нотариата в с. Данилове Хустского района.

42. М. СИМУЛИКУ — Иза, 25. VIII. 1943.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся у адресата. В сокращенном виде письмо публиковалось в «Избранном», 1963, с. 186 с неточной датой.

¹ Под прошением имеется в виду заявление Д. Вакарова об отсрочке его от военной службы. В Венгрии существовал закон, согласно которому студенты высших учебных заведений освобождались от призыва в армию, для чего нужно было писать соответствующее прошение. Этим и воспользовался Д. Вакаров, как и многие другие студенты, чтобы не служить в хортистской армии.

² *Юца* — Юдия Кольвекова, словачка, студентка философского факультета Будапештского университета, подруга Д. Вакарова.

³ *Маргарита* — словачка, студентка философского факультета Будапештского университета.

43. М. СИМУЛИКУ — Иза, 20. IX. 1943.

Печатается полностью впервые. В сокращенном виде публиковалось в изданиях «Избранное», 1963, с. 188—189; 1970, с. 195—197. Рукопись хранится в фондах ЗКМ.

¹ Вучкан — В. И. Вучкан.

² Дорога от Изы до Вучковского — имеется в виду шоссе, идущая от Изы (Хустского р-на) до Вучковского (Межгорского р-на), на ремонте которой во время каникул работал со своими друзьями-односельчанами Д. Вакаров.

³ Селище — Нижнее Селище, село в Хустском районе Закарпатской области.

⁴ Цифра — Михаил Цифра, учитель школы.

⁵ Гуцулка — М. Д. Думницкая-Рябец.

⁶ Здесь и в других письмах «шпаной» Д. Вакаров в ироническом, но почтительном тоне называл своих друзей и тех близких людей, к которым относился с уважением.

⁷ Имеется в виду в сокращенном виде слово «товарищ».

⁸ Кеминь — М. Ф. Кеминь.

44. М. КЕМИНЮ — Будапешт, 29. X. 1943.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ, фотокопия — у И. Л. Хоменко.

¹ Пьеро — Петар Врбаши впервые летом 1943 г. был арестован и подвергнут страшным мучениям за распространение подпольной антифашистской литературы в известной ужасными пытками тюрьме «Армия» в г. Новом Саде (теперь СФРЮ).

² Кундря — Михаил Кундря, работник Изьянского нотариата.

³ Словачка — Алица Гробонова.

⁴ Заработанные деньги на ремонте дороги.

45. РОДИТЕЛЯМ — Будапешт, 29. X. 1943.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ, фотокопия — у И. Л. Хоменко.

¹ Д. Вакаров получил деньги, заработанные им на ремонте дорог.

² Калинка — дочь Василия Онуфриевича Вакарова, брата поэта.

³ Мишка — М. В. Кеминь.

⁴ Анця — Анна Онуфриевна Вакарова, сестра поэта.

⁵ Имеются в виду родственники Василия Вакарова.

46. ТОВАРИЩУ-ПОДПОЛЬЩИКУ — Иза, 17. I. 1944.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся у В. С. Попа. Отрывок из письма впервые опубликован в литературно-критическом очерке В. С. Попа «Закарпатський Джаліль». (См. кн.: Я навіки прийшов у життя: 36 спогадів про поета-антифашиста Д. Вакарова. — Ужгород: Карпати, 1975, с. 154—155).

Судя по содержанию, письмо адресовано, очевидно, Виктору Оросу — соучастнику Д. Вакарова по подполью.

¹ Anyaország — по-венг. «Родина-мать». Так венгры называли основную часть Венгрии. Здесь: имеется в виду Советская страна.

47. М. СИМУЛИКУ — Иза, 10. II. 1944.

Печатается полностью впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. В сокращенном виде публиковалось в «Избранном», 1963, с. 191.

¹ На второй семестр 1943/44 учебного года Д. Вакаров значительно опоздал. Он продал себе зимние каникулы для того, чтобы успешнее работать в советской разведывательной группе Ференца Патаки. Шел даже на риск быть исключенным из университета. Подпольную работу Д. Вакаров по-прежнему маскировал организацией спектаклей

и других чисто «культурных» мероприятий. В списках студентов университета Д. Вакаров все же остался: его оформил на второй семестр М. В. Симулик. Вот почему в его зачетной книжке, хранящейся в фондах Закарпатского краеведческого музея, семестровые дисциплины за 1943/44 учебный год написаны двумя почерками: за первый семестр рукой Д. Вакарова, за второй — М. В. Симуликом.

² Имеется в виду работа студентов и друзей Д. Вакарова в Будапеште.

³ *Менза* — здесь: разрешение на питание в студенческой столовой.

⁴ Вещи (костюм, рубашки и др.) так и остались в общежитии после ареста Д. Вакарова.

⁵ *Орос* — В. И. Орос.

⁶ Здесь: удастся или не удастся оформить его. В Будапешт Д. Вакаров приехал 20 февраля 1944 г.

48. М. КЕМИНЮ — Будапешт, 7. III. 1944.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ, фотокопия — у И. Л. Хоменко. Отрывок из письма опубликован в статье Ю. Сухана «Письма Дмитрия Вакарова» (газ. «Советское Закарпатье», 1955, 28 декабря). Письмо написано накануне ареста Д. Вакарова.

¹ *Максим* — Мойсей Шпицер.

² *Гриць* — М. Ф. Кеминь; Гриць — прозвище.

³ *Зеленяк* — Д. С. Зеленяк, в то время выпускник Хустской гимназии.

⁴ *Гайдов* — Д. П. Гайду.

⁵ *Микрофон* (фамильярно) — Митрофан Пасулька, выпускник Хустской гимназии.

⁶ *Золи* — З. Гомичков.

⁷ Будучи связан с разведывательной группой Ференца Патаки и имея конкретное задание по конспиративной работе и собиранию данных о враге, Д. Вакаров тщательно продумывал способ участия каждого своего друга и близкого в деле освобождения родной земли и строительства новой жизни. В письме он подчеркивает, что в данное время человек принадлежит не себе, а «более важным делам», диктуемым реальной обстановкой.

⁸ *Виктор* — Виктор Орос. (См. примеч.)

⁹ *Мошка* — М. Шпицер.

¹⁰ *Мишка* — М. Ф. Кеминь.

49. М. СИМУЛИКУ — Мараморош-Сигет, 15. IV. 1944.

Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Письмо (открытка) написано на венгерском языке в мараморош-сигетской тюрьме, откуда заключенным разрешалось писать два раза в месяц и только по-венгерски, на почтовой карточке. (Мараморош-Сигет — город на территории нынешней СР Румынии.) Перевод М. В. Симулика.

¹ *Индекс* — зачетная университетская книжка Д. Вакарова, сохранила М. В. Симуликом и передана им на хранение в ЗКМ.

² *Буглит, Ровна, Фабиян Левке* — ученики Д. Вакарова, которым он давал уроки русского языка в «Берлиц-школе» и которые с ним не успели расплатиться.

³ *Михаил Турок* — студент Будапештского университета, соклассник Д. Вакарова по Хустской гимназии.

⁴ *Левенги* — полувенгерская молодежная организация в хортистской Венгрии.

⁵ *Оля* — Ольга Михайловна Ганина, студентка философского факультета Будапештского университета.

⁶ *Маргита, Блажена, Лолиата, Марта* — студентки философского факультета Будапештского университета.

⁷ *Петр* — Петр Степанович Продан, поэт, друг Д. Вакарова, студент философского факультета Будапештского университета.

⁸ *Микула* — Николай Николаевич Гвоздык, товарищ Д. Вакарова, студент философского факультета Будапештского университета. В годы Советской власти в Закарпатье — член Союза журналистов СССР.

⁹ *Вася* — В. И. Орос.

50. М. СИМУЛИКУ — Мараморош-Сигет, 5. V. 1944.

Печатается по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Письмо (открытка) написано на венгерском языке в мараморош-сигетской тюрьме. Перевод М. В. Симулика.

¹ *Милька* — Э. М. Мигалка.

² Д. Вакаров не мог писать о судебном процессе и о приговоре, но словами в скобках «нет у меня никакой болезни» он сообщил, что держался стойко, не выдал никого, остался жив и здоров.

51. М. ШПИЦЕР Д. ВАКАРОВУ — Изв, 28. IX. 1942.

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в ЗКМ. Письмо (как и 52-е) отражает интересы прогрессивной интернациональной молодежи того времени, отношение друзей к Д. Вакарову. Отправлено Д. Вакарову в Будапешт.

¹ *Szombathely* — Сомбатхей, город в Западной Венгрии.

² *В перманенции* — в постоянной готовности.

³ Д. Вакаров находился в тесной дружбе с М. Шпидером, который считал, что Дима всегда охотно к нему заходил домой без какого-либо принуждения.

⁴ *Гавел* — Бейла Гавел, в то время директор Хустской гимназии, преследовавший прогрессивных юных литераторов и патриотически настроенную молодежь.

⁵ *Маеслав* — литературный псевдоним М. Шпидера.

⁶ *Чендей* — Иван Михайлович Чендей, в то время ученик Хустской гимназии; прозаик, в годы Советской власти в Закарпатье — журналист, член Союза писателей СССР.

⁷ *«Войте, венгры»* — стихотворение М. Шпидера.

⁸ *«Балалайка»* — еврейская народная песня.

⁹ *Титус* — Титус Васильевич Скаканди, в то время работник магазина в с. Изе.

¹⁰ *Я. К.* — инициалы белорусского поэта Янки Купалы.

¹¹ *Марта* — Марта Юльевна Сочка, в то время ученица Хустской гимназии.

52. ПЕТАР ВРБАШКИ Д. ВАКАРОВУ — Кулпин, 10. II. 1943.

Печатается по рукописи, хранящейся в фондах ЗКМ. Письмо впервые опубликовано в статье М. В. Симулика «Признание друга» в газ. «Закарпатская правда» от 17. VIII. 1984. Кулпин — село на севере внешней СФРЮ.

¹ *Б. П.* — аббревиатура: Будапешт.

² *Карта* — почтовая карточка.

³ *Поляк* — Андрей Поляк.

⁴ *Сербски* — здесь: сербы (слово образовано по аналогии с «русские»).

⁵ *Пемного* — немало.

⁶ *За меня* — для меня.

⁷ *Horvat Pal'o* — Павел Горват, словак, студент юридического факультета Будапештского университета.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Абесь — чтобы ты
Аж — если, что
Ай — но, еще
Айбо — но
Ассентировка — утверждение

Бетяр — тут: мблodeц
Благословляги — тут: бить
Блок — талон на продукты
Битанга — негодяй, мошенник, бродяга
Боканчи — ботинки
Бокор — плот
Бокораш — плотогон
Борньовка — вещевой мешок
Босорканя — ведьма
Брызге — тут: ударит
Були — больше
Буржут — минеральная вода
Бухаавут — тут: бьют, громят

Вадь — или
Вадаска — охота
Вбесь (обесь) — чтобы ты
Вбы — чтобы
Вбискагися — чесаться
Вд, выд — от
Вдомикаги, вдмикаги — открывать
Верзь, верзьте — брось, бросьте
Весьмир — вселенная
Видав — очевидно
Вико — тут: стакан
Воголоски — оглашение
Вонь — аж, будто, словно
Восько — войско, здесь: армия
Вуйош — верхняя одежда

Габа — волна
Газда — тут: богатый
Газдюк — зажиточный хозяин
Гати — тут: нижняя мужская одежда
Ги — будто, будто бы, как
Гостина — пиршество
Гратуляция — поздравление
Гудак — тут: скрипач

Гулимастика — деготь
Гунцут — проказник, хитрец, шалун
Дараба — плот
Дары — тут: свадебные подарки
Датум — дата
Дащось — что-то
Держати — тут: длиться
Десь — где-то
Де ся вбергат — где вертится
Дзвень — дзвякнуть
Довбид — до обеда
Докунчено — закончено
Долу — долой, вниз
До Микул — до праздника Николая
Дому — домой
Драницовые — крытые драницей, дранкой
Дуригруш — бесценно, ничего не стоящее, ничто

Жадный — тут: никакой
Жуковина — кольцо

Загнати — послать
Задарь — даром
Зазвiдати — спросить
Защо — почему
Зорiвка — водка

Ид — к
Изыйшли на нищо — потеряли общественную ценность
Є — есть

Ймив — словил, схватил
Йсе (есе) — это

Караны — подвинки; тут: дети
Кашиця — проволочно-каменная насыпь для регуляции реки
Кегеня — барышня, госпожа
Кекс — тут: печенье
Кньш — слоеный пирог с завернутыми внутрь краями
Ко — кто

Кой — если, когда
Колик — тут: бревнышко
Колыба — палаш для пастухов
Комашня — поминки
Кось — кто-то
Косиця — цветок
Кост — питание
Крысая — шляпа
Кулько — сколько
Куля — колья
Кумпигеры — картофель
Купуеу — покупаю

Лаба — нога
Лада — сундук для белья
Лагомия — множество
Легитимация — удостоверение
Леквар — повидло
Лисниця — дикая яблоня
Лиска — тут: рыбацкая сеть
Лудно — скучно, нудно
Лылавый — неудачник, физически слабый

Май — более
Маймало — наименьше
Марадик — плот
Маржина — рогатый скот
Магрикул — зачетная книжка
Матура — экзамен на аттестат зрелости
Мелтошагош — высокоблагородие
Ментовало — спасло, миновало, прошло мимо
Метрический цент — центнер
Моркнуги — сказать
Мусай — необходимо, надо
Мындра — спирт
Мясниця — масленица

Набізуну — наверное
Нагавицы — штаны, брюки
Наксам — наем
Налеканый — тут: напудренный
Нанагуд — на следующий год
Напаровати — приготовить
Не бай — не беда
Не ме — не будет
Не хыбило бы — тут: не мешало бы
Ни — вот
Никати — смотреть
Нич — ничего
Нігда — никогда
Ніко — никто
Нус — нос

Нуч — ночь
Ня — меня
Нянько — отец
Облок — окно
Обрус — скатерть
Опайчины — весла
Ондуляция — завивка
Пак — посылка
Пандлик — лента
Пану — панов
Парть — тут: дружба
Парны — подушки
Паруе — подходит
Пасуля — фасоль
Пасуля мачана — фасоль тертая
Пек бы ти с битангов — чтоб ты пропал
Передаш — управляющий плотом, кормовой
Перец — свадебный печеный хлеб в виде кольца
Пір'яник — венгерский жандарм
Пиловати — спешить
Повинь — половеде
Подь — иди сюда
Позад — здесь: из-за, через
Половичні топанки — полуботинки
Попозератися — оглянуться, оглядеться
Попровбовати — попробовать
Попуночи — после полуночи
Поранок — утренняя закуска
Порох — здесь: минеральное удобрение
Посиловати — угостить
Потинка — фантастический образ, олицетворение заразы, поражающей скот
Попфрыштикывати — позавтракать
Поятися — пообещать
Право — здесь: просто
Провандровати — скитаться, прогулять
Прощава — простые люди
Пуд — под
Пудрога — полтора
Пуйде козы ковати — сойдет на нет
Пулька — индюк
Пустынки — пустыки
Пуцаня — масленица
Пуцатися — отправляться (в дорогу)
Реклик — пиджак
Рекомандо — заказное письмо

Росоха — развилка, опора для жарки сала

Сбламироваться — оскандалиться
Світньв бідоа — каким-то чудом, с грехом пополам, с трудом
Сегінблєгінь — бедняк, горемыка
Сегіняш — бедняга
Сокотигися — беречься
Сусік — сундук для муки
Суг — есть

Таблицы — отдельные части плота

Тадь — но
Тай — и, также
Тайстра — полотняная сумка
Танжер — тарелка
Тажой — вот-вот
Тардболайш — переговоры
Тенгеричаный — кукурузный
Тенгеричаник — кукурузный хлеб
Тей — чай
Тинктура — тут: зеленка
Трифонты — три фунта
Токан — мамалыга, блюдо из кукурузной муки
Туй — тут, здесь
Тулько — столько
Тулькый час — столько времени
Тя — тебя

Уброслый — обросший
Уд — от
Уддався — выходит замуж
Ун — он

Уповіст — скажет
Упуночи — в полночь
Усьо — все

Фест — очень, сильно
Фигли — шутки
Фигляр, фиглярные люди — шутник, шутники
Фирис — пила, тут: лесопилка
Фурт — постоянно
Фучит — свищет, завоевает

Хлапеш — схватишь
Хыба — тут: разве

Ци — или
Ци парув — подходит ли
Ци'м — если я
Цімбор, цімбора — друг, товарищ
Цімборачка — подружка

Часть — тут: приданое
Читавый — ловкий, быстрый, здесь: сильный

Шор — ряд, подряд
Шорити — ладить, устраивать, наводить порядок

Щи, ще (ище, ищи) — еще
Що, що'м — что, что я
Що'сь — что ты

Юдо-порох — тут: йодоформ (пошок)

Яфины — черника

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Василий Поп. Устремленный в грядущее . . .	5
--	---

П О Э З И Я

Отчизне («Ты — моя вера...»)	22
Мечты («Тебя когда вспоминаю...»)...	23
Марианна	23
Весенняя тоска	24
«Люблю гулять в глухих местах...»	24
И ты — Родина моя	25
Сентябрь 1939 года	25
Песни льются	26
Иза	26
Звезды	27
К милой	28
«Ну, куда же ты рвешься, безумное сердце...»	28
«Взирая на стихов своих помятые листы...»	29
Тебе	29
Буря («Пляшет дикая стихия...»)	30
«...Звучат как-то грустно...»	30
«Сжался ты надо мной...»	31
«Я видел сон, прелестный сон...»	31
К В-ой	31
«Вот совет тебе сердечный...»	32
«...Я вчера так безумно желал...»	32
Мать	32
Прелюдии	33
Исповедь («Ох, помню, как ты трепетала...»)	34
К Марии Ш.	34
Буря («Разыгралася стихия...»)	35
Сон	35
Певцы	36
Круговорот	36
Пробуждение	37
Проклятье	37
Очи карие	38
Отчизне («Грустишь ли, я тяжело вздыхаю...»)	38
К ней	39
Песня («Подожди, не спеши...»)	39
Я пришел	40
Сальдо	40
Уныние	41
Мараморошская майская ночь	41
Звезды и очи	42
В мире звезд и бездн	42

Завет	43
Мы	43
Косари	44
«Мне жалко напрасно потерянных лет...»	44
Первая любовь	45
«Кто знает судьбы предрешенье?..»	45
Кинешь взором	46
Консонанс («Кто жил без веры, упования...»)	46
Есть ли?	47
Я бы желал...	47
«...И душа моя неясно...»	47
Две бездны	48
Консонанс («Когда настроенной гитары...»)	48
Проблески	48
Дикая роза (По Гете)	49
К неизвестной подруге	49
Очи («Очи, волшебные очи...»)	50
Синь	50
«Мне кажется, что я здесь жил когда-то...»	51
О жизнь! Ты — миг...	52
Капля за каплею...	52
«Люблю бессмертный дух народа...»	52
Живой труп	53
Исповедь («В унынье пребывая черном...»)	53
«О, возьми мою страстную душу...»	53
Звон	54
Алая роза	54
Может быть...	55
Разлука	55
В далеком будущем	56
«Как больно веровать в земное...»	57
«Если нету огня...»	57
Другу	58
Небесные очи	58
Слезы («Слезы бессильные...»)	59
Что я люблю	59
Весною (Из Гейне)	60
Мольба	60
«Зачем я без любви люблю...»	61
Неизвестной подруге	61
Удар за ударом	61
«Утром и в сумерки ясные...»	62
Карпатское утро	62
Бокораши	63
Вечерние думы	67
Мои сдлуэты	68
А. В. Духнович	68
Новые люди	69
Иза в майскую ночь	70
«Россия, мать родная...»	71
Незванный гость	71
Триолет («Когда я музыке внимаю...»)	72
Слезы («Слезы невинные, перлы бесценные...»)	72
Ольге («Оля, Оля, сколько горя...»)	73
Родине	74

Сердце	74
Они не такие...	75
Порывы	75
Консонанс («Из тонов и диссонансов...»)	76
«В минуты ясного виденья...»	76
Моя сторона	77
Довольно слов!	78
Пушай...	79
Смотри	79
Моя Родина	80
Вьюга	80
«Немного лет пройдет...»	81
Будет день!	81
«Хочу я звонко, полнозвучно...»	81
Леса	82
Присяга	82
Май	83
Ольге («Ольга, ты царица моих сновиде- ний...»)	83
Мечты («Всегда один...»)	84
Смотришь...	84
Моей избранной	85
«Озеро сонными плещет волнами...»	86
«Гармония — моя стихия...»	86
Весна	86
Друзьям-поэтам	87
Нет	87
Триолет («Весне — волшебнице веселой...»)	88
Притча о чудотворном маляре	89
«Весьмир — это краски и тоны...»	89
«Сущность весьмира — одна...»	90
«Встанем, карпатские братья...»	90
А. С. Пушкину	91
Мое творчество	91
«Я сердцем чувствую и верю...»	91
Думы	92
Гитара	93
Чайка	93
Многим	94
Ужасной красавице	95
Так трудно...	96
Родное	97
«Один, всегда один, как тополь среди поля...»	97
Бунтари	98
К отцу	99
Наш путь	99
Инвалиды	100
Не жди!	100
Песня («Сложили мы песню...»)	100
Вперед!	101
«Люблю тебя, мой край привольный...»	101
«Алмаз мне очень нравится...»	101
Строят...	102
Я бью пером!	102
Мой товарищ	103
Над лесами гомон птичий	103

Голодный поход	104
Жандармы	104
Лесорубы	105
Ренегаты	105
«Отдает уже гнилью могильною...»	105
Время настанет	106
«В крови захлебнулся мир старый...»	107
Не будет!	107
Мстители	107
«Из хат выходят на просторы...»	108
Все сами возьмем!	108
Рассвет	109

РАССКАЗЫ. ФЕЛЬЕТОНЫ

Иван Прокуп	112
Где счастье?	114
Большая перемена	115
В Карпатах	116
Богатыри	120
Любовь гимназиста	123
О литературе и о Кобыле	127

ДОПОЛНЕНИЯ

I. ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Свадебные обычаи	132
Зимние рассказы об упырях	135
Цыган в анекдотах	137
Из «Песенника»	140

II. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ И ЗАМЕТКИ

Записная книжка	
Из прочитанной литературы	155
Студенческая тетрадь	
Славянская чайная вечеринка в Будапеште	161
Описание книжного магазина	162
Sapienter providentia divina nos futura celavit	163

III. ПИСЬМА 164

ПРИМЕЧАНИЯ 219

Объяснение слов и выражений	265
---------------------------------------	-----

Библиотека «Карпаты»

Дмитрий Онуфріевич Вакаров

СОЧИНЕНИЯ

Составители:

Емельян Дмитриевич Довганич,

Василий Степанович Поц,

Михаил Васильевич Симулик, Василий Андреевич Сочка,

Иван Леонтьевич Хоменко

Вступительная статья

Василия Степановича Поца

Художник Василий Степанович Олашин

Ужгород, ордена Дружбы народов

издательство «Карпаты»

Редактор О. П. Логвиненко

Оформ. «Библиотеки» И. П. Плесканко

Худож. редактор В. А. Томашевский

Техн. редактор М. Р. Черкашина

Корректоры Л. В. Вароди, Е. С. Павлик

ИБ № 1502

Сдано в набор 10. 06. 85.

Подписано в печать 05. 12. 85. ББ 02086.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1.

Обыкновенная новая гарнитура. Высок. печать.

Услов. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Услов. кр.-отт. 15,96.

Учет.-изд. л. 17,01. Тираж 8000 экз. Заказ № 989-5.

Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Карпати».

294000, Ужгород, пл. Советская, 3.

Львовская книжная фабрика «Атлас».

290005, Львов-5, ул. Зеленая, 20.

Вакаров Д. О.

- В14 Сочинения / [Ред. кол. : В. И. Данканич, А. И. Дей, П. К. Добрянский и др.; Ред. комис.: В. И. Данканич, Е. Д. Довганич, А. О. Олексик-Вакарова и др.; Сост. Е. Д. Довганич, В. С. Поц, М. В. Симулик и др.; Вступ. ст. В. С. Поца]; Худож. В. С. Олашин.— Ужгород: Карпати, 1986.— 272 с., 8 л. ил., портр.— (Б-ка «Карпаты»).

«Сочинения» — наиболее полное издание произведений закарпатского поэта-антифашиста Дмитрия Вакарова (1920—1945), замученного в фашистском концлагере. Два раздела составили поэтические и прозаические произведения, которые сверены с рукописями автора. Раздел «Дополнения» объединяет материалы, расширяющие представление о творческом и человеческом облике писателя. Наряду с опубликованными, в книгу вошли неизвестные читателю материалы.

1 р. 60 к.

5

